

Без Иллюзий

Алексей
Уманский

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Уманский

Без иллюзий

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Уманский А. Н.

Без иллюзий / А. Н. Уманский — «ЛитРес: Самиздат», 2007

«Без иллюзий» продолжает ряд сюжетных линий предыдущего романа. Тот же лирический герой, Михаил Горский, от имени которого велось повествование в романе «Легко видеть», размышляет о жизни и своем поколении. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	40
Глава 4	48
Глава 5	55
Глава 6	75
Глава 7	96
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Посвящается М. Г. и сверстникам из нашего с ней близкого круга общения

Москва, 2007 год

А все-таки она вертится!

Галилео Галилей о движении Земли вокруг Солнца, 1642 год.

Глава 1

Время медленно приближалось к концу рабочего дня. Остался всего какой-нибудь час, и Нина, тяготясь незанятостью, с удовольствием бы уже ушла, но эта благоразумная мысль наткнулась на разумное же предостережение – уйдешь без спросу, а тогда кто-нибудь явится сюда, в партбюро, возможно даже сам поганец секретарь, он же заодно и заместитель директора – Виктор Титов-Обскуров, а то и сам директор института позвонит. Тогда скандал будет. Директор Беланов еще при Сталине был пожалован в генералы за его политические подвиги – как же: очищал от вредителей кадровый состав Главсевморпути. Кроме как в политике и в мелочах никаким генералом он на самом деле не был. Нине все-таки доводилось видеть и встречаться с настоящими генералами на фронте или близ него в течение всей войны, так что сравнить Беланова ей было с кем. Преданность последнему товарищу Сталину была главным оружием, которое он мог и умел использовать, которым он в достаточно совершенной степени владел. Но эпоха Сталина кончилась, всего какой-то год назад кончилась и карьера, нет – тоже эпоха – Никиты Хрущева, тоже в достаточной степени сталинского лизоблюда и столь же «подлинного» генерала, как Беланов, только на одну звезду чином повыше. Культ личности Сталина он, правда, разоблачил – в этом надо отдать ему справедливость: выпустил политзаключенных из лагерей, народ при нем стал жить заметно лучше и достаточней, но все равно на гребне доброй волны не удержался: укрепив личную власть, во вскружившем ему голову вихре подхалимских похвал и поддакиваний, возомнил себя абсолютно всегда правым вождем и даже начал сажать кое-кого из с ним несогласных, покуда его же подхалимы и прихлебатели, испугавшись за свою судьбу, не сместили его со всех постов в партии и государстве, превратив тем самым в персонального поднадзорного пенсионера, который может теперь на досуге беспрепятственно разбирать свое великое прошлое и, главным образом, те ошибки, которые он допустил в отношении своих выдвиненцев-друзей. Теперь он для них не представлял никакой опасности. Но для страны он ее все-таки представлял. Его горячее желание обеспечить страну зерном в настоящем изобилии – в первую очередь за счет кукурузы – привело в расстройство все земледелие и на долгие годы обрекло государство на постоянный огромный импорт пшеницы из Канады и США, а, стало быть, – и на постоянный шантаж со стороны врагов СССР уморить страну если не совсем голодом, то, как минимум, серьезным недоеданием – будто при Ленине и Сталине народ этого еще не нахлебался. И вот теперь в итоге страной правит все такой же славный «боевой» политический генерал, как и его предшественник – дорогой Леонид Ильич Брежнев. От Хрущева его в лучшую сторону отличала разве что приятная внешность – вроде как удалец, особенно если увидишь его с дамой, танцующим фокстрот, когда правая рука сама собой соскальзывает со спины куда-то пониже талии. Вся страна видела, что он – бабник и своих удовольствий ни на что не променяет – даже на плетение партийных политических интриг и на непрерывный надзор за друзьями, особенно же на контроль за членами политбюро и теми, кто особенно настойчиво туда лезет. Ну, а Нина со своим собственным богатым опытом жизни тем более обмануться не могла – такие ей были видны буквально насквозь.

Ее мысли прервал звонок городского телефона. Стало быть, это было не институтское начальство со срочным заданием отпечатать какую-нибудь бумагу до конца рабочего дня. Она сняла трубку: «Аллё? И услышала в ответ: «Нина Александровна? Здравствуй, Нинон, это Миша!» – но она успела узнать его голос до того, как он назвался. – «Здравствуй! – отозвалась она. – Ты что, не в институте?» Михаил Горский работал здесь же начальником отдела. – «Нет, не в институте, – ответил он. – Но хотел бы увидеть тебя сегодня за его стенами. Ты могла бы уйти сегодня пораньше? Тогда бы мы поехали к тебе.» Нина на секунду задумалась. Вообще-то ей уже давно хотелось добраться с Мишей до постели. Он частенько заходил к ней

в партбюро, хотя и не являлся членом партии (впрочем, пока что и она – технический секретарь партбюро – еще не была членом партии, хотя по соображениям устойчивости склонялась к тому, чтобы им стать) – заходил, откровенно и интересно для обоих говорил на всякие-разные темы от институтских новостей до мировой политики и до спортивных туристских походов, в которых он был большой мастак, а главное – под эти разговоры он обнимал и целовал ее, ласкал как ей нравилось, вплоть до того, что у нее начинала кружиться голова. И однажды, после того, как Михаил уже очень распалил ее, Нина в сердцах ткнула его в грудь кулачком и сказала: «Гангстер ты, вот кто! Распалишь меня – и идешь домой к жене! А я после этого возвращаюсь в свой дом одна!» Нина могла бы добавить, что не только к жене. Весь институт знал, что у него в любовницах завсектором из его отдела – Ольга Дробышевская – ничего не скажешь – видная и очень аппетитная дамочка, особенно за счет сногшибательного бюста, по слухам – не особенно умна, но уж свое-то дело знает хоть куда, в этом не может быть никаких сомнений. Нине где-то льстило, что, Ольга, приблизительно ровесница Михаила, не заслоняет от него ее, Нину, зрелую женщину, старше Мишиной любовницы на девять или десять лет, и отдает ей явное предпочтение перед другими дамами института, том числе и явно красивыми, каких немало попало в коллектив во время авральской кампании набора сотрудников. Насчет Ольги она не пеняла Михаилу по нескольким причинам. Во-первых, ей самой представлялось вполне естественным в один и тот же период времени поддерживать любовные отношения с несколькими мужчинами – ведь ничто другое не приносит таких приятных ощущений, как это, ну, а поскольку она признает это верным для себя, то по справедливости подобное же право на нескольких любовниц можно признать и за мужчиной. Во-вторых, врожденный такт подсказывал Нине, что упрекать мужика, с которым охота переспать, за его любовницу – дело глупое и бесполезное. А коль скоро она действительно пожелает быть его единственной женщиной для любви, то должна будет сама постараться настолько затмить конкуренток, чтобы у любовника и мысли не возникло желать кого-то кроме нее. Ну, в-третьих, разве при такой неустойчивости жизни имеет смысл упускать возможности, которые сами в руки идут? Так уж сложилось у нее, что после мужа-майора других претендентов на ту же роль больше не нашлось. Она хотела было выйти замуж за своего балеруна, да он предпочел какую-то более выгодную бабу, по его же признанию, очень уступающую ей как женщине. Нина не сомневалась в его искренности, поскольку и после свадьбы он продолжал бегать к ней даже чаще, чем прежде, покуда рутинная работа не взяла свое, и он не отдалился совсем. Дома ему, скорей всего, пригрозили отлучением от денежных средств, если не разводом. Вот и пришлось ему прислуживать в постели не той, кому хотелось.

– Ты откуда звонишь? – спросила Нина после короткой паузы.

– Из автомата на улице Горького.

– Ладно. Подожди, попытаюсь отпроситься.

Миша слышал, как Нина говорит по внутреннему телефону. Потом она вернулась на его линию:

– Хорошо. Жди меня через полчаса на Пушкинской площади возле памятника.

– Непременно! – ответил он, и она ощутила по голосу, как он обрадован.

Михаил еще накануне днем продумал, как ему обеспечить возможность интимного сближения с Ниной. Он и сам уже давно хотел познать эту очень красивую женщину с откровенными и свободными взглядами на любовь. В ней все было искренним, без малейшего притворства, а потому в ней, несмотря на приверженность к разным партнерам, безошибочно угадывались честность и благородство. Не ее вина в том, что она не нашла подходящего по уму и темпераменту мужа среди своих сверстников – война истребила их, оставив от всех от силы двадцатую часть. И не одной испорченностью объяснялась ее склонность к романам с более молодыми мужчинами, что свойственно многим распутным и требовательным дамам, а в первую очередь тем, что на ее возрастном поле неразобранных мужчин не осталось совсем.

Впрочем, первоначальный его интерес к Нине произошел не из этого. Возбудитель передан ему опосредованно, через сотрудницу соседнего отдела Клару, яркую и фигуристую красавицу, которая попыталась было заинтересовать собой Михаила больше, чем он интересовался Ольгой, в чем, однако, не преуспела. Они стали просто приятелями, причем Клара иногда напоминала ему, за что он предпочел Олю. Михаил воспринимал это всего лишь как легкий укор.

Однажды Клара взволнованным тоном передала ему новость: накануне она была с несколькими сотрудниками в гостях у Нины – ну, ты знаешь ее, сидит в партбюро техническим секретарем. Михаил кивнул.

– Так вот представляешь, вошли мы в комнату, и первое, что бросилось в глаза – большое горизонтальное зеркало на уровне спинки дивана и прямо над ним на стене. Пораженный Штучник прямо так и выдохнул там: «Вот это да!» – и все почувствовали то же самое.

Штучник был, по мнению Михаила, полным интеллектуальным импотентом, что не помешало ему, однако, иметь диплом кандидата технических наук и чувствовать себя в институте достаточно уверенно, по крайней мере, на первых порах. Нехватку ума он пытался возмещать светской обходительностью, которая служила ему полезным дополнением к хорошему росту, достаточно стройной фигуре и не выдававшему его глупость лицу. Удивляясь тому, как такой человек смог стать кандидатом, Михаил не поленился в каталоге диссертантов в Ленинской библиотеке найти его карточку. В названии диссертации значилось: «Исследование весового износа режущего инструмента». В голове мгновенно возник образ исследователя,двигающего науку вперед. Вот он взвешивает резец перед установкой его на токарный или какой-то иной металлообрабатывающий станок, а когда рабочий-станочник находит, что инструмент уже износился, то есть затупился, утратил режущие свойства, и заменяет его новым резцом, Штучник тут как тут принимает заменяемый резец в свои исследовательские руки и снова кладет на весы, после чего подсчитывает потерю веса победита, быстрорежущей стали или чего-то еще. Никаких попыток вывести из исследований стойкость режущих кромок во времени в зависимости от режимов резания, ни даже установления допустимого числа переточек вплоть до исчерпания режущего ресурса инструмента, что все же было бы полезно знать. Единственное, что можно было установить в ходе данного исследования – так это расход массы режущих материалов на данном производстве с данными материалами, подвергшимися обработке. То есть очень немного, особенно в свете тех номинально высоких требований, которые предъявляет к диссертации ВАК. Как могли утвердить такую тему диссертации, не говоря уже о том, как он смог благополучно ее защитить? Ответ мог быть только один: кто-то из сильных мира сего либо в области металлообработки, либо выше – в управляющих кругах – обеспечил своему протеже Штучнику достаточную поддержку, чтобы ученый совет не заметил незначительности научного труда.

Подозрения Михаила насчет «высокого научно-технического уровня» кандидата наук Штучника вскоре действительно подтвердились. Однако это отнюдь не значило, что Штучник ничего не понимал в постельных делах. Сведения, полученные от Клары, взбудоражили и Михаила. Он легко представил себе женщину на коленях, позади которой активно работает, то, поглядывая вниз, на красавицу, то на боковое ее отражение в зеркале, переполняясь видами с двух в высшей степени завлекательных сторон. И даме в данной позиции в свою очередь легко было видеть, как именно действует партнер, чтобы воспринимать его не только посредством осязания. Да, по всему получалось, что Нина – женщина что надо. А он до сих пор знал ее только вприглядку, причем одетой и остающейся на немалой дистанции. Ему захотелось познакомиться с Ниной поближе. Нет, это еще не было страстным влечением или категорическим сексуальным императивом, но вызовом оно являлось бесспорно, причем недвусмысленно сексуальным.

Случай к знакомству вскоре представился, вроде как сам собой. Секретарь партийной организации Титов-Обскуров желал быть не только первым заместителем директора института, каковым он официально являлся. Ему хотелось быть всевластным хозяином института, разве только не номинальным. Он здраво судил о том, что директором его все равно не назначат – даже если он подсидит и скомпрометирует генерала Беланова – просто тогда назначат кого-то еще со стороны из резерва номенклатуры МК или ЦК. В таком случае ему оставалось только обосноваться в роли серого кардинала, эдакого мини-Ришелье при Беланове, которым он манипулировал, как хотел. По этой причине он вызывал к себе как партийный секретарь всех начальников отделов, дабы осуществлять партийное руководство и контроль за всеми делами института. По статусу он действительно имел такие права и такие обязанности. Дошла очередь и до Горского. Разговор шел при Нине. Титов-Обскуров спрашивал, Михаил отвечал. Секретарь знал, что Михаилу нелегко прокладывать путь, которым он считал нужным идти. Многочисленные противники старались привести его к норме на основе полубредового демагогического подхода к созданию всех официальных классификационных систем производственного, управляющего и экономического характера, отправляясь всего лишь от всесоюзного классификатора продукции, построенного по прямой аналогии с классификатором федеральных поставок министерству обороны Соединенных Штатов. Титов-Обскуров был неглуп, скорее наоборот, поэтому он легко понял, о чем заботится Михаил, равно как и то, что со временем классификатор номенклатурной продукции проявит свою поисковую ограниченность и непригодность для решения более широкого круга задач, кроме задачи обеспечения поставок. Разумеется, он не выразил никакого стремления поддерживать Михаила в его борьбе за действительно значимый государственный интерес, но запомнил, что за этим довольно молодым инженером с десятилетним стажем есть, однако, и некоторая правота, и что он не уклоняется от борьбы, стараясь делать так, как считает правильным. В сущности, Титов обеспечивал себе возможность в зависимости от конъюнктурных обстоятельств высказываться «партийным словом» в любую сторону – в пользу Михаила или против – как будет полезней для него, серого кардинала и партсекретаря. Среди разговора с Михаилом Титова-Обскурова вызвал директор, и Михаил довольно надолго остался с Ниной наедине. Он поинтересовался, чем она занималась до того, как попала в этот институт. Оказалось, что Нина и прежде секретарствовала, в том числе и в Министерстве торговли РСФСР. Там она заочно окончила экономический институт, но по специальности экономиста работала недолго. Сюда ее в значительной степени занес случай. Директор с громадной радостью обнаружил, что новая сотрудница в только что созданном институте, главой которого он стал, безукоризненно и быстро печатает на машинке все важные бумаги, которые шли в разные инстанции. По этой причине он убедил ее стать техническим секретарем партбюро, где она могла в любой момент послужить ему палочкой-выручалочкой.

Нина спросила у Михаила, чем он занимался после окончания МВТУ. Оказалось, путь у него был простой – конструктор на приборостроительном заводе, конструктор третьей, второй, затем первой категории в авиационном ОКБ стандартов. А потом они свободно заговорили о том, что им нравится, а что не нравится в этом институте. У Михаила ни на мгновение не возникла предостерегающая мысль, стоит ли откровенничать с малознакомой особой, находящейся в непосредственной близости к директору и его амбициозному заму. Он точно почувствовал, что она не играет в доверительность и откровенность – не играет и всё, такая уж у нее натура. С этого и началось. А после первого знакомства пошло, как говорил герой Бориса Можаева – «дале-шире». Михаил заходил в партбюро к Нине без всяких вызовов. Иногда он заставал там и Титова-Обскурова, но из-за этого не тушевался, находя повод поговорить и с ним, и с Ниной. Секретарь парторганизации несомненно чувствовал, что визиты Михаила происходят совсем неспроста, однако и Михаил не чувствовал, чтобы Титов ревновал к нему Нину, хотя это несколько удивляло. К женщине такого класса трудно было оставаться равнодушным. Вскоре Нина и Михаил перешли на «ты», а затем в дополнение к речам пошли

в ход руки и губы. Нина не противилась с самого начала. Слова, в которых он передавал ей свое восхищение, достигали цели, а объятия и поцелуи подкрепляли успех. Конечно, время от времени Нина напоминала ему, что они рискуют, что сюда могут внезапно войти посторонние, но в конце концов это мало заботило их обоих. Порой Михаил ловил себя на мысли, что с Ниной ему не хуже, чем с Олей, тем более, что с Олей наедине им случалось оказываться вместе из рук вон редко. Мест для любовных свиданий не было ни у нее, ни у него, а согласия знакомых насчет встречи в их квартирах давались очень непросто. В перспективе с Ниной не должно было быть никаких затруднений. Выбери только время, когда тебя не будут подозревать в недопустимых вольностях ни жена, ни любовница – и ты, «гангстер», сподобишься получить индульгенцию в постели на диване под длинным горизонтальным зеркалом, о котором никогда не хотелось забывать. Хотя нет, не просто не хотелось. Это было просто невозможно по природе вещей, воплощенной в *sex appeal*, усиленный взаимной симпатией. Впрочем, одно отличие – и притом важнейшее – между Олей и Ниной все-таки постоянно оставалось. Олю он любил, о Нине же он грезил как о еще одной женщине, с которой ему могло быть душевно и телесно хорошо. Нинина сексуальная поливалентность его не оскорбляла, не обижала, не задевала и даже не занимала. Окажется ли под зеркалом на диване другой мужчина – а Михаил был уверен, что непременно окажется – это было ее делом, ее жизненным выбором или уделом, но не его. Плоскости их эклиптик пересекались, но не совмещались, а в результате обоим было хорошо друг с другом время от времени, а от времени до времени совсем не тяжко. Михаил уже знал с Нининых слов, что она познала любовь в ночь сразу после выпускного школьного вечера, когда ею овладел, а она с охотой отдалась тому, кого любила. Он был лучшим спортсменом школы, а она – самой красивой девушкой в старших классах, и им бы и любить друг друга дальше, но на следующий день началась война. Её милый сразу попал в авиационное училище. Наскоро выученный, он вскоре погиб на фронте. Нинин отец был известным цирковым борцом того классического стиля, которому так соответствовали в свое время полосатые трико и черные закрученные усы. И вообще почти вся Нинина семья в трех как минимум поколениях принадлежала цирку. Племянница стала гимнасткой-воздушницей и, по оценке специалистов, делала нечто небывалое, жена брата работала в кассе цирка, зять дрессировал медведей и выступал с ними. Наверное, цирковой бум чисто случайно не вовлек в себя и Нину. Правда, Михаил не слышал, чтобы ее воспитывали в каком-либо цирковом жанре, но если бы она захотела делать что-то в этом смысле, ей бы это наверняка удалось. Тело у нее до сих пор было сильное, стройное и молодое, лицо, надо сказать, тоже. А насчет Нининой груди, до которой он уже добирался не только руками, но и глазами, он услышал ее собственную, сказанную с гордостью оценку – нет, утверждение: «как у девочки». И это была правда – как у девочки, но уже очень хорошо развитой, не просто свежей. С началом войны дальновидный отец, понимавший, что мобилизация в такой войне очень скоро захватит и большинство молодых женщин, тем более – незамужних и бездетных девчонок, став начальником санитарного поезда, без проволочек зачислил дочь в штат этой по преимуществу женской воинской части, где он сам мог как-то ограждать ее от грубых посягательств находящихся в нескольких шагах от смерти мужчин, которым придавали решимость и силу не только долгий отрыв от домов и семей, но и доводящие до отчаяния ожидания гибели в любой следующий момент хрупкого бытия. Нина не говорила, что бывала совсем на передовой или на поле боя, где надо было вытаскивать раненых из-под огня или отбиваться самой, стреляя из пистолетика, но что под обстрелы и бомбежки их поезд попадал, об этом она рассказывала определенно. И вот, пройдя через все это, она сохранила себя такой (или почти такой), какой встретила войну с погибшим милым. Она была вправе гордиться собой, а не просто радоваться тому, что уцелела, тому, что ни люди, ни обстоятельства не обобрали и не сломали ее – пусть отчасти благодаря отцу, но несомненно и в результате ее собственной заботы о своей судьбе. Да, Михаил действительно находил ее восхитительно молодой, даже юной, а то, что в ней при этом суще-

ствовала весьма искусственная женщина, придавало ее юной прелести особенно привлекательную остроту. Даже при такой необычайно одаренной, роскошной женщине, какой предстала ему любимая Оля, он чувствовал, что внутри него осталось достаточно места, чтобы наряду с ней там поместилась и Нина. Как очень дорогой человек, которому очень хочется желать счастья и которому ты готов в меру сил помогать, чтобы он действительно был счастлив.

Чувствуя себя виноватым за то, что распалив Нину, он не удовлетворял ее, Михаил понял, что больше оттягивать время решительной встречи нельзя, несмотря на то, что мысль об Оле его до сих пор все-таки сдерживала. Он зашел в партбюро, поцеловал Нину и, сказав, что завтра он будет в комитете по науке, обещал позвонить, когда освободится. Из института он напрямик вернулся домой. Часа через два ему позвонила Оля. Голос ее, любимый, волнуемый голос, казался, светился радостью. Она сказала, что завтра вечером будет дома одна и сможет подарить ему себя. Вот это был номер! Михаил мгновенно понял, что ему предложена принципиальная проверка со стороны Высших Сил. Еще днем Оля ничего не знала об отъезде мужа. И вот, пожалуйста, ему предстоит немедленно выбирать, кто ему дороже из двух женщин, нет, вернее другое – Олю он несомненно любит больше, дело в другом – кого он выберет для любовной встречи назавтра: Олю, по которой уже давным-давно соскучился, или Нину, которую еще не знал, но обещал узнать и себе, и ей. Можно было найти выход в том, чтобы завтра предупредить Нину о переносе встречи на другой день, но он понял, что волынка со свиданием будет воспринята Ниной как очередной гангстерский маневр. Жаль было обмануть ожидания обеих, но обойтись без обмана одной из них никак не получалось. Михаил оттягивал свой ответ Оле до последней микросекунды, пока еще можно было дать его без вызывающей подозрения паузы. Он и сам уже жалел себя, когда начал говорить.

– Олечка, завтра никак не получится. Мы с Леной обещали завтра вместе пойти в гости. Отменять визит уже поздно.

Голос любовницы, еще несколько секунд назад обещавший ему отдать себя для Небесного Счастья, в один миг стал совершенно другим. В окраске глубоко драматичного минора Оля произнесла:

– Как жаль!

Положив трубку после нескольких своих слов сожаления, Михаил уже не знал, сможет ли в той степени, в какой ожидал, радоваться встрече с Ниной. Нет, не спроста вдруг у Оли освободился вечер, как только он договорился впервые побывать у Нины – у нее и в ней.

– Наверху все видят и знают, – устало подумал он.

– А как ты выглядел после предложенного испытания? – спросил он себя и тут же сообразил:

– Плохо, и еще раз плохо. Только Нина в этом не виновата. Плох ты сам.

Они встретились около памятника Пушкину. Нина пришла со стороны Никитского бульвара улыбающаяся и раздумывавшаяся на морозе. Поцеловавшись, они сразу сели в маршрутное такси и меньше чем за десять минут доехали до Нининого дома. Она жила на углу Ленинградского проспекта и улицы «Правды» в памятном ему длинном темно-сером здании, в котором наряду с квартирами находился спортклуб «Крылья Советов». Мимо него он множество раз проходил немного дальше от центра, ища встречи со своей первой в жизни любовью – Ирочкой Голубевой, и почти не надеясь на нее, настолько он был скован с головой захватившим его абсолютно новым чувством. Впрочем, Нине он ничего не сказал. Они со двора поднялись к ее квартире. И вот он увидел просторную комнату, долгожданное длинное зеркало и диван под ним немного большей длины. Все оказалось так, как он думал, кроме одного – просторное помещение было лишено интимной ограниченности будуара. Впрочем, это мало что значило. Когда есть с кем, есть где и на чем, и никто не мешает, любовь запросто обходится без будуара. Вот только любовь ли? И всегда ли любовь?

Михаил не угадал с приношением. Шампанское, как будто бы всегда уместное в подобных случаях, для Нины оказалось не совсем приемлемым. То есть, конечно она выпила и его, но очень немного, опасаясь, что иначе у нее разболится голова. Торт был признан не вредным. Но это были всего лишь аксессуары прелюдии, но не само действие. Обе стороны не были склонны затягивать подготовку.

Михаил попросил:

– Нинон, красавица, разденься! Хочу, наконец, увидеть тебя всю!

Она не стала ломаться и стала быстро раздеваться, но заметив, что Михаил только смотрит, спросила полусерьезно, полуиронично:

– Синьор, а вы?

Михаил спохватился и начал ее догонять. Нинина нагота соответствовала его ожиданиям. Пропорции – самые эстетические, в его вкусе: где надо – крупно, где надо – тонко. Линии – соблазнительно плавные, в гармонии с лицом. Треугольник в контрасте с белизной кожи – черный. Неудивительно. Нина говорила, что по природе она брюнетка, но и окрашенные волосы на голове не портили ее. И все действительно в изумительной девичьей сохранности – и бедра, и зад, и грудь – особенно грудь, только живот несколько выпадал из юношеского безмятежного стиля. Михаил даже не мог понять, почему.

Нина тоже разглядывала его – с интересом, но без цинизма. Впрочем, иного Михаил и не ожидал. Они обнялись стоя, поцеловались, легли на диван. Нина была согласна делать все, что ему нравилось, в том числе и то, что он мечтал видеть сбоку от себя в зеркале. И с любой стороны Нина выглядела восхитительно, не говоря уж об умении отдаваться искренно и до конца.

И все же Олю она не затмевала. Нет-нет, все было хорошо, но даже тут у Михаила мелькала мысль, что именно сейчас он мог бы получать еще большее наслаждение, испытывать еще больший восторг, если бы не выбрал верность слову, данному Нине, а сохранил бы верность главной любви. Это еще нельзя было считать раскаянием, но самообвинение уже поднимало голову, заявляло о себе и, без сомнения, обещало какие-то покуда неясные, непроявившиеся осложнения в той общей будущности, о которой они всерьез говорили с Олей. Какими они окажутся? Пока что его не то чтобы тревожило – скорее призывало к вниманию только одно Олино свойство – как она думает в браке с Михаилом самостоятельно утверждать себя творческой личностью? Или вовсе не думает? Прямых планов и целей на этот счет у Оли как будто и не было. Да, она хотела защитить диссертацию и стать кандидатом наук подобно множеству научно остепененных людей, которых знала и наблюдала. Было несомненно разумно следовать их примеру, чтобы можно было точно так же, как и им, пользоваться кандидатскими привилегиями: увеличенной почти вдвое зарплатой в той же должности, преимуществами при устройстве на работу, а кое-где и в полтора раза увеличенным отпуском – живи себе и не горюй, после защиты и утверждения в ВАКе степень будет до скончания века работать на тебя, а не ты на степень. Похоже, что достижением такого блаженного состояния интерес Оли к науке исчерпывался. У Нины, правда, и такого не находилось, но хуже от этого она не выглядела, не имея к науке претензий и не ожидая дополнительных благ от нее. У Нины был иной конек, с которого она не собиралась пересаживаться ни на какой другой. Секс работал на нее, и она работала ради секса, не ожидая от жизни большего блага, чем это. Первую любовь у нее отняла война. Сколько было попыток обрести другую, трудно было представить, а спрашивать Михаил не хотел – понимал, что они, разумеется, были, только вряд ли привели к успеху, а вот огромная радость от секса была вполне достижима несмотря на войну, на отсутствие постоянного мужа, на неизбежные осечки с проходящими или постоянными любовниками. Для достижения радости ей требовалось относительно небольшое и вполне достижимое – чтобы партнер сам по себе был симпатичен, хорошо сложен и в специфическом смысле вполне работоспособен,

чтобы при этом был в меру тактичен и безусловно не хам. А остальное она и так имела – свою постоянную комнату в коммуналке и свободное время для встреч.

Её никак не могли характеризовать иные слова, кроме приятной и честной любовницы, смысл которых состоит в том, чтобы принизить достоинства женщины – особенно с моральной стороны. К ней не липли определения вроде «честной давалки», «дамы легкого поведения», тем более такое как блядь. Ни легкомыслия, ни неразборчивости, ни корыстолюбия в ней не чувствовалось ни грамма. Возможно, в древности она могла бы вполне подойти к роли жрицы любви для упоения в страсти в честь богини любви с высшими слоями духовного сословия, но с храмами подобного рода было давным-давно покончено, по крайней мере, в Европе. Их заменили бордели, дома свиданий вкуче с кафе-шантанами, стриптиз-барами и кабаре, хотя всему этому вместе взятому было не под силу достичь того, что могли дать настоящие храмы любви. Слава Богу, – думал Михаил – существуют еще порядочные женщины, понимающие толк в любви и не стесняющиеся проявить своих умений.

– Нина, Нина! – благодарно шептал Михаил, чувствуя, как в нее истекает.

Он успел перед кульминацией спросить ее, надо ли предохраняться, но она ответила: – Нет!

Нина повернула к нему лицо, тронутое легкой улыбкой. Вместо слов, похлопав ладонью по простыне, она пригласила его прилечь рядом с собой. Он лежал, приобняв ее одной рукой, другая в это время ласкала грудь «как у девочки». Действительно, надо было ухитриться сохранить абсолютную начальную свежесть. А ведь прошла войну, а после войны к тому же она родила, только ребенок умер.

– Ты рад? – спросила Нина.

– Рад? Не то слово! От тебя можно быть только в восторге! Тебе это, наверно, все твои мужчины говорили.

Нина подтвердила кивком подбородка.

– Ну, а теперь со своей радостью к ним присоединился я. Знаю, что не очень оригинален, но ты редкая женщина и редкий человек. Есть у тебя дар.

– Какой?

– Особенный. Чистота, откровенность, искренность проливаются от тебя как в праздник. Ты даешь больше, чем получаешь. В любом случае не меньше. И симпатия, симпатия – она становится совсем близка к любви, хотя мы в ней друг другу не признавались.

– А как ты думаешь, могли бы?

– Если отвлечься от других привязанностей – конечно!

– Вот то-то и оно. Вы, мужики, все связаны-перевязаны. Свободных практически не встречается. Вот вы и перепархиваете с цветка на цветок, не принимая на себя никаких обязательств.

– Да, ты права, – признался Михаил, обдумав ее слова. – Нам проще перепархивать. Правда, не всем и не всегда.

– А, брось! Всех вас стрелять надо! – доверительно сообщила Нина и тотчас погладила грудь легкими пальчиками, которыми перед этим ткнула Михаила в грудь.

– А с кем или чем вы тогда, дамы, останетесь, если и таких перебьете? – возразил Михаил, погладив точно так же Нинину грудь.

– М-да... с этим проблема... – отозвалась Нина.

– Но если на ней не заикливаться, разве все так плохо?

– Нет, сам знаешь, – смеясь, согласилась Нина. – Но и среди перепархивающих нечасто встретишь понимающих мужчин. Вот как ты, например.

– Тебе это нравится во мне?

– Да, разумеется. Ты мне сразу таким показался.

– И ты мне тоже сразу. До чего приятно, когда влекущая к себе женщина оказывается именно такой, как ты представил ее себе в грезах! Даже лучше! В тебе это наверняка многие чувствуют, верно?

– Можно сказать и так, если судить по тем, кто пристаёт.

– А среди пристающих не все могут нравиться?

– Далеко не все. Знаешь, в отделе Титова-Обскурова есть такой парень – Саша Бор-испольский?

– Вприглядку знаю. Филфак МГУ недавно закончил. А что?

– Представляешь, однажды заявляется он ко мне в партбюро и после пары банальных комплиментов в мой адрес без обиняков предлагается мне в любовники. А чтобы я побыстрее согласилась, добавил: «Меня все хвалят»!

– Поухаживал, значит?

– Именно!

– Молодые люди боятся даром упустить время, а в результате упускают нечто гораздо более значимое. Решил, значит, сыграть на опережение?

– Думал, что я буду так рада заполучить его!

– Получив афронт, он обозлился?

– Вроде даже растерялся. Считал себя совершенно неотразимым. Это для МЕНЯ! Внаг-лянку полез безо всяких сомнений!

– Плохо, значит, знает женщин. Ну, ты помогла ему начать понимать больше.

– Конечно! Его, видите ли, «все хвалят»! А кто они – эти «все»?

– В большинстве, наверно, девки с факультета, может не только со своего. А еще, вероятно, какие-то безмужние дамы из круга знакомых его родителей. Вот он и решил, что знает всех.

– А что самому надо бы больше собой представлять, так и не понял, – твердо подытожила Нина.

– А Титов-Обскуров не пытался навязаться тебе? По-моему, он тоже не их тех, кто стесняется?

– Виктор достаточно мерзкая личность. С такими я не могу.

– Я пока мало с ним контактировал. Вроде бы он даже играл со мной в понимание. Но верить в его искреннее расположение я совершенно не в состоянии. И всего лишь потому, что у него такой визгливый, фальшивый смех. Меня всего передернуло, когда впервые услышал!

– Все верно, – подтвердила Нина. – Он юрист. Знаешь, среди них есть такие, которые из всего способны сделать человеку хуже. Так что в прокуратуре он себя нашел. Это он оттуда попал к нам. Там он хорошо распустился! Я вижу, как он обращается с людьми, да и от других тоже слышала. Веру Ивановну знаешь?

– Знаю. Приятная женщина

– Вот она училась с Виктором в Юридическом институте. Тогда она и стала его любовницей. Он сам мне как-то похвастал – дескать Вера была тогда НИЧЕГО!

– Да она и сейчас хороша и выглядит прекрасно! Даже сразу как-то жалко ее стало. По природе он, конечно, садист. Но, видно, умен и ловок, если достигает своего. И с Верой Ивановной, и с директором.

– Чем он очаровал Веру, не знаю. Возможно, тогда он еще не успел проявиться как садист в полной мере. А директора он держит в руках шантажом. Сын Беланова в чем-то сильно набе-докурил, мог схлопотать срок. Титов-Обскуров был тогда в прокуратуре и «оказал» папаше помощь в отмывании сына. А когда генерал стал директором нового института, одним из пер-вых сотрудников стал его разлюбленный Виктор Петрович. Я думаю, что какие-то сложные для сына Беланова концы до сих пор остаются в руках Титова. Иначе ничем не объяснить,

каким образом он заставляет директора делать все, что он попросит, вернее все, что он требует. Думаю, он не остановится перед новыми поглощениями других направлений деятельности института в свою пользу, помимо терминологии. Я слышала, что ваш Альбанов вскоре уйдет из института.

Альбанов был заместителем директора того направления, к которому принадлежал отдел Михаила.

– Значит, ты полагаешь, что я попаду в прямое подчинение Титову?

Нина кивнула. Это было важным известием. Хотя Михаил не очень жаловал Альбанова, но по манере поведения, да и с точки зрения порядочности, он был много предпочтительней Титова, который со своими сотрудниками в терминологии не церемонился совсем. Об этом знал весь институт. Правда, помешать успеху Титова возможностей не было, если директор плясал под его музыку.

– Ты огорчен? – спросила Нина.

– Да уж не обрадован. Надо думать, Альбанову «помогли» захотеть уйти?

– По-моему, да. Хотя тот пользуется личной симпатией председателя нашего комитета, министра то есть. Его сын с Альбановым давние друзья.

– Ну, значит, не пропадет и получит пост лучше прежнего. А вот чем мне надо вооружиться против нового начальника, еще не представляю.

– Пока что он при мне плохо о тебе не говорил. Наоборот – отдавал должное твоей голове.

– Ну, это еще ни о чем не свидетельствует. Возможно, некое сочувствие мне с его стороны в моем конфликте с Орловой понадобилось ему для того, чтобы пресечь ее поползновения на роль руководителя направления классификации, только и всего. Орлова неспроста жила с Альбановым, как теперь, говорят, живет с Портновым.

Портнов являлся первым заместителем председателя комитета.

– Да, я тоже об этом слышала, – подтвердила Нина. – Вот как надо делать карьеру, мой милый.

– Может, я оттого и нравлюсь тебе, что занимаюсь подобными делами не ради карьеры, – с улыбкой возразил Михаил.

– Да уж, – отозвалась Нина. – Но ведь несмотря на это, женщины тебе все равно могут быть полезны.

– С этим не спорю. Женщины – величайшая сила независимо от того, хотят ли их использовать в корыстных целях или не хотят. Неужели за это «всех нас стрелять надо»?

Нина засмеялась:

– А как ты думал? Все равно ведь используете!

– Как и вы нас. Такова уж природа вещей!

– Такова природа вещей, – повторила за Михаилом Нина и демонстративно потрясла его членом.

– Такова, – отозвался Михаил, просовывая ребром свою ладонь между ее бедрами.

– Ты, мне думается, никогда не обманывала мужских ожиданий, – снова сказал ей Михаил, – ни как женщина, ни как человек.

– Чего нельзя сказать о некоторых моих мужчинах. Вот тот балерун, – Нина явно не хотела называть его имени, – взял и женился, но не на мне. А уж в чем-чем, в этом я совершенно уверена, что с ней в постели он не испытывал такого, как со мной. Каждый день бегал от нее ко мне не один месяц после свадьбы.

Это в общих чертах Михаил уже слышал раньше, но не перебивал. И, словно отвечая на его невысказанный вопрос, сказала:

– Нет, я не рассчитывала совсем оторвать его от жены, совсем вернуть к себе, хотя такое желание иногда появлялось. Так просто – решила брать свое, пока возможно. Для меня он был подходящим мужиком, только вот разница в возрасте была еще больше, чем у нас с тобой.

К тому же человек искусства, какой-никакой. Приятно было видеть его на сцене в Большом. Красивый, стройный, подвижный. Глубокого ума, конечно, не имел. Но и дураком не был.

– А испорченным? – поинтересовался Михаил.

– Конечно, да! Там днем с огнем не найдешь другого! Они даже женщин любят с извращением, если имеют с ними дело.

– Но твой-то имел!

– Да. Ты, кстати, мог бы проявить себя в таком стиле, вполне подходишь...

Она снова коснулась рукой – ТАМ.

– Не пробовал?

– Нет, – ответил Михаил, отдавая себе отчет в том, что со стороны Нины, вероятно, это был не вопрос, а предложение.

Нина оставила эту тему.

– На душе у меня долго было тошно.

– А ты давно его не видела?

– Последний раз – месяца полтора назад. Случайно, в электричке. Он, как и я, из Калинина, из Твери, его жена, кстати говоря, тоже. Электричка уже подъезжала к Калининскому, когда народ начал из задних вагонов переходить в головные, знаешь, чтобы поближе оказаться к выходу с перрона в город. Смотрю – он со своей женой тоже идут по проходу. Увидел меня – и не знает, что ему делать. И со мной совестно не поздороваться, и жены боится. Я отвернулась. Не скажу, что это легко далось, но мы уже порядком не встречались.

– А если бы он теперь попытался вернуться к тебе?

– Нет, теперь-то зачем он мне? Себя показал во всей красе. Чего мне его дожидаться – второго случая?

– Да, верно.

– Ничего. Свою жизнь я и без него устраивала и устрою. На фиг мне его вранье? Тебе интересно слушать обо мне? – вроде как спохватилась Нина.

– Конечно интересно. И я это очень ценю. Вроде как еще ничем серьезным не заслужил твою откровенность. Тем более дорожу таким авансом.

– Вот тебе еще одна история из моей жизни. Она произошла еще раньше. Я работала тогда в министерстве торговли РСФСР секретарем у зам. министра. Случилось в один момент, что прежнего министра сняли, нового еще не назначили. И вдруг является ко мне в приемную молодой красивый человек и просит открыть ему кабинет. Оказалось – новый министр. Ключи действительно находились у меня. Я захватила их, пошла с ним и отперла дверь. Он вошел за мной, захлопнул дверь и, ни на что не глядя, обнял меня и стал целовать. А потом потянул на диван. Вот так мы с ним и познакомились. На следующее утро он уже назначил меня своим секретарем. И знаешь, что самое противное – как разные хамы дружно залебезили передо мной. В том числе и тот зам. министра, у которого я до этого была секретарем.

– А он тебя домогался?

– Нет, что ты, он был стар для этого. Просто они представляли, что теперь их судьбы зависят от меня. Секретари вообще знают немало почти о всех окружающих, а тут о них могут рассказать в самое главное ухо что угодно. Вот у них поджилки и затряслись. Льстиво улыбались, а за спиной называли, сам знаешь как.

– Небось, и доносили, куда следует?

– А как же! Это первое дело! Прямых последствий это дело как будто бы не имело, но потом и у нас жаркая страсть прошла. Я почувствовала, что он начал от меня отдаляться – нет, не резко, едва заметно, но на кой черт мне было дожидаться явного разрыва? Я взяла и ушла.

– Без сожалений?

– Можно сказать – без больших сожалений. Что-то внутри все-таки царапало, хотя я не имела никаких намерений женить его на себе, как это нередко делают другие секретарши в подобном положении. Любовником он был хорошим. А вот хорошим мужем вряд ли бы был. Не та порода, чтобы на нее можно было положиться.

Некоторое время они лежали молча.

– Рассказал бы мне о себе, – вдруг предложила Нина, и он понял, что не имеет права отказываться, когда откровенность дается в расчете на откровенность.

– У меня не столь богатая сексуальная биография. Женился на Лене по любви.

– А она у тебя была первой?

– Да, как и я у нее. Довольно долго – семь лет – сохранял ей верность. Потом полюбил, нисколько не разлюбив жену, одну сотрудницу на работе.

– Красивую?

– Красивую, хотя не во всем.

– И она тебя?

– И она. Но кроме как внешностью она очень мало чем волновала меня, хотя и старалась показать, как я ей дорог. Ну, а потом жена заподозрила, что у меня есть кто-то на работе. Я не стал отпираться и естественно, был поставлен перед выбором: я или она. У меня, конечно, были сожаления, но без больших колебаний. Конечно, я выбрал Лену. Наташа не привыкла к осечкам – как же – лицо как у итальянской кинозвезды, но переживала она не больно долго. Правда, наделяла меня некоторыми эпитетами, а себя в связи со мной называла дурой.

– А кто из вас первый сделал шаг навстречу – ты или она?

– Она.

– Я так и думала, – объявила Нина.

– Почему?

– Красивым женщинам, привыкшим к успеху у мужчин, свойственно желать включать новых кандидатов в свою свиту. А ты, как я поняла, туда не спешил. А потом она сама попала под твое обаяние.

– Тебе кажется, оно у меня есть?

– Да, и очень большое. И внешнее обаяние, и обаяние ума.

– Ничего себе, – сказал Михаил, – я-то старался не приписывать себе лишних достоинств.

– В отношении тебя – это лишнее. Что есть, то есть.

– Ну вот, а я – то подумал, что ты опять скажешь «всех вас стрелять надо».

– Это уже другой принцип. Ну, а еще?

– Наташа была уже второй раз замужем и с маленьким ребенком. А потом, опять же на работе, возникла еще одна связь. Меня, как случайно выяснилось, уже любила другая сотрудница, и девушкой отдалась мне.

– А ты ее любил?

– Не поворачивается язык сказать именно это слово. Она мне была глубоко симпатична, приятна, и я ей почему-то очень сочувствовал. И ей уже время пришло расставаться с невинностью, а она все ее берегла для будущего мужа, а отдала вот мне – настолько она была искренна в любви.

– Сколько лет ей было?

– Двадцать восемь.

– Да, – отозвалась Нина, – давно была пора.

– И нам совершенно не было где встречаться, кроме как на работе после окончания рабочего дня. А обстановка – убогая-убокая, это тебе не комната отдыха при кабинете министра. Долго так продолжаться не могло. Она ушла на другую работу. Временами мы еще виделись, а затем потеряли друг друга из вида. Ну, а следующую мою любовь ты представляешь. Позволь мне об этом не говорить.

– А с женой у тебя все по-прежнему?

– Нет, совсем не по-прежнему. Я любил ее сильнее, чем она, но постепенно это стало напрягать. Ей столько моей любви, сколько я мог ей дать, было не нужно. И у меня стал угасать интерес к тому, чтобы возбудить в ней большие чувства, чем были. Сравняться мы с Леной могли в итоге только одним способом – чтобы я стал любить ее меньше, чем раньше. А тут вот встретились другие дамы, и если с двумя первыми я не увидел причин убавить свои чувства к Лене, то с третьей это стало для меня ясно как дважды два.

– Вы думаете пожениться?

– Этого обе стороны не исключают, но сказать тебе что-нибудь более определенное я не могу.

– М-да... – произнесла Нина, потом добавила: – Вам обоим для этого надо разводиться, а дети и у тебя, и у нее еще далеко не взрослые, хоть и не маленькие, – и добавила:

– А она во всем устраивает тебя?

– Во многом, Нинон, очень во многом, особенно в том, что важно и для тебя. Но вот спортивным туризмом она никогда не занималась и не знаю, сумеет ли заинтересоваться. А ты представляешь, как это принципиально важно для меня.

– Да уж, – в голосе Нины Михаил услышал иронию, – вон какими вы с Леной вернулись из своего голодного похода. Беланов уж как хотел устроить тебе жестокий разнос за опоздание на работу, а посмотрел на твою физиономию – и ничего не сказал.

– Да уж, – подтвердил Михаил. – Череп под кожей лица уже явно угадывался. И в глазах стояло что-то такое, чего в них раньше никогда не бывало.

– Да доходил ты! Уже, небось, тот свет рядом видел!

– Ну нет, такого еще не достиг. Правда, левая сторона груди потеряла чувствительность, да левая же рука почти ничего держать не могла. Но все-таки мы сами выбрались из чертоломной горной тайги.

– Охота была там оказаться! На свою голову!

– Вот именно – охота была и постоянно жгла изнутри эту самую голову. Кстати, после этого похода она не пропала.

– Ну и фанатик!

В ответ Михаил пожал плечами.

– А жену отчего не берег? Потому что стал меньше любить?

– Нет, хотя любить стал действительно меньше, но берег изо всех сил. В походы она сама ходила с удовольствием. Тебе трудно поверить?

– Да уж не просто.

– А для нас это всегда было лучшее время жизни. И самое памятное. Ты не представляешь, сколько приносишь с собой из походов! И красоту мира, и новое самопознание, и даже решения неподдающихся проблем! Там жизнь заставляет ко многому относиться иначе, чем в сугубо цивилизованном мире. И к себе, и ко всему окружающему.

– Закаляет характер?

– Насчет характера предпочел бы не говорить. Кого-то и когда-то закаляет, кого-то и где-то – нет. Конечно, он как-то меняется, тут спорить не о чем. Но насчет закалки ответить непросто. У разных людей оказывается разный предел. Вроде как при закалке металла – только опытным путем узнают, какие режимы нагрева и охлаждения приносят пользу для будущего изделия. Бывает, при закалке разлетаются на куски огромные прокатные валки из прекрасной стали, если что-то с ними сделают не совсем так, как надо. Тут однозначный ответ невозможен.

– Тебя послушаешь – захочешь попробовать.

– А я бы с удовольствием взял бы тебя в лес. Ты бы убедилась, как там хорошо. И как уютно в хорошей палатке.

– Ну, там бы, в палатке, все пошло бы, как здесь.

Нина уточнила свою мысль, теснее прижавшись к Михаилу.

– А чем плохо? Одно другому не мешает, по-моему, наоборот – способствует. Воодушевления больше. Честное слово.

– Может, ты и прав, – подумав, согласилась Нина. – Вот только...

– Что «вот только»?

– Не поздно ли мне?

– Совсем не поздно. Ты в полном порядке. Начинать, разумеется, надо с простого, перемогаться, конечно, тоже временами придется – это неизбежно, можешь поверить моему опыту, но усилия искупаются с лихвой. Знаешь, у меня даже есть подходящий пример. В моем первом альплагере была инструктором совсем немолодая дама – Елена Васильевна Греченина. А позже я случайно узнал от одного туристского знакомого, старше меня по возрасту, Бориса Петровича Петрова, как он еще до войны пришел пешком из альплагеря, кажется, в Нальчик, голодный, без денег и встретил там Елену Васильевну с мужем. Попросил одолжить ему денег на обед, сказав, что ему должны прислать сюда, но почта закрыта, и у него так горели глаза, когда он говорил о горах, и так он, наверно, был хорош в молодое время, что Елена Васильевна решила сама узнать, что же такое этот альпинизм, если он так преображает человека. И вот видишь, осуществила намерение, и осталась верна альпинизму на всю оставшуюся жизнь. И шесть лет спустя я опять встретил ее в другом альплагере. И пусть молодежь за ее спиной посмеивалась над старушкой, а мне было так радостно за нее!

После войны она одна пошла в горы, а вернувшись, стала обивать пороги разных инстанций, добиваясь восстановления разрушенных немцами альплагерей. И представь себе – достучалась.

– А муж ее что?

– Про мужа ничего не знаю. Не спрашивал ни ее, ни Бориса Петровича. Так, по логике вещей, вероятней всего, погиб на войне, а Елена Васильевна отправилась с памятью о нем в те места, где им было хорошо, как нигде. Внешне она довольно миниатюрная салонная дама, очень воспитанная, наверняка из хорошей культурной семьи – знаешь, из таких, о ком можно подумать, что они даже не знают смысла некоторых, так сказать, кондовых слов родного русского языка, такая у них речь и такая ментальность, но вот выносила же совершенно неприличные для светской женщины нагрузки, сама шила себе легчайшие предметы альпинистского снаряжения. Помню, как на Медвежьих ночевках я восхитился ее спальным мешком – всего восемьсот граммов вес! – четыреста граммов шелка и четыреста граммов пуха, и она мне подробно описала, как его надо шить, не простегивая два слоя ткани по пуху, а как для каждого квадратика делать между этими слоями вертикальные стеночки и как после этого закладывать внутри такого объемного кармана порцию пуха. Если шить все насквозь, мешок очень теплым не будет. Вот какой человек! А так, со стороны, действительно можно было подумать, кто она – просто божий одуванчик!

– Замечательно рассказываешь, – заметила Нина, как показалось Михаилу, с иронией.

– Ну вот, надоел тебе своими байками.

– Нет, совсем не надоел.

– Ну, и что скажешь?

– Скажу, что одобряю.

– Кого, меня?

– А то еще кого? Ты делаешь то, что тебе нравится. Ходишь в походы. Женщин не забываешь обхаживать, стараешься быть с ними... поделикатней. Чего ж еще желать?

– Еще желаю писать побольше, чем пишу.

– Пишешь что?

– С вашего разрешения – художественную литературу.

– Ну, это пристойное занятие. И много уже написал?

– Не так много, как надеялся, но кое-чем все-таки остался доволен. В том смысле, что сделал то, что хотел, так, как хотел.

– Можешь дать почитать?

– Тебе, конечно, могу.

– А что это?

– Повесть и ряд рассказов.

– Повесть? Как она называется?

– «Вверх и вниз». Кое-кого такое название весьма позабавило, хотя оно к месту и точно соответствует сюжету.

– Опубликовать пробовал?

– Пробовал. У тех, кому понравилась вещь, нет возможностей определить ее куда-нибудь для печати. Те, у кого есть возможности, считают повесть не заслуживающей публикации. Кое-кто предлагал ее переработать.

– А ты?

– Что я? Я ведь сказал тебе, что сделал то, что хотел. А делать то, что хотят от меня другие, не собираюсь. Лучше уж зарабатывать на жизнь тем, чем я здесь занимаюсь, чем писать не то, что хочу.

– Это правильно. Хотя писать в стол – радости, я думаю, мало.

– Нет, Нин, не так мало, особенно когда привыкнешь к отказам. Главное не бросать любимое занятие, даже если обществу на это наплевать. Просто те, кто им правит, не в состоянии понять – то, что хорошо написано для себя, может быть полезно другим людям, хотя и необязательно, а то, что написано не для себя, а для других, хорошим не будет никогда.

– Да, – согласилась Нина.

Они замолчали, ненадолго погруженные во все то, что узнали друг о друге. Сексуальное сближение, откровения о других партнерах, совпадение взглядов на любовь и на работу – чем они взаимно одарили друг друга – она его, а он ее? Михаил искал одно имя тому, что привело их в постель и в законченном, завершенном виде вышло из нее. Любовь? – Да, но не полная. Обоюдное тяготение тел к соитию? – Да, но у обоих бывало посильней. Доверие, полное, можно сказать, безграничное, исчерпывающее доверие, ставшее совершенным именно благодаря тому, что соединило их души здесь и сейчас в Нининой постели. Они убедились, что могут делиться всем – интимным, бытовым и общечеловеческим, испытывая при этом нежность и радость от любых встреч, одухотворяющих, как глоток волшебного эликсира, и никому не мешающих. Это было столь ценным душевным человеческим обретением в жизни, ничем никого не задевающим и по существу необходимым – они оба ничего не отрывали от кого-то еще – что Михаилу было не очень стыдно, когда он думал об Оле. И все-таки ему было жалко, что ставшая внезапно возможной встреча с ней, не состоявшаяся по его вине, еще станет причиной для какого-то возмездия.

Глава 2

Александр Бориспольский был довольно долговязым и стройным парнем веселого и легкого нрава. Он хорошо двигался в танце и легко знакомился с людьми, причем не только с девушками. Казалось, он был не очень способен заниматься каким-то серьезным делом, но это было не совсем так – некоторыми делами он готов был заниматься со всей энергией. За глаза его все называли Сашкой, но так ему было даже удобней – меньше внимания к его истинным целям и, соответственно, к его целенаправленным действиям. Он окончил филфак МГУ как русист, и с такой специальностью в кармане вряд ли мог рассчитывать на трудоустройство с приличной зарплатой. Выпускники «ромгерма» могут хоть в переводчики податься, структурные лингвисты тоже как-то оказались востребованы в наши дни. А русистам куда дорога: в Институт русского языка, где молодые люди годами сидят в «маньесах» и еще десятилетиями, прежде чем засветит перспектива сделаться заведующим сектором. Диссертацию, правда, можно сделать довольно быстро, если постоянно проявлять подобострастие ко всем, от кого зависит благожелательное отношение к диссертанту, точнее к его работе, а это не всегда просто, особенно если у тебя имеются свои соображения насчет «правоты» корифеев. В сложившихся условиях лучше было попытаться счастья на стороне. Помог случай, вернее – обширные знакомства. О том, что генерал Беланов уже давно хлопочет о создании для себя нового всесоюзного информационного института первой категории и теперь близок к своей цели, ему сообщили номенклатурные приятели отца. Он заручился соответствующей рекомендацией и оказался перед генералом в самый подходящий момент – когда вопрос об основании института был положительно решен в правительственных инстанциях, и Саша оказался в числе первых трех сотрудников новоиспеченного директора. Должность ему, конечно, все равно определили самую маленькую – младшего научного сотрудника – «маньеса», но здесь он мог рассчитывать на куда большую скорость перепрыгивания с должности на должность, чем в академическом институте русского языка.

Генерал Беланов, до мозга костей политик, в науке и технике лично понимал крайне мало, а ему хотелось достаточно много понимать хоть в каком-нибудь деле, которым по статусу мог или должен был заниматься институт.

Поскольку административно институт подчинили Госкомитету по стандартизации, ему пришла счастливая идея (или ему ее подкинуло какое-то лицо, которое тоже хотело под его «руководством» заниматься непыльным делом): в целях обеспечения однозначности понимания научно-технической информации заниматься стандартизацией значений научно-технических терминов. В этой сфере Александр Бориспольский мог себя чувствовать достаточно свободно, ибо что такое терминология? – те же слова живого языка в узком специфическом значении, а работа с ними – в принципе та же самая, какая присуща созданию любого толкового словаря. О такой работе Саша думал даже со снисходительной усмешкой: «уж с этим-то я как-нибудь справлюсь!»

Справляться в создавшихся условиях и в самом деле было не сложно. Беланов по существу целиком зависел от подсказчиков и от их шпаргалок, и Саша сразу стал одним из подсказчиков. Нет, не единственным и не главным, но все-таки приобретающим определенное положение и вес. Институт, созданный Белановым для себя (в первую очередь для себя, потом уж и для государства) был не единственным учреждением, которое кормилось на nive терминологии. Более того, уже много лет функционировал его самый явный конкурент – Комитет научно-технической терминологии (КНТТ) Академии наук СССР. В период подготовки к созданию института Беланову пришлось немало потрудиться в инстанциях, используя все свое красноречие записного политического оратора, чтобы, с одной стороны, нейтрализовать угрозу торпедных атак против только что строящегося судна, сиречь его института, и, с дру-

гой стороны – действительно создать разделительную стену между своим институтом и КНТТ, дабы не брать на себя по неведению слишком тяжелую ношу и по возможности не пускать «соседей» в свой огород. Кандидат технических наук Николай Константинович Сухов, бывший работник КНТТ, детально знавший всю терминологическую кухню, охотно согласился перейти в новый институт, где мог рассчитывать на гораздо большую творческую самостоятельность, чем в КНТТ. Однако в своих расчетах он несколько просчитался, поскольку другой кандидат – уже юридических наук – Виктор Петрович Титов-Обскуров тоже разинул рот на терминологический пирог, а поскольку он был клеветником Беланова и имел свои серьезные рычаги влияния на последнего, то он и постарался стать прямым начальником Сухова.

Как недавний прокурор, Титов хорошо знал, как можно и нужно оттирать от контроля над кормушкой более грамотных людей, заставляя их работать в полную меру, но не на себя, а на начальника. Однако на первых порах он особенно сильно не лез в дела Сухова, пока тот работал над созданием той научно-методической основы технологии, по которой Беланов и Титов собирались развернуть деятельность в области стандартизации терминологии. Бориспольский благоразумно не лез с советами к начальству, когда не звали, и использовал все возможности узнать побольше от Сухова. Как защищать диссертацию на этом поприще, он еще не знал – не в смысле процедуры, конечно. Это-то ему было вполне понятно, а вот как ее писать, не имея конкретного материала, ясности пока еще явно не хватало.

По мере формирования института Саша присматривался как к новым людям, так и новым темам, под которые принимались на работу новые кадры. Часть отделов с их тематикой отпала для него сразу: ни конкретное информационное обеспечение Госстандарта, ни пропаганда идей стандартизации его нисколько не интересовали, в первую очередь тем, что там и не пахло возможностями защиты диссертации. А иного пути Бориспольский для себя не видел – не становиться же записным комсомольским вожаком вроде Юры Климова с перспективой пересесть из кресла секретаря комсомольской организации в кресло партийного секретаря Титова-Обскурова, прости, Господи – вот уж образцовый секретарь! Только такие и «нужны партии и стране», из них потом выбирают секретарей райкомов, горкомов, обкомов, ЦК союзных республик и, наконец, членов ЦК КПСС, опять-таки прости, Господи! Вариант для комсомольского вожака – пойти по рекомендации партии на службу в КГБ и стать вооруженным верным стражем коммунистической идеологии от всякой заразы и врагов советской страны внутри и вне ее. Нет уж – большое спасибо, не надо. Пусть обходятся без нас! И в итоге что? Только диссертация, получение ученой степени и какая-никакая гарантия приличного устойчивого заработка, при условии, конечно, что тебя не поймут на диссидентстве. Слов нет, ловить они – специалисты парткомов и КГБ – умеют, особенно если втираться в интеллигентную среду под видом единомышленников или перевербовывать попавшихся на чем-то не очень страшном, действительных участников диссидентских компаний, которым там продолжают доверять.

Кстати, Юра Климов ровно столько пробыл секретарем комсомольской организации, сколько требовалось для того, чтобы заработать рекомендацию в органы госбезопасности. Правда, и в его жизни комсомольского вожака был один инцидент, который мог бы заставить задуматься, стоит ли идти в ряды защитников советского строя «с холодным рассудком и горячим сердцем» как завещал своим младшим коллегам незабвенный Феликс Эдмундович. А дело было в том, что по поводу агрессивной политики Израиля, всячески поддерживаемой Соединенными Штатами, по разнарядке райкома партии и комсомола состоялась демонстрация протеста советских людей у американского посольства – протестовать перед израильским посольством было абсолютно бессмысленно, так как дипломатические отношения с Израилем Советский Союз порвал уже давно. Демонстрантов по соответствующему списку снабдили в магазине канцтоваров флакончиками чернил, которыми они в знак протеста должны были закидать стены посольства США и тем самым заклеить агрессоров и их покровителей.

Они и закидали. Каково же было искренне возмущение Юры Климова и иже с ним, когда им на следующий день вручили счет не только со стоимостью чернил, но и со стоимостью работ по отмыванию испачканных («поклеянных») стен вражеского посольства?! Это что же это такое?! Сами снабдили, сами послали по своему решению, а теперь ты за это плати?! Саша Бориспольский безошибочно вывел из признания Юры Климова, что тот на подобные «социальные и политические нужды» и райкомовские затеи из своего кармана даже одного пузырька чернил не купил бы. На фиг это делать? Если тебе дома нужны чернила, принеси домой с работы. А тут еще плати за пачкотню, к которой тебя обязали власти? Ну вся выручка заведению, ничего тебе даже за усердие! Вот и верь им после этого! Если раз обманули, вполне могут надуть еще. Но соблазн перебраться в более высокий общественный слой, в разряд более привилегированных граждан, чем тот, к которому принадлежал раньше, был слишком велик. Юра решил стать тем, кому больше платят и с кого меньше взыскивают деньгами, кто сам заставляет платить. А так парень был вполне ничего. На бытовом и рабочем уровне не подличал, не заносился. Нормальный, можно сказать, был человек. Простой и советский. Но вот решил стать другим.

Существовало одно подразделение института – отдел создания единой системы классификации печатных изданий и документальных материалов – иными словами – классификации всего на свете который Саша всегда держал в поле зрения. Непосредственно со слов директора Беланова ему было известно, что только после подтверждения готовности взять на себя разработку этой единой системы классификации как главной задачи новой организации Беланов получил добро на создание института в Государственном Комитете (ГКНТ) Совета Министров СССР по науке и технике. Возглавляла этот отдел некая Орлова, которая сама до этого работала в ГКНТ. Однако, судя по беспокойству Беланова и даже Титова-Обскурова, дела по созданию этой суперклассификации шли из рук вон плохо. ГКНТ мог не только открыть, но и закрыть институт или, по меньшей мере, сменить его руководство. Беланов заранее поеживался, не находя осмысленного выхода из положения, которое от месяца к месяцу становилось все более безнадежным. И одной сменой начальницы отдела кураторам из ГКНТ рот нельзя было заткнуть: куда, дескать, два с половиной года смотрело главное институтское руководство? А как смещать Орлову, если она при живом муже, правда, в другом отделении института, жила сначала со своим заместителем директора Альбановым, а теперь с самим первым заместителем председателя Госстандарта Портновым? Саше было хорошо известно, какое значение генерал Беланов придает соблюдению политеса в отношении начальства. Директор лично наставлял и научных сотрудников, и машинисток, что писать письмо тому же Портнову полагалось только так: Первому Заместителю Председателя Госстандарта товарищу (ни в коем случае не тов., тем более нет.) П. П. Портнову. А уж Беланов знал, что делал в партадминистративной сфере он все науки превзошел, особенно насчет того, как при товарище Сталине не только остаться целым и невредимым, но и сделаться не пониженным, а повышенным в чине. Мелочи в карьерном деле значили не меньше, а порой даже больше, чем серьезные вещи. Однако, примеряя к себе полученные Белановым с таким риском тонкие знания дела, Саша сознавал, что кому-кому, а ему они не понадобятся. Во-первых, номенклатурным кадром его не сделают ни за что; а во-вторых, ему самому без надобности становится членом ТАКОГО истеблишмента. Вот уж в этом-то Саша оставлял свободу выбора подходящего для себя общества, в том числе и для обеспечения карьерного роста, будто не хватало ему унижений и без этого – как рядовому гражданину своей необъятной страны.

Бориспольский с непонятно откуда берущимся интересом и надеждой следил за тем, что происходило вокруг и внутри отдела Орловой. Пока в состоянии открытой схватки с ней находился только начальник отдела создания единой системы классификации технической документации Михаил Николаевич Горский, мальчишеского облика любитель туристских походов, инженер, закончивший МВТУ. Орлова сама и через начальство пыталась заставить его принять уже одобренный в ГКНТ подход к тому, чтобы все используемые в сфере матери-

ального производства вещи классифицировались исключительно на основе или с применением Общесоюзного классификатора промышленной и сельскохозяйственной продукции (ОКП). В десятизначном цифровом коде для любого конкретного вида продукции шесть первых знаков представляли код той или иной так называемой высшей классификационной группировки (ВКГ), то есть собственно классификационную часть цифрового обозначения, из которых первых два знака означали код отрасли народного хозяйства, то есть министерства или ведомства.

Горский разумно, но безуспешно доказывал на всех совещаниях и советах, что решающая поисковая способность такой классификации ничтожна (это несомненно так), что для обеспечения эффективного поиска нужна совершенно иная стратегия – обозначать предметы производства нормализованными, т. е. однозначно понимаемыми словами естественного языка, так называемыми дескрипторами (однозначными описателями понятий), а существующие между дескрипторами и заменяемыми ими словами фиксировать в соответствующих дескрипторных статьях специального словаря-тезауруса с указаниями на другие иерархически высшие и низшие дескрипторы, а также со ссылками на заменяемые дескрипторы. Посещая научные конференции по вопросам научно-технической информации, Саша понимал, что такой подход является предпочтительным при любого рода тематическом поиске документальной информации. Однако до сознания людей, управляющих страной и производством, этот факт никак не доходил, впрочем, и до их подхалимов-конъюнктурщиков, к которым несомненно относилась не совсем глупая (возможно даже – совсем неглупая, но бесчестная) Орлова – тоже.

Горского старались заблокировать со всех сторон – сверху Портнов и Альбанов, сбоку – Орлова и ей подобные в институте, в Госстандарте и в ряде отраслей, снизу – с помощью начальника сектора в отделе Горского – некоего Лернера, которого в свое время подсунула ему Орлова. Дело шло к тому, что Горского с треском снимут с должности за его несговорчивость и упрямство. И тут не то Беланова, не то Титова осенила великолепная мысль – зачем просто так снимать Горского, если решением главной задачи, стоящей перед институтом, где положение, по словам самого Альбанова, стало просто катастрофическим (катастрофы в отделе Горского как таковой даже не назревало), если можно вывести Орлову из-под удара на безопасное место Горского, а на направление главного удара переместить именно его? Вокруг предложенного проекта мгновенно сложился консенсус у всех заинтересованных в изгнании Горского администраторов, особенно же у тех, кто желал увести Орлову в безопасную зону. Если Горский завалит работу по теме, его погонят поганой метлой, предав забвению тот факт, что почти все время, которое отводилось на разработку проекта, бездарно израсходовано и упущено Орловой. Если справится (паче чаяния, конечно – ведь никто не верил, что это могло бы удасться кому-либо вообще) – тоже неплохо – Беланов окажется на коне и получит еще год-два спокойной жизни на старости лет – по крайней мере, со стороны надзирателей из ГКНТ.

До сих пор у Саши Бориспольского не было никаких собственных прогнозов насчет успеха или неуспеха Горского в совершенно новом для него деле. Отдел Орловой разрывала вражда между его половинами: одна отстаивала мысль, что в качестве единой системы классификации должна быть безоговорочно принята международная Универсальная Десятичная Классификация (УДК), другая – что единой системой столь же безоговорочно должна быть Библиотечная Библиографическая Классификация (ББК). Со стороны это напоминало скорее борьбу Остроконечников и Тупоконечников в Свифтовском «Гулливере у лилипутов», нежели борьбу серьезных научных взглядов. Одни доказывали, что УДК используется во многих странах мира, активно развивается под надзором Международной комиссии по классификации, в составе которой есть советские представители, что там существует жесткая процедура принятия решений по совершенствованию системы, что техническая тематика развита в УДК лучше, чем в ББК, – поэтому Постановлением (с большой буквы!) Совета Министров СССР УДК утверждена как система обязательного индексирования всей издаваемой научно-техни-

ческой литературы. Другие доказывали – и при этом проявляли свой в высшей степени доблестный советский патриотизм – что в отличие от безыдейной УДК, ББК создавалась сугубо на марксистско-ленинской основе, исключает индексирование советской литературы по идейно ошибочным классификационным критериям, зачастую заложенным в УДК на разных уровнях классификации, в силу чего для индексации художественной литературы и литературы общественно-политического содержания она совершенно не пригодна. Об этом уже проинформирован Идеологический отдел ЦК КПСС. При этом защитники ББК не отдавали себе отчет, что многим руководящим органам в послесталинское время надоело постоянно ощущать себя в роли жертв собственной демагогии (что и вылилось, в частности, в утверждение УДК как обязательной для изданий в области естественных и технических наук, да и вообще – в поручение ГКНТ создать НОВУЮ ЕДИНУЮ систему), а потому торжества ББК над системой-соперницей там не ожидают. Но как объединить две иерархические системы, построенные на разных основаниях, в условиях, когда фундамент УДК никак не зависит от воздействий со стороны СССР, тогда как другая нигде, кроме СССР, точнее в одной только главной Ленинской библиотеке страны, не применяется, никто из Орловских рысаков не представлял. Беланов, исходя из своего политического прошлого, когда самой страшной опасностью был идеологический «уклон» (все равно какой – левый или правый, если на него указывал Генеральный секретарь гениальный товарищ Сталин), очень опасался перевода дискуссии в политическую плоскость. Мало ли, что Заместитель Председателя Совета Министров СССР товарищ Новиков утвердил постановление насчет применения УДК – а вдруг это своевременно не дошло до товарища Сулова, а он возьмет и признает вопрос разрешенным совершенно неверным, идеологически порочным способом? Пожалуй, назначение Горского на место Орловой было удобно директору еще с одной стороны. Он уже был наслышан, что Горский не признает подходящей для решения задачи ни УДК, ни ББК, а, значит, постарается отвязаться как от той, так и от другой, и критика той и другой системы, коль скоро он сумеет ее изобрести, уже не будет в такой степени фокусироваться на вопросах идеологии – ведь он инженер, стало быть, технарь. А что ни говори, положи руку на сердце, надо признать, что в области техники решения очень слабо зависят от идеологии, господствующей в обществе. Там действуют и признаются совсем другие критерии: эффективно или неэффективно, рационально или нерационально, надежно или ненадежно, осуществимо или нет. Иначе чем объяснить, что сталинское руководство очень часто принимало на вооружение либо иностранные образцы в цельнотянутом виде или в виде тех или иных прототипов для отечественных разработок?

Участь Горского, таким образом, была предрешена. Бориспольский узнал об этом в деталях раньше Михаила, хотя тот и понимал, к чему идет дело, особенно после предупреждения, сделанного Ниной Тимофеевой. Вожделевший к ней и даже обалдевший от ее прелестей и кажущейся легкодоступности, а потому и обнаглевший Бориспольский, не знал, пожалуй, только о последнем – что Горский предупрежден, тем более – кем именно. Но сути дела это не меняло. Предстояла не только рокировка двух начальников на позиции друг друга, но и некоторая реорганизация двух коллективов. Её-то и следовало использовать Саше на все сто. С Титовым-Обскуровым, от которого он, собственно и знал о предстоящих событиях, поскольку часто оказывался невольным слушателем разговоров двух главных начальников, он договорился о своем переводе в новый отдел Горского, от которого должны были шарахнуть (и действительно шарахнулись старые значимые фигуры отдела Орловой) уже в качестве старшего научного сотрудника, а не «маньеса» – как никак, а три с половиной года в институте он уже оттрубил.

Прежде Сашу при виде Горского занимал главным образом другой вопрос – чем тот покорила такую великолепную, роскошную женщину как Ольга Александровна Дробышевская? Саша всегда в мечтах рисовал себя обладателем подобной роскоши, но в жизни у него с такими дамами ничего не бывало. Такие встречались очень редко, а если и встречались,

то он мог только на расстоянии за ними наблюдать. От этого ему становилось обидно. Саша не сомневался, что обложенный противниками со всех сторон Горский обязательно настоит на том, чтобы вместе с ним перевели в новый отдел и его любовницу, а иначе они оба уйдут, что было бы не совсем на руку начальству. Там он и надеялся поближе рассмотреть будоражащую его воображение женщину – вдруг и ему обломится что-нибудь? В конце концов, чем он хуже Горского? И ростом выше сантиметров на десять. И моложе на десять лет. Хотя переход в отдел Горского был уже в принципе решен с Титовым-Обскуровым, Бориспольский на всякий случай решил предварительно поговорить с будущим начальником – чтобы все выглядело уважительно. Он здраво полагал, что в данный момент Горскому не до детальных бесед с желающим перейти к нему в новый отдел, когда сам этот отдел даром ему был не нужен – ворох неразрешимых проблем, необходимость заниматься делами, в которых он не был вполне компетентен. Горский спросил Сашу, почему тот хочет перейти в его отдел. Саша ответил, что Михаил Николаевич, как он знает, видит будущность поиска информации за использованием дескрипторных словарей, а он, Бориспольский, лингвист, с правилами создания словарей знаком – и не только теоретически. Так что это дело ближе к нему и по специальности, и по внутренней склонности. Больше Горский его не допрашивал, против назначения старшим научным не возражал. Среди случайных людей, ступивших на поприще информатики, Бориспольский со своим образованием представлялся даже более перспективным работником, чем люди с нелингвистическим прошлым. Молодой человек годился также и для другого дела: для работы по разнарядкам райкома и Госстандарта на овощной базе, в подшефном колхозе или на строительстве загородного пансионата для ведомственного начальства, который Горский в ближнем кругу называл просто бордельчиком.

Итак, после издания приказа о преобразовании двух отделов каждый занялся своим делом. Орлова приступила к развертыванию демагогии вокруг общесоюзного классификатора продукции, которая должна была неизбежно лопнуть, но не сразу, а Горский принялся за поиски выхода из положения, то есть за поиски другой работы с не меньшей зарплатой, а, поскольку, как это бывает в случае острой необходимости, ничего спасительного найти не удавалось, то надо было срочно решать, что делать, дабы остаться на плаву. Ждать помощи ни от начальства, ни от таких сотрудников, как Саша Бориспольский, нечего было и мечтать. Начальство института давно расписалось в беспомощности, а Саша, это Горский знал вполне определенно, будет думать только о своей диссертации, куда его начальник не выберет какой-нибудь спасительный курс, или пока не определится с курсом его преемник.

Оля Дробышевская восприняла реорганизацию как полную и бесповоротную катастрофу. Она взяла на себя основные хлопоты по новому трудоустройству. Если Михаилу уже не первый и не второй раз жизни приходилось браться за совершенно новую работу, к которой он не был подготовлен в институте, то Олю новая перспектива основательно напугала, если точнее – то как раз отсутствие на новом поприще каких-либо перспектив. Еще недавно она твердо рассчитывала вместе с Михаилом защитить диссертацию по старой тематике. Теперь эта мечта безвозвратно накрылась. Она была уверена, что теперь это сделает Орлова. Отчасти на их же материалах. В новой тематике классификации печатных изданий и документальных материалов она не знала ничего. И хотя она осталась при Михаиле в прежней должности заведующего сектором, ей было боязно думать, что придется руководить кем-то из подчиненных, а она не сможет сказать ни бе, ни ме. Поэтому для нее выход был только один – найти другую работу, причем как можно скорее, куда ее некомпетентность не будет резко бросаться в глаза. Вслух она не обвиняла Михаила, что он доигрался почти до остракизма со своей научной принципиальностью, до остракизма, который лишь в силу конъюнктурных обстоятельств был заменен рокировкой на институтской шахматной доске, а то ее бы уже съели, а ему объявили бы мат. Но в ней жила достаточная воля к жизни и достижению цели, настолько достаточная, чтобы решиться покинуть институт даже без него, а, возможно, даже и предпочтительней

без него. Ведь на новом месте он все равно оставался бы таким же, как здесь – неуступчивым, упрямым, пытающимся добиться своего, хотя все вокруг пели другие песни, пусть и неверные, но ведь именно они составляли хор, допущенный к исполнению государственной мелодии. Она с ужасом думала: неужели он надеется своим голосом и своим убеждением в правоте перекрыть, перекричать, а затем выставить вон этот хор или заставить его петь свою музыку? Это уже пахло какой-то неадекватностью любимого человека. Легко ли ей было в этом убедиться после трех лет любви, начавшейся еще на прежней работе, где он очаровал ее и своим видом, и поведением, и умом? Но к чему привел весь его ум, весь его потенциал, в который она позволила себе так неосмотрительно поверить? Теперь перед ней разбитое корыто, перед ним – какие-то жалкие руины, слегка раскопанная земля, оставшаяся после Орловой, на которой не только не возвести хрустального храма государственной мечты, но за оставшийся срок до конца главного этапа разработки не построить даже приличной временки, чтобы получить возможность найти что-то вполне устраивающее и не хвататься за первое подвернувшееся место. Вон Альбанов – ушел наверняка не потому, что Титов-Обскуров с помощью Беланова хочет выжить его из института, чтобы безраздельно господствовать самому, во всяком случае, не в первую очередь потому – ведь он близкий друг сына министра и его просто так институтскому начальству не слопать, он просто трезво оценил ситуацию, осознал, что отвечать за провал придется не столько Орловой – кто она для начальства из управления научно-технической информации ГКНТ? – Никто и ничто! – и скорей всего не Беланову, который с коммунистической принципиальностью покается, что он не так силен в науке, как хотелось бы, но делал все, что было в его силах и во всем способствовал своему заместителю по науке Альбанову, но тот тоже не справился с заданием необыкновенной сложности – ведь недаром головной институт в системе научно-технической информации страны наотрез отказался заниматься этой проблемой, решение которой было возложено на наш молодой институт. Альбанов своевременно сделал то, что следовало сделать всякому разумному человеку на его месте – использовать личное знакомство и симпатии министра, попросить перевести его на другую работу вместо того, чтобы просить защитить себя на том посту, который был у него здесь. Он и объявил о катастрофическом положении дел у Орловой, когда с его переходом было уже все решено. Вот как надо спасаться с тонущего корабля! Пусть и без любовницы – да на кой она ему нужна, если кроме безграничной готовности к сексобслуживанию у нее никаких сколько-нибудь заметных качеств не было и нет – вон – секретарша Альбанова Надя, с которой он тоже жил, хотя бы имеет в достатке все, за что мужчины так любят подержаться, да он бы себе свободно достал в изобилии любое, что хочешь, и на этой работе, и на другой, тем более, что Орлова, тоже заботясь о спасении, завела шашни с первым заместителем министра, сиречь председателя госкомитета. Тоже разумно, а если отвлечься от морали – то и вполне уместно. Один Миша твердо стоит на своем. Вот и достоялся. Вышвырнули его с нашей тематики, подставили под гильотину вместо себя. А он еще хочет успеть что-то придумать. Неужели и в самом деле настолько верит в себя и в свои возможности? Уж сколько надежд они вместе возлагали на будущую совместную семейную жизнь, а что будет? Ни диссертации, ни приличной работы, если все у Миши пойдет так и дальше. Все-таки надо помнить, что в этом мире нельзя терять высоту. Это слишком опасно. Того, кто упал, стараются растоптать. Сказать, что случившееся разочаровало ее всерьез, в том числе и в Михаиле, значило сказать почти ничего. Она чувствовала себя обобранной почти до последней нитки.

Михаил тоже считал, что потерпел серьезное поражение. Оно не могло не сказаться не только на настроении, но и на самооценке. Правда, вопрос, мог ли он вести себя иначе, чем вел, он себе не задавал. Не мог – и все тут. Он уже не был пешкой, обязанной делать именно то, что прикажут, а некоторой профессионально созревшей фигурой, вполне представляющей, что хорошо, что плохо, что эффективно, что неэффективно, что разумно, что бездарно. При соединяться к хору конъюнктурщиков и бездарей было ниже его достоинства, а уж об этом

он был обязан заботиться, если хотел себя уважать, когда для этого оставалась хоть малейшая возможность. Да, вышвырнуть его с этой работы могли, на какое-то время оставив совсем без заработка. Более того, «доброжелатели» вполне могли раззвонить во все места, куда он мог сунуться в поисках работы, что он упрям, неуправляем, не желает слушаться советов людей, во сто крат лучше его понимающих, что надо делать. Более того, несколько его сотрудников – подчиненных по прошлому отделу, которые были евреями, считали, что своим поведением он ставит под удар не только себя, но и их, имевших по вопросам разработки системы классификации технической документации совсем другое мнение, чем так называемый шеф. Главной внутренней оппозиции в отделе был внедренный Орловой агент по фамилии Лернер. Его амплуа заключалось в том, чтобы с умственным видом изрекать банальности и больше ничего не делать. Михаилу было предельно ясно, что Лернер просто ждет, когда сможет занять его место. Последний был в этом настолько уверен, что, во-видимому, остался единственным недовольным после смещения Горского, поскольку назначение вместо него Орловой было абсолютно неожиданным для него. В итоге всей своей фронды бездельника, которого Михаил уже несколько раз документально уличил в невыполнении плана с тем, чтобы на этом основании выставить его вон, Лернер не выиграл ничего. Ему оставалось лишь делать вид, что он очень радуется вместе с другими евреями. Один из них, в недавнем прошлом офицер, командир взвода Фишер, привыкший безынициативно выполнять то, что прикажет начальство, оказался абсолютно растерянным перед лицом фронта работ, с которыми он должен был справляться самостоятельно. Естественно, его больше устраивала позиция Лернера, с которого он поспешил взять пример.

Третьим, кто чувствовал себя оскорбленным в еврейском представлении о том, что еврей не может быть неумным человеком, хотя именно таковым по существу и являлся, был Яков Берлин, полагавший, что обладая очками и голосом, способным на некоторые модуляции, он может придать вес давно известным сентенциям. Его портфель, с которым он не расставался, служил, пожалуй, главным атрибутом, определявшим его статус старшего научного сотрудника. Он перешел в новый институт из научно-исследовательского института кинематографии во время массового набора новых сотрудников, когда кого только ни принимали, лишь бы укомплектовать штатные единицы до того, как «срежут» должности, на которые никого не успели взять – таково было главное стратегическое указание многоопытного генерала Беланова, считавшего, что когда штат полностью замещен людьми, директор может быть спокоен. А вот если не успеть укомплектоваться до внезапно ограниченного времени набора сотрудников, то директором ты уже можешь не остаться. Берлин, естественно, хвалил Пастернака и Мандельштама. А о стихах последнего он говорил с расстановкой, свидетельствующей о серьезности и продуманности его оценки: «Они ... обжигают...» «Ничего не имея против ни Пастернака, ни Мандельштама, Михаил все-таки находил, что старший научный сотрудник должен выдавать на-гора и еще что-то полезное. Увы, Берлин оказался совершенно неспособным на это. Единственным лицом еврейской национальности, попавшим в отдел Михаила по просьбе самого товарища Арутюнова из ГКНТ, переданной через Беланова, мог получиться – и действительно получился – толк, был молодой выпускник института инженеров железнодорожного транспорта Женя Фельдман. Этот схватывал мысли на ходу, умел делать из посылок логически правильные выводы, и вот с ним-то у Михаила сложился деловой контакт. Но три старших по возрасту еврея объявили ему, что он вместе с ними должен держаться в рамках национальной солидарности, к которой он не замедлил примкнуть, но по другой причине. Орлова обратила внимание на умного и приятной внешности молодого человека, к тому же спортсмена-пловца, загорелась к нему страстью и очень быстро затащила его в свою постель. Темперамента у дамы хватало на кучу мужчин. Как к этому относился ее муж, Михаилу было неизвестно, однако внезапный карьерный рост супруга наводил на мысль, что обслуживание его женой первого заместителя председателя Госкомитета имело смысл

и для него. Что и говорить – смысл в политике этой дамы безусловно был. А для своего удовольствия, как говорили в прежние времена, она соблазнила Женю Фельдмана. Что привлекло его кроме легкости овладения женщиной много старше его, причем определенно не обладавшей легко возбуждающими мужчин прелестями – трудно было понять. Ведь в том же отделе Орловой на него вешалась и другая дама, тоже старше Жени, но куда более привлекательная, чем шефесса. Или все дело было в том, что для Жени было чем больше, тем лучше? Подозревать его в том, что он хотел делать карьеру в постели начальницы, Михаил не мог. Женя и сам был в состоянии продвигаться вверх, тем более, что за ним маячила тень самого товарища Арутюнова, который во время организации института заставил Беланова взять на себя, то есть на институт, обязательства разработать единую систему классификации печатных изданий и документальных материалов, злить которого, особенно ввиду скверного состояния дел по ее созданию, в институте никто не собирался.

Стараясь избавиться от Горского, Орлова решила нажать еще на одну педаль. Несмотря на внешне вполне русскую фамилию, генерал Беланов был евреем. Орлова упомянула в беседе с директором, скорей всего как бы вскользь, насколько Горский предвзято относится к таким замечательным работникам как Лернер, Фишер и Берлин, объяснение чему, по-видимому, можно найти только в его антисемитизме. При нем чувствует себя хорошо только его любовница Дробышевская, которой позволено делать все, что ей заблагорассудится. Михаил понял это, когда Беланов вызвал его к себе в кабинет и устроил ему разнос по-генеральски: дескать, он знает, что творится в отделе у Горского, как он относится к своим сотрудникам и кому благоволит. К изумлению директора «изобличенный» зав. отделом тоном, близким к генеральскому, заявил, что бездельников в отделе терпеть не может и не будет, тем более на ведущих должностях, где они должны инициативно и самостоятельно работать на пользу дела, а в действительности не способны делать вообще что-нибудь, систематически не выполняя даже щадящего задания по плану.

Пораженный директор замолчал. Атака, инспирированная Орловой и компанией, захлебнулась, не дав прямого результата. Возможно, не в последнюю очередь, потому, что Михаилу посчастливилось иметь тетю, которая, узнав, что он работает в институте генерала Беланова, настоятельно просила племянника передать ему привет. Михаил передал во время совещания записку, в которой изложил директору просьбу тети. После совещания директор попросил его задержаться. Тетя была председателем секции литературы для детей и юношества в союзе советских писателей, а жена Беланова, по роду занятий писательница, принадлежала как раз к этой секции. Беланов с живым интересом выяснял, с какой стороны Мария Павловна является его тетей. Михаил ответил: «Мария Павловна является женой родного брата моего отца». – «Александра Григорьевича?» – «Да». После этого краткого разговора Михаил сразу ощутил уменьшение начальственного давления на себя. Нет, рокировки с Орловой это не отменило, но кусать его без крайней надобности больше не стали. Да и нужды в том действительно не было никакой. Главного противники добились и без этого. Орлова ушла от удара, получила индульгенцию за грехи и вид на жительство в той среде, где господствовала официальная демагогия и ничто больше не угрожало ей. Можно было свободно распускаться дальше.

Знакомство с «духовным наследием» Орловой на оставленном ею поприще заняло у Михаила совсем немного времени. Один из ее главных идеологов, адепт ББК, оставил вместе со своей свитой около двух десятков тощих отчетов о проведенных исследованиях и инструкций по частным вопросам индексирования литературы. Ничего полезного для решения проблемы они не содержали – ровным счетом ничего. Авторы этих опусов дружно уволились, оскорбленные в лучших чувствах, еще до того, как Михаил познакомился с ними.

Чуть лучше обстояли дела в другом секторе, где под руководством Дианы Марковны Прут трудились – причем почти в поте лица – как идейные, так и безразличные сторонники УДК. Диана форсировала работы, поскольку торопилась защитить кандидатскую диссертацию.

Ее подгонял страх из-за неопределенности перспективы положительного решения проблемы. Если ГКНТ признает всю работу института по главной порученной ему теме провалившейся, ей трудно будет убедить любой ученый совет, что ее диссертация имеет практическое значение. Не откладывая дела в долгий ящик, Диана принялась доверительно вводить Михаила, с которым до этого была в нейтральных доброжелательных отношениях, в курс произошедших событий. Из ее слов вытекало, что ГКНТ достаточно определенно патронирует выбор курса на применение УДК в качестве единой системы классификации. Фактически она уже используется как таковая, поскольку постановление Совета Министров обязывает индексировать всю печатную продукцию по УДК. Сложность на пути признания главенства не столько в том, что ее пытаются представить идеологически неприемлемой сторонники ББК – в конце концов – это всего лишь марксистствующие демагоги из Ленинки – сколько в том, что она действительно громадна. Ее таблицы содержат сотни тысяч простых индексов, на основе которых с помощью искусственной грамматики можно создавать неограниченное множество составных индексов, посредством которых передаются главные и составные темы книг и документов. Решение в таких условиях надо искать не в создании новых таблиц классификации, а в разработке единой методики индексирования по уже существующим таблицам. Этим она, собственно, и занимается на примере индексации литературы по радиоэлектронике. Михаил отчасти был осведомлен об этом раньше. Ему уже доводилось наблюдать дискуссии децималистов, в равной степени опирающихся на одни и те же таблицы УДК и делающих из них весьма разнящиеся выводы при индексировании. В воздухе буквально висели произносимые вслух по памяти многозначные цифровые индексы, сочетающиеся с помощью знаков: плюс, минус, двоеточие, косая черта. Это была абракадабра, смысл которой посторонний человек мог понять, только посвятив свою жизнь работе в качестве жреца и заклинателя. Вот отчего представители разных направлений удековской веры с яростью и неиссякающим исступлением доказывали, что именно они правильно служат божеству УДК. Михаил давно уже представлял себе слабости иерархических классификационных систем, в том числе неустранимые изъяны их искусственного цифрового индексирования. Любой предмет, любая тема характеризовалась с помощью индексов в первую очередь с точки зрения ее генезиса – от кого или от чего произошел предмет индексирования. На эту малополезную информацию затрачивалась большая часть цифр в индексе. Во всем массиве информации – в любом документальном фонде эта часть индексов была практически неразличима, то есть, бесполезна для различительного тематического поиска. Искусственность десятичного деления объектов классификации не более, чем на десять группировок на каждой ступени классификации, заставляла применять неуклюжие искусственные меры для тех случаев, когда равноправных членов деления на одной ступени классификации было больше десяти. Это фактически ломало прозрачную десятичную структуру УДК при поиске на основе признаков, положенных в основу иерархии по соответствующим ступеням в цепочке «род-вид». Была понятна еще одна трудность – едва ли не главная. В любом информационном фонде более или менее универсального тематического охвата каталог – главный поисковый инструмент – должен был состоять как минимум из десятков тысяч, условно говоря, классификационных ячеек, по которым распределялась проиндексированная книжная и документальная информация. В таких условиях не только неискушенный пользователь фонда не мог быстро и эффективно находить то, что ему нужно по тематике запроса, но и специалист-оператор поисковой системы через раз вынужден был ломать себе голову над тем, под какими индексами еще ему надо искать документы. Диана Прут для аргументации своих диссертационных соображений старалась на небольшом массиве по тематике радиоэлектроники доказать, что при индексировании по ее методике полнота и точность поиска вполне хороши. В успех этой затеи, если скрупулезно оценивать качество индексирования не на ограниченном, а на универсальном массиве, Михаил не верил совершенно – особенно в том случае, если индексирование печатной продукции производится централизованно

в издательствах, как того требует ГКНТ ради того, чтобы в накопительных фондах литература больше не индексировалась – там должны были решаться задачи индексирования только запросов абонентов. Диана же сама со своими сотрудниками индексировала и документы, и запросы. Естественно, что так должно было получаться лучше и по полноте, и по точности поиска, чем в реальных фондах. Можно было понять стремление Дианы выгадать за счет подмены одной технологической схемы индексирования другой, потому что редко у кого из диссертантов, особенно подвизающихся не на поприще точных наук (а информатика оставалась еще ох как приближительна и неточна!) – получалось свести концы с концами без тех или иных натяжек и самоубеждений, будто все, что они ни делают, хорошо. Однако Диане с помощью диссертации надо было решать личный вопрос, а Михаилу – государственную проблему. И это были две большие разницы, если выражаться по-одесски. Но что оставалось делать Михаилу в сложившихся обстоятельствах? Ведь максимум через месяц институту предстояло отчитываться перед Арутюновым в ГКНТ. Указать начальнику управления НТИ, что проводимая ими линия на индексирование литературы перед ее изданием не избавляет накопительные фонды от расхода сил и средств на повторное корректирующее индексирование документов? Не будет ли это равно подрубанию последнего сука, на котором сидишь? До рассмотрения у Арутюнова ничего нового не придумать, не говоря о том, что не придумать такое, чтобы сразу всех убедить. Значит, для выигрыша времени остается только дать понять, что поиск новых конструктивных решений будет вестись на основе выводов из экспериментов на основе УДК, но пока не более. Нельзя себя сразу связывать с УДК по рукам и ногам.

В канун заслушивания в ГКНТ вопроса о ходе работ по созданию единой системы классификации печатных изданий и документальных материалов Диана Прут познакомила Михаила со своим научным руководителем. До этого момента Михаил видел его только на конференциях и совещаниях, но представлен Илье Исидоровичу Берковичу не был. Это был молодой, но солидного вида мужчина. Он и впрямь держался среди коллег неким авгуром, понимающим толк в профессиональных священнодействиях как никто другой. Для этого у Берковича были определенные основания. Он первым в стране защитил кандидатскую диссертацию именно по информатике. Заполучить его в руководители своей диссертационной работы хотели бы многие соискатели степени. Диане Прут это удалось. И вот он, любезно улыбающийся, предстал перед Горским в качестве человека, который должен помочь последнему найти верный способ успешно пройти опасное для новичка испытание в управлении товарища Арутюнова. Фактически он просто повторил все то, в чем старалась убедить его Диана – разве что добавил несколько мелких, но полезных советов, исходя из собственного опыта общения с Арутюновым. Михаил внимательно, вежливо, но отнюдь не подобоострастно слушал вежливые наставления маститого коллеги. Удивительным для него было то, что в своей диссертации Илья Исидорович пропагандировал совсем другой подход к решению языковых проблем информационного поиска, чем тот, который предполагала защитить опекаемая им диссертантка. Беркович не был специалистом в части УДК. Таким образом, данный союз руководителя и соискательницы ученой степени выглядел несколько неестественным и странным. Объяснить его природу Михаил мог только двумя возможными причинами. Либо дама заинтересовала собой кавалера (а этого не стоило исключать, ибо, не будучи красавицей и располнев несколько сверх того, что было бы вполне эстетически приемлемо, она обладала рельефной фигурой и достаточно развитым умом); либо это было обычным проявлением еврейской национальной солидарности, когда один человек, принадлежащий к угнетаемому национальному меньшинству, помогает по естественным причинам другому человеку из того же меньшинства, которая позволяет свести влияние угнетающих факторов к минимуму, а то и превратить их в свое явное национальное преимущество. Так или иначе, но Илья Исидорович был готов заступиться за свою подопечную и советовал Михаилу сделать то же самое. На фоне абсолютно полного безрыбья в данной форме поведения было хоть что-то, что Михаил мог предъявить неизвест-

ному ему до тех пор товарищу Арутюнову. Директор Беланов и его первый зам Титов-Обскуров тоже пожелали предварительно узнать, о чем Михаил будет и о чем не будет докладывать в ГКНТ. Их явно больше занимало второе. Тот факт, что смена руководителя разработки произошла буквально перед самым рассмотрением проблемы в ГКНТ, не мог остаться незамеченным для Арутюнова. Его следовало каким-то образом объяснить. Однако, Михаил отказался придумывать подходящие поводы, напомнив, что реорганизация и рокировка с Орловой была проведена отнюдь не по его инициативе и не в его интересах. Он собирался говорить только по существу дела. Беланов с Титовым поняли, что им тоже придется о чем-то говорить, как бы ни хотелось уклониться от этого.

Совещание у товарища Арутюнова началось точно в назначенный час. Кратко, по-деловому, он изложил для своего аппарата и приглашенных известные мысли об особой важности решения проблемы для реализации единой системы научно-технической информации страны и внедрения прогрессивных методов информационного поиска. Свое вступление он закончил вопросом: кто будет выступать от института, отвечающего за разработку единой системы классификации печатных изданий и документальных материалов.

– Николай Багратович! – обратился к Арутюнову Беланов – Позвольте начать мне насчет некоторых организационных мер, которые мы предприняли для активизации работ, а затем я передам слово товарищу Горскому, который теперь возглавляет отдел, для подробного информирования.

– Сколько времени вам для этого понадобится?

– Мне – минуты три. Товарищу Горскому – двадцать.

– Хорошо. Приступаем, – объявил Арутюнов.

Беланов уложился в полторы минуты. Давно обкатанные фразы о важности темы. О том, как она сложна. Как в институте решили активизировать работы. Затем встал Михаил. Глядя прямо ему в лицо, Арутюнов добавил:

– Для начала прошу вас сказать немного о себе.

Михаил усмехнулся. Его внешность и впрямь была обманчива. В тридцать четыре года его все еще нередко принимали за мальчика.

– В 1955 году я окончил МВТУ им. Баумана. По специальности – инженер-механик. По распределению после института проработал три года с лишним на Мытищинском заводе электросчетчиков в бюро автоматизации производственных процессов, затем пять лет инженером-конструктором третьей, второй и первой категории в ОКБ стандартов авиационной техники, в бригаде общетехнической документации. Там и пришлось впервые столкнуться с решением задачи поиска предметов производства для обеспечения заимствования и стандартизации на основе классификации и систем обозначения чертежей и других документов. Там под руководством своего начальника Николая Васильевича Ломакина разработал дескрипторный словарь наименований предметов производства авиационной техники. Затем уже в нашем институте занялся разработкой единой системы классификации и обозначений технической документации. Вот недавно начал осваиваться на новом месте. Должен сказать, что большая часть времени, отведенного на разработку темы, была до сих пор направлена на исследование вопроса, что перспективнее – УДК или ББК, точнее – на разрешение спора, по какому типу надо строить единую классификацию. Я не буду подробно останавливаться на позициях спорящих, они всем присутствующим известны, видимо, гораздо лучше, чем мне. До моего прихода был выпущен в процессе работы ряд промежуточных отчетов, а также инструкций и методик.

– Сколько их было? – тут же спросил Арутюнов.

– Общее число, насколько помню – двадцать два документа. Позвольте мне перейти к своим выводам. Если исходить из потребностей возможно более точного индексирования печатных изданий и документальных материалов по тематике технического универсума зна-

ний и в области естественных наук, то УДК имеет бесспорные преимущества перед ББК. Она детальней проработана, особенно в области техники, имеет в своем арсенале скромную искусственную грамматику, представляющую, однако, хорошие возможности для индексирования политематических документов, с чем обычные иерархические классификации справляются, прямо скажем, не лучшим образом. УДК имеет особо ценное качество за счет того, что ведется Международной комиссией по классификации, имеет для совершенствования и углубления системы соответствующий аппарат и процедуру, а, главное, используется для индексирования литературы и документов во многих странах и потому должна рассматриваться как инструмент, обеспечивающий возможность международного обмена информацией без больших затрат на ее переиндексирование в других государствах. Все это весьма ценные качества УДК как информационно-поискового языка, и они безусловно должны быть использованы в системе научно-технической информации страны будущего. Такова позитивная часть моих суждений. На мой взгляд, поскольку УДК не предполагается у нас использовать для индексации по темам общественных наук, обсуждать ее идеологические несовершенства практически нет нужды.

Михаил краем глаза нет-нет да и следил за Авгуром Берковичем и его реакцией на свое выступление. Судя по глазам, тот был немало удивлен, поскольку услышал больше того, на что наставлял. Михаил продолжил:

– Теперь о том, в чем именно УДК не очень удобна или пока недостаточно эффективна.

Сказав это, Михаил отметил, что напрягся не только Арутюнов, но и две представительницы главной научно-технической библиотеки страны. Дело было в том, что институту Беланова на обязанностях соисполнителей была придана эта самая библиотека, использующая в своих фондах УДК (естественно в противовес Ленинке), а также головной институт по созданию всей единой системы научно-технической информации страны, классификацией для которой теперь вынужден был заняться Михаил – человек почти без имени в этой среде. Отмотаться этому головному институту от разработки единой классификации удалось не полностью, его тоже обязали участвовать в создании основ, хотя там, правда, ничего не делали и, видимо, делать не собирались. Этот институт на совещании представлял всего лишь зав. сектором, правда, достаточно широко известный в профессиональной когорте маститых кандидатов физ.-мат. наук Черняевский. Пикантность ситуации с точки зрения института Беланова заключалась в том, что будучи вроде как командирами над головным институтом в части создания единой классификации, он в то же время был подчинен головному институту, поскольку именно ему в будущем должен был сдать свою работу. Двойственность положения заставляла ерзать не только Беланова, но и самого Михаила. Грубого давления на себя, тем более жалоб высокому начальству на его бездеятельность головной институт потом мог сперва не простить, а потом и отыгаться.

Присутствующие приготвилились слушать.

– Поскольку основную массу фондов единой системы научно-технической информации, которую все мы должны создать, составляют документы по прикладной научно-технической направленности, подавляющее большинство их индексов по УДК начинается одним и тем же набором и порядком цифр. С точки зрения интересов поиска по запросам и затрат труда, это почти бесполезная часть индексов. Желательно было бы найти способ обойти данное неудобство, но к сожалению, это неотъемлемая черта всех иерархических классификационных систем, построенных по принципу генезиса. Второе, чему надо уделить самое пристальное внимание при практическом применении УДК, это сведение к минимуму субъективизма при индексировании документов, особенно печатных изданий. Да, линия на то, чтобы в процессе подготовки издания все материалы получали индексы УДК, совершенно правильна и рациональна. Но ведь на местах, то есть как в издательствах, так и в организациях, направляющих к ним свою продукцию, сидит много разных людей, разных специалистов со сво-

ими субъективными взглядами на использование тех или иных средств УДК. Легко понять, на чем основывается этот субъективизм. УДК содержит не одну сотню тысяч основных индексов, многие из которых отличаются друг от друга тонкими нюансами смысла. А представим себе ситуацию, когда два тематически эквивалентных материала попадают в два разных издательства и получают там в связи с предпочтениями работающих там индексаторов различающиеся в какой-то части индексы – можно ли тут кого-то винить, тем более, что из-за этого при поиске по запросам вероятны – и обязательно будут потери информации? На мой взгляд – нет. Я не так часто бывал на разных совещаниях, как другие присутствующие здесь коллеги, но и то достаточно много наслушался дискуссий между децималистами разных организаций, которые оспаривали друг у друга правильность индексации тематически одинаковых материалов. Каков тут может быть выход из положения? Полагаю, часть таких трудностей могла бы быть снята при еще более высокой степени централизации индексирования документов по УДК, чем уже достигнута, но это устранил еще не все трудности. В таком случае будут сказываться задержки, вызванные пересылками материалов от авторов к индексаторам, от индексаторов к издателям, а это плохо с точки зрения снижения оперативных возможностей системы информирования пользователей. Кроме того, та часть документов, которые не подлежат изданию, все равно индексировалась бы в других местах, а не в централизованном органе. Значит, здесь все равно оставался бы не бросающийся в глаза источник потерь при поиске. Это очень серьезный и малоисследованный вопрос, в рамках которого сочетаются и объективные свойства самой УДК, и психологические, в том числе образовательные особенности людей, как профессионалов-индексаторов, так и произвольных пользователей системы. Не уверен на сто процентов в успехе, но мне представляется целесообразным некоторую часть сил разработчиков сосредоточить на создании некоей универсальной методики индексирования документов и запросов, учитывающей практику работы с УДК. В этом деле несомненную пользу общему делу могли бы принести наши соисполнители из главной научно-технической библиотеки.

– А что, разве они такой работы не проводили? – нахмурил густые брови Арутюнов.

– Я не могу говорить, что не проводили, но за то время, которое у меня было для знакомства с материалами по теме, я таких материалов не нашел.

– Так, – сказал Арутюнов. – Ну, а что в это время успели представить вам, то есть у института, – поправился Николай Багратович – и это очень понравилось Михаилу, понявшему, что за ним еще пока признается право «новенького» не знать сразу все обо всем – из головного института по созданию системы НТИ? Ведь и они ваши соисполнители!

– Да, согласно утвержденному вами координационному плану, должны. Но их материалами я пока не располагаю.

– Что происходит?! – вскричал Арутюнов. – Всем вам поручено решать, да сложные, да небывалые, но ВАЖНЕЙШИЕ задания, от которых очень сильно зависит научно-технический прогресс! А что мы видим: головной институт по теме создания единой системы классификации три года из пяти упустил, да, упустил – ткнул рукой в сторону Беланова глава управления, – упустил фактически на мелочи, на второстепенные вопросы, в то время как основному делу было придано очень мало внимания. Когда вы решили, как выразились, – Арутюнов снова ткнул рукой в сторону Беланова, – активизировать работы по теме? Какой-нибудь месяц назад! А до этого у вас не было времени разобраться, кто способен работать над порученным вам делом, а кто нет! Вынужден еще раз напомнить вам, – третий выпад руки в сторону Беланова, – что ваш институт, подчеркиваю – всесоюзный институт первой категории! – был создан именно для решения этой задачи, а если он не способен это делать – что же – наш комитет может пересмотреть его статус и сделать его обыкновенным центральным ведомственным информационным органом, то есть институтом второй категории! Вам этого хочется?! Ответьте прямо!

– Николай Багратович! – вскинулся Беланов. – Ваша критика в адрес разработчиков в основном справедлива. —

– Она полностью справедлива! – вспыхнул Арутюнов. – Полностью!

– Мы в институте пришли к тем же выводам, Николай Багратович. Согласен, часть времени упущена на второстепенные вещи, в то время, как на линии главного удара, – генерал нашел соответствующие его воинскому званию слова, – усилия были сконцентрированы недостаточные. Мы приняли необходимые кадровые решения, оздоровили коллектив и оставили в нем тех, кто подтвердил свою способность делать новое дело. Ведь нельзя же сбрасывать со счетов, что по данной специальности ни один ВУЗ страны специалистов не готовит, что большинство только учится этому в процессе работы. Тут трудно было обойтись совсем без потерь времени. Но могу вас заверить, что эта тема постоянно находится в центре нашего внимания, и мы постараемся во что бы то ни стало выполнить порученное задание.

– Старайтесь! Из всех сил старайтесь! – изрек Арутюнов. – А пока будьте любезны прислать нам в управление для объективного рецензирования все те двадцать два промежуточных отчета и прочих материалов, о которых говорил докладчик. Без промедления! Маргарита Васильевна! Попрошу вас проследить за этим! Ну, а теперь – что все-таки скажут нам соисполнители? Начнем с библиотеки!

По его знаку встала довольно молодая, вполне привлекательной внешности дама. Михаил вопрошающе взглянул на сидящую рядом Диану Прут.

– Заместитель директора библиотеки. Ирина Васильевна Холодова.

– Николай Багратович! Нам тоже представлялось необходимым в первую очередь исследовать объективные и субъективные причины неоднозначности индексирования документов по УДК, какая часть индексов, присвоенных информационным материалам, поступающим в фонд, подвергается переиндексированию или корректировке. Выяснилась следующая картина. В среднем одна треть документов, поступающих в фонды, сохраняет при контроле назначенные им индексы, еще одна треть документов претерпевает частичную корректировку присвоенных им индексов, а еще одна треть документов подвергается почти полной переиндексации.

– Вот видите, насколько это важные выводы! А почему мы здесь впервые узнаем это от человека, который лишь недавно начал заниматься данным вопросом? Ведь он вашего отчета не читал! Почему?

– Мы просто не успели его представить туда, но обязательно обсудим с главным институтом все, что следует из наших исследований и наметим следующие работы в ближайшее же время.

– Не задерживайтесь! – приказал Арутюнов и, повернувшись к Черняевскому, спросил; – Ну, а вы, что сделали вы?

– Наш институт в рамках данной темы работал над созданием алгоритма поиска информации. – Михаил впервые слышал, чтобы кто-нибудь произносил вместо «алгоритма» «алгоритм» (он еще не знал, что так отличают московскую математическую школу от ленинградской).

– Ну, и каковы успехи? – не скрывая иронии, спросил Арутюнов.

– Наша цель состояла в том, чтобы установить, в какой степени использование тех или иных искусственных грамматических средств влияет на полноту и точность при поиске информации и целесообразно ли их использовать в сравнении с поиском по языкам без грамматики.

– Какие грамматики вы исследовали?

– Указатели связи, указатели роли. Весовые коэффициенты. Многместные предикаты.

– Каковы результаты?

– Чем сложнее грамматика, тем выше точность поиска, но при этом уменьшается полнота и усложняется процедура индексирования.

– Разве это неочевидно?

– Не совсем. Мы старались добиться заметного повышения точности поиска без заметного снижения полноты.

– И удалось? – уже саркастически улыбнулся Арутюнов.

– Результатами мы еще не удовлетворены.

– Понятно. – Арутюнов престал улыбаться. – Направьте нам отчет о проделанной работе. Без промедления. Маргарита Васильевна, вы слышали.

– Конечно, Николай Багратович, я прослежу.

– Так, – произнес Николай Багратович и на несколько секунд задумался. Потом резким движением приблизил к себе телефон и набрал номер.

– Леонтий Иванович! Здравствуйте! – Да, это я.

Михаил понял, что Арутюнов позвонил Темникову – заместителю директора института, который на совещании был представлен одним Черняевским, и был сразу узнан Темниковым благодаря заметному кавказскому акценту.

– Признаться, я полагал, что вы непременно воспользуетесь моим приглашением на совещание, которое сейчас проходит у меня без вас.

Некоторое время Арутюнов, не прерывая, слушал оправдания Темникова, который меньше всего хотел сегодня являться в ГКНТ, поскольку предъявлять шефу управления было нечего. Но Николай Багратович не зря использовал корректный, спокойный, лишь светски ироничный, но не насквозь начальственный тон. Леонтий Иванович Темников был главным из трех соавторов, выпустивших первый относительно капитальный труд по основам информации. Авторитет как минимум научного просветителя отечественного корпуса специалистов нового профиля заставлял даже такое высокое начальство, каким был Арутюнов, обращаться с ним аккуратно хотя бы по форме.

– Допустим, – наконец, отозвался Арутюнов. – А теперь ответьте вашему коллеге по созданию единой системы классификации изданий и документальных материалов, какие работы были сделаны вашим институтом по данной теме. Он мне жаловался, что по существу от вас ничего не имеет. Передаю ему трубку.

Михаил подошел к аппарату и взял трубку из рук Арутюнова. В голове лихорадочно металась мысль, как избежать неприятностей при лобовом столкновении в отношениях с уважаемым лицом вследствие простой провокации, которую позволил себе – должно быть, по привычке сталкивать людей лбами – высокий чиновный администратор.

– Здравствуйте, Леонтий Иванович! С вами говорит Горский! – он чувствовал, что все присутствующие будут жадно ловить каждое его слово. – Николай Багратович сейчас играет ... в телефон. – Михаил хотел было выразиться, как обычно – «в испорченный телефон», но в последний миг сообразил, что слово «испорченный» будет уж слишком обидным для такого начальника. Реакция Арутюнова оказалась мгновенной.

– Это вы, вы! играете в телефон! – выкрикнул он.

Михаил не сомневался, что Темников это слышит и теперь испытывает немалое удовольствие от услышанной дерзости, лишь немного смягченной выпадением из ее формулы всего одного слова.

Чиновники из управления Арутюнова обомлели, дамы из библиотеки заулыбались. Беланов с Титовым не знали, что лучше себе позволить – веселье или возмущение. Еще никто и никогда в этом кабинете не позволял себе настолько удивительной вольности, особенно при достаточном стечении народа. Первым, однако, из всех пришел в себя именно Арутюнов. Делая явную скидку новичку, который успел ему чем-то понравиться, он вдруг искренне рассмеялся, покачал головой и сказал:

– Ладно, я потом поговорю с Леонтием Ивановичем. Надо же – юморист! Играю, видите ли, в телефон! Будем считать это ошибкой молодости!

Получив такое разрешение, в кабинете засмеялись все. В тот момент Михаил еще не знал, как залюбили его за эту Арутюновскую игру в телефон чиновники управления. Их трудно было чем-то расположить к себе, однако он ухитрился. Когда он появлялся в чьем-то служебном кабинете, его встречали на удивление приветливо, почти ласково. Михаил долго не мог понять, почему. А ларчик, оказывается, очень просто открывался. Таким оказался его первый шаг к признанию в качестве значимой фигуры на новом поприще, где по замыслу «доброжелателей» он должен был скорее загнуться, чем выжить и закрепиться на значимой высоте.

Михаил слышал, что в Госстандарте давно ходят разговоры, что «Беланов развел у себя синагогу». Евреев в институте было и впрямь порядочно во всех отделах. В его бывшем отделе их собралось относительно его численности не больше, но и не меньше, чем в других. Вроде бы полагалось говорить «работали», а не «собрались», но язык не поворачивался произносить, будто Лернер, Фишер и Берлин как-то работали. Один только Женя Фельдман трудился и на трудовом, и на сексуальном фронте. Всех их, кроме Лернера, которого привела Орлова, Михаил принимал в штат отдела сам. Чем он руководствовался, о чем думал? Если честно, то во время экстренного набора кадров в институт зачисляли без разбора кого угодно. Но он полагал, что среди случайных людей вероятность того, что еврей окажется если не умней, то уж наверняка инициативней, чем лицо любой другой национальности, будет выше. К этому убеждению его в явной и неявной форме подвела прежде всего мама. Среди ее знакомых евреи если не преобладали, то именно о них она высказывалась с неизменной симпатией и теплотой, приглашая таким образом и сына думать так же, как она. Лишь о двух-трех евреях мама отзывалась крайне отрицательно, причем скорее всего потому, что считала их позорящими свой народ отступничеством от него, а не по какой-то другой причине. Собственный жизненный опыт поначалу не противоречил тому, что он слышал от мамы. Его одноклассники Марик Лившиц, Гоша Гиммельфарб, Олег Либерман были хорошими, умными, открытыми, честными и спортивными ребятами. Симпатией к ним можно было проникнуться безо всякой натуги. На Мытищинском заводе электросчетчиков работали несколько молодых инженеров, которые не только не позорили свою национальность, но и наоборот – на местном уровне с достоинством оправдывали лучшие ожидания Михаила. Александр Шаргородский, Абрам Рейн и первый начальник Михаила на его трудовом поприще по найму Семен Григорьевич Яцкаер имели вполне хорошие головы. Семен Григорьевич даже возглавлял бюро автоматизации, не получив для этого специального высшего образования – просто мозги у него работали как надо, и при этом не имело значения, что он вместо «эмпирия» говорил: «чистая империя» – несмотря на это, многие его устройства исправно работали на поточных линиях в цехах. Порой он предлагал Михаилу подумать о чем-либо «на досуге», и, надо сказать, нередко бывало так, что он думал о том, что должен сделать, безотносительно к месту и времени суток и таким образом осознал, что иной работа настоящего конструктора (такой, скажем, как «от сих до сих») быть не может. Абрам Рейн был, правда, замкнут и высокомерен, к общению с ним по этой причине никого не тянуло. Зато Соломон Мовшович, который стал близким приятелем Михаила, был безусловно умнейшим инженером на заводе и при этом держался столь естественно просто, что находил общий язык не только с людьми своего круга, но и со всеми рабочими, с кем только ни вступал в контакт, заставляя уважать себя даже самых натуральных антисемитов. Однако в институте, возглавляемом Белановым, наблюдалась совсем другая картина, хотя Михаил был далек от мысли, что будучи нормальным номенклатурным карьеристом, директор хотел превратить свое учреждение в синекуру для евреев. Явное покровительство соплеменникам в практике людей его положения исключалось начисто, но и косвенное было для них опасно, потому что спокойно могло выйти боком. Или само это поприще, такое новое, никому еще не ведомое, само, как магнитом, притягивало к себе всякую шваль? Ведь на нем легко было в организационной суете и неразберихе занять приличный пост, с помощью всего лишь демагогии быстро выскочить в дамки, а затем уже постоянно выдавать себя за значимую фигуру

в зарождающейся научной дисциплине. Попробуй-ка выставиться просто так, внаглянку, где-нибудь на попроще теоретической физики или математики, даже в инженерном искусстве! Ничего путного не получится! Разве что удастся физически убрать кого-то с дороги с помощью доноса на истинного творца идеи, одновременно прикарманив его багаж, как это было принято в сталинское время, когда из ничего возникали разного рода лысенки и презенты – дутые тузы советской науки. Ну, да теперь таким образом оказаться выше заслуживающих продвижений людей стало уже не столь просто, как при родном отце и учителе всех времен и народов, хотя, конечно, тоже возможно, но все-таки сложнее. Партийно-государственная управляющая машина комплектовалась главным образом умственно ограниченными людьми, без стремления к глубокой образованности и вкуса к творческой работе. Сфера их деятельности была совсем другой – надзирать, пресекать, не выпускать вперед и наверх опасных для себя мнимых и действительных конкурентов. Эта система была органически настроена на то, чтобы принимать серьезные решения в той же мере на основе клеветнических доносов, как и на базе достоверных сведений, причем доносам автоматически присваивался большой вес, отчего в активной части общества зараза клеветнического доносительства столь широко распространилась и стала неистребимой. Власть с удовольствием питалась ядовитыми бумагами, а отравители-фальсификаторы делали карьеру. Только там и тогда, когда исключительная важность и экстренная срочность какого-либо дела, без выполнения которого власть сама могла попасть под смертельный удар, она до завершения работ ограждала своих самых способных граждан, в том числе и в первую очередь евреев, от клеветы, дискриминации, задвигания в темные углы и даже позволяла делать заслуженную научную карьеру. Но это только когда кто-то был остро нужен и практически незаменим. А так – извольте жить по общим правилам, подвергаться управляющим воздействиям по единой процедуре без льгот. Ты же не Курчатов, Харитон или Зельдович при разработке атомной бомбы, не Сахаров и Гинзбург при создании водородной и не Лавочкин со своими самолетами во время Отечественной войны?

Вспоминая евреев, которых он лично видел и знал, и с кем был связан родственными узами, Михаил был вынужден сделать простой тривиальный вывод: еврейская нация не отличается от любой другой – в ней есть и очень умные и очень глупые, и в высшей степени благородные, принципиальные люди и, в противоположность им, беспринципные конъюнктурщики, халтурщики и подлецы. Почему он раньше не обращал внимания на теневую сторону этой нации, столь же неприглядную, как у любого другого народа, кроме самых далеких от нынешней цивилизации и потому еще не испорченных – вроде чукчей, эвенков, нганасан? Да потому что не хотел включать наблюдения такого рода явлений в число фактов, анализ которых и должен приводить к определенным выводам, прежде, чем все это войдет во внутренне кредо. Михаил никогда не считал разумным и верным лжесиллогизм, сводящийся к умозаключению, что раз евреи знамениты своим умом, а я тоже еврей, то и я являюсь очень умным человеком, хотя многие евреи, будучи умственными импотентами, лстя себе, именно так и полагают.

И вот теперь жизнь заставляла Михаила без всяких розовых фильтров посмотреть не только направо, но и налево. И стало совершенно очевидно, что нет целиком состоящего из умников и праведников еврейского народа, хотя действительно существовал и существует народ-страдалец, и есть в нем люди во всем ассортименте свойств, которые присущи любому этносу. А потому необходимо каждое лицо оценивать строго индивидуально, не допуская к своим суждениям какие-либо групповые и собирательные характеристики типа «все евреи – гешефтмахеры, эгоисты, хриstopродавцы и подлецы» или «все цыгане – конокрады» (равно как и обратное), ибо все это ведет к ложным представлениям о живых людях, а не о людях из неких вымышленных схем.

Можно было поделиться своими выводами с мамой, но Михаил был уверен, что выслушав его, она бы ничего не сказала – крыть его аргументы нечем, а соглашаться с ними неохота.

Поэтому он решил поговорить с Алей Минделевич, зная ее честность и прямоту. Аля искренне удивилась, выслушав его соображения:

– А ты что, раньше этого не знал? Что евреи отличаются от всех других людей разве что большим разбросом к полюсам: умных среди них больше нормы и глупых тоже сверх нормы; много очень порядочных и много подлецов, каких еще поискать! Только средних поменьше. А так – все как у людей!

С этим можно было согласиться. Михаил так и поступил.

Глава 3

Александр Бориспольский не очень волновался насчет того, как пройдет заслушивание института по теме, которой он теперь номинально занимался, в комитете по науке и технике. Точнее – не волновался совсем. Полемические способности Горского были ему известны, и он почти не сомневался, что все обойдется хорошо. Главным для него являлось одно – чтобы Горский остался на своем новом месте. После пребывания в отделе Титова-Обскурова работа у нового начальника казалась почти раем. Библиотечный день – нелегальный, но твердо гарантированный шефом каждому, кто хоть как-то приносит пользу отделу. Мелочной опеки с его стороны тоже нет – где пропал, по каким причинам отлучался с рабочего места – все это осталось в прошлом. Саша чувствовал, что благодаря этому перед ним обязательно откроются новые возможности и в карьере, и в любви.

Он не мог бы сказать, что сохранять верность жене ему совсем не хотелось, но и противоположная по смыслу идея совсем не была ему противна. Скорее наоборот. Хоть тресни, но ничего другого не придумать, когда понимаешь, что даже при хорошей жене не все располагает к ней, а уж если в поле зрения попадает более эффектная женщина, то само собой хочется оприходовать и ее. Даже не обязательно, чтобы более эффектная, пусть даже менее, но поновей. Не ему первому это пришло в голову. Настоящий мужчина всегда хочет чего-то сверх того, что имеет. Собственно, в этом и проявляется его «настоящность». Саша полагал, что и его новый начальник думает (считает) точно так. Тоже женат и имеет любовницу, да такую, что трудно представить себе что-то более возбуждающее. Грудь, наверное, номер шесть. Талия тонкая. Ноги красивые от и до. Двигается красиво, лицо выразительное и приятное. М-да. Явно хороша в постели, ничего не скажешь. Интересно, чем он ее взял? Представить себя на месте Горского Саша мог без труда. Но вот Горскому повезло, а ему, Бориспольскому – нет, а отчего – непонятно. Одно хорошо, что тот по-прежнему ведет себя, как молодой человек, действительно ХОЧЕТ вести себя так, а потому и другим, в том числе тем, кто моложе его, жить не мешает. И куда он занят поиском нового пути в своем деле, надо успеть сделать для себя возможно больше. То есть, поступить в аспирантуру на стороне – создания своей не скоро дождешься, если вообще здесь когда-нибудь будет свой полномочный ученый совет.

Он стал чаще бывать на родном факультете, околачиваясь на кафедрах, где ему можно было бы как-то зацепиться, то есть найти научного руководителя и вместе с ним измыслить тему, которая как-нибудь соответствовала бы тематике филфака и одновременно тематике института, конкретнее – отдела Горского. Найти научного шефа оказалось не очень просто. На кафедрах привыкли ограничиваться изысканиями и прояснениями каких-то собственно филологических вопросов. В институте Русского языка, правда, имелось кое-что подходящее. Мельчук строил, например, модели «смысл-текст», о которых много говорили, в том числе и в кругах информанщиков, но они были столь сложны и абстрактны, что прилагать их к любой конкретной информационной деятельности было пока, мягко говоря, рановато. Они годились для изложения на научных конференциях, для докторской диссертации самого Мельчука, но не для кого-то рангом пониже и поплоче. Это была сверхзадача, барахтаться в разрешении которой Саша не желал. Он понял это скорей даже не тогда, когда старался вычитывать в работах Мельчука что-то подъемное для себя, а когда ходил вместе с энтузиастами, группировавшимися вокруг молодого шефа-идеолога, в непродолжительные подмосковные походы пешком или на байдарках. Их с таким же успехом можно было считать походами, как и учебными семинарами, в меньшей степени – дискуссионными клубами. Конечно, там много говорили о политике, о глупости и подлости начальства разных уровней. И Саша с очевидностью уяснил для себя, что Мельчука не оставят в покое и не дадут раз за разом докладывать на всяких подходящих конференциях свою модель «смысл-текст» с небольшими новыми дополне-

ниями и комментариями, потому что он был не сдержан на язык и с высоты своего высокого научного полета давал нелицеприятные оценки административно значимым лицам как в филологии-лингвистике, так и в политике, и что кто-то из окружения начальства на него обязательно наступит в органы, а затем, скорее всего его выдают прочь из страны. С чем тогда останутся его адепты? Или около чего? У разбитого корыта – вот и все! Так не годилось. А жаль. Все-таки Мельчук первым из лингвистов перекинул мост к тому, что могло бы, в принципе, конечно, только в принципе! – стать универсальной отмычкой для открывания дверей в содержание тех текстов, которое ускользало в процессе поиска по ключевым словам, подобно тому, как рыбная мелочь ускользает сквозь полотно крупноячеистой сети. А от мелочей, как уже убедился в своей жизни Саша, зависело на самом деле очень многое. Понравишься – не понравишься. Будешь считаться хорошим человеком или не будешь. Найдешь ли в своем деле изюминку, которая позволит раздуть научное кадило и создать благоприятное ароматное облако вокруг автора, или не найдешь. От этого зависело, хорошо ли пойдет дальнейшая жизнь. Славословить советскую власть и ее коммунистических лидеров было глупо и немодно, хотя кое-кто делал карьеру именно на этом, стараясь войти со временем в номенклатурный резерв. Но таких кадров много не требовалось. Функционеры системы старались замещать образующиеся вакансии своими детьми. Саша к ним уже давно не мог принадлежать. Если во время войны его отец был успешным директором пулеметного завода, то уже вскоре после ее окончания он вылетел с этого места – и именно потому, что он был еврей. Тогда очень многие производственные и научные работники распрощались со своими высокими и кормными должностями, кое-кого еще и посадили для острастки (не так уж и мало, кстати говоря), но в детские и школьные годы Саши семье Бориспольских жилось достаточно туго. Хорошо еще мама была русская, ее не тронули, но какая у нее была должность? Простого сталинского «винтика», вот и все! А винтику много не полагалось вообще, не говоря о том, тем более, что ничего не полагалось даром даже за лояльность. Это доставалось только тем, кто проявлял личную преданность и полезность вождям, разным советским фюрерам от членов политбюро и ЦК до районных крейслейторов. Водиться с такими было полезно, но противно. В глазах окружающих ты переставал быть своим человеком. А порывать с теми, кто был тебе интересен, вызывал у тебя уважение и желание в чем-то им подражать, чтобы как-то подровняться под их уровень, желания у него не было ну просто никакого. Кому не ясно, что обязательно надо расти, становиться значимой личностью в кругу интересных и значимых людей для тебя? Чаще всего в роли тех, кто обладал особым весом и привлекал к себе общее внимание, оказывался высокий интеллектuala-еврей. Как тот же Мельчук в лингвистике, а еще больше – как Александр Семенович Гельфанд, математик, за свои нескрываемые политические взгляды вылетевший из академического института и временно бросивший якорь в институте патентной информации. О нем Саша много слышал от своего двоюродного брата Димки. Он и сам специально захаживал к кузену, чтобы посмотреть на знаменитого упорствующего интеллектuala. Александр Семенович всеми силами старался показать власти, что она принципиально не может одержать над ним верх. Изгнать – да, может, и даже не единожды. Но заставить его не то что думать, но даже произносить то, что ему изначально противно, чего не переносит его дух и ум, она не в силах. Перед людьми своего поколения выставляться ему было бессмысленно. Зачем нужен чей-то пример тем, кто смирился, нашел для себя конформистские оправдания, и с этого пути, обеспечивающего «нормальную» жизнь для себя и семьи, уже не сойдет? Гельфанд знал, что если кому-то и нужен его пример, то это молодежи. Зная свою страну и уровень государственного террора, он не тешил себя иллюзией, что среди молодежи он обретет много стойких последователей. Хорошо, если таких найдется пара-тройка-четверка людей из сотни, для которых, как и для него, поддержание собственного достоинства будет значить больше покупаемых смирением и послушанием удобств. Но все равно, даже те, кого сломят соблазны или форс-мажорные обстоятельства, будут помнить свои более счастливые времена, когда и у них горели глаза при виде возможно-

стей несклоняемого разума, открывающего для всех сущих новые горизонты развития, когда они радовались тому еще не обретенному, ради чего явились на свет и должны были действовать по совести и уму, даже не сваливаясь в непримиримые диссиденты.

Александр Семенович мог беседовать с подчиненными, присев одной ногой для удобства на стол. Он вслух – не поймешь – себе или всем, ставил некую проблему и большей частью без созвучных его мышлению подсказок от аудитории (хотя и такое случалось) намечал варианты рассуждений. Он никого не призывал мыслить небанально – просто расхожие стереотипы научных и бытовых представлений ничего для него не значили – каждый видел, что пользоваться ими как аксиомами (или печками, от которых разрешается танцевать), он не собирается. Для него знанием было то, что выдерживало любой анализ, любую критику; гипотезой – то, что твердо опиралось на наблюдаемые явления и ассоциации между ними, и было обращено в сторону пока еще не вполне очевидного всем.

Посылки к достижению нового знания всегда существуют в толще предшествующих знаний, причем многие из них надо раскапывать и искать. Научное озарение не сходит с небес на тех, кто не старается обнаружить такие отправные посылки, тем более – на тех, кто не хочет или не может искать способ возвести над ними объединительные конструкции.

Весь облик Гельфанда говорил об интеллектуальной мощи этого человека, причем его ум не казался окружающим, в том числе и Саше и его кузену, столь подавляющим, чтобы при нем было стыдно проявлять способности собственного мозга. Но в то же время Александр Семенович не был, что называется, ласковым интеллектуалом. Чтобы он согласился с вами, требовалось либо вам доказать его неправоту, либо признать верными его рассуждения. Третьего было не дано, хотя сам мэтр на этом не настаивал. Он лучше окружающих видел, сколько всего в науке и в жизни остается неразрешимым. Однако, помимо всех иных черт личности Гельфанда, кроме ума, для Саши самой главной из них являлась та, что он был еврей – именно по тому стереотипу распространенных национальных предпочтений, который так льстил всем соплеменникам, считающим, что если ты еврей, то уже поэтому значит, что умный, а если ты среди евреев слынешь особенно умным, то, значит, умнее вообще никого не может быть. По сути своей Саша Бориспольский не был верующим человеком, тем более ортодоксальным религиозным адептом иудаизма – нет, последнего он даже внутри себя как-то боялся, но все же, что Бога нет, он на всякий случай говорить никогда бы не стал, скорее думал и даже знал, что есть, и все же Всемогущество и Всеведение Создателя оставалось для него абстракцией, которую он не способен был целиком вместить в себя, не представляя себе, каким образом они достигаются.

Молодые люди вокруг Гельфанда в основном тоже были евреями либо совсем на сто процентов по крови (хотя кто в этом ужасном мире может поручиться за все сто, если сами евреи додумались считать родство, тем более принадлежность к еврейству, исключительно по материнской линии – ведь только по генам еврейской матери можно решить, что ребенок еврей, а кто там вместе с нею участвовал в зачатии из мужчин – еврей или нет – точно знает один только Бог!), либо евреями по духу и по внутренним предпочтениям или по той части генов, которые привнес в его тело один из родителей-евреев. Саша бесспорно относился и к тому, и к другому из последних двух типов, а потому он и сблизился главным образом с такими же людьми – с другими ему было не так интересно, даже более того – свободно погружаться в атмосферу вполне комфортной для него духовной идентичности с людьми другого происхождения он просто не мог, у него так не получалось, для этого требовалась та невыразимая, несказанная радость ощущения, что ты ОТТУДА и он ОТТУДА, и потому ближе тебе, чем такой человек, никакой другой уже не может быть. И только на девчонок это предпочтение у Саши не распространялось. Если бы еврейские женщины возбуждали его своим видом, то есть фигурой, лицом или распространяемым вокруг себя духом или обаянием, как никакие другие – тогда да, распространялись бы, но в жизни этого не было. Как можно было отворачиваться от влеку-

щего к себе существа противоположного пола, если у нее для этого дела все находилось в полном порядке? Русские, армянки, украинки, польки, узбечки – да все годились на этот случай, и еврейки тут заметного преимущества отнюдь не имели. И умными среди них можно было считать женщин разного происхождения. Все-таки по своей ментальности Саша был в достаточной степени евреем, чтобы по умолчанию признавать женский ум изначально слабейшим, чем мужской. А потому какой был смысл находить себе женщин именно по уму, когда от них на самом деле требовалось совсем другое?

На своем родном филфаке он с кем только не сблизился! И он честно не мог себе сказать, кто же из них, представительница какого народа ему больше всех нравится. Правда, у него не было негрятенок (хотя одна мулатка была), китайянок, индианок, но он твердо верил в то, что к ним просто надо привыкнуть – и будут выявлены в них в соответствии с принципом единства женской природы все необходимые и украшающие связь качества. Самый известный ловелас на филфаке (он же был и самым известным на факультете стукачом) – Гога Джапаридзе – видимо, думал точно так же, даже если для сравнения исходным эталоном ему служили грузинки, а не еврейки. Саша в бодром темпе вел сексуальную жизнь, перепархивая с одной бабочки на другую и до, и после своей женитьбы – кстати сказать, на русской. Но вот почему он выбрал в жены не филолога, а математика, объяснить сексуальным влечением, даже любовью, не удавалось. В Анне его несомненно влекло то, что она математик – пусть это было не главное, но это было! Должно быть, слишком много умных людей вокруг него являлись не просто евреями, а еще и математиками, как достопочтенный Гельфанд. Как быть среди них на равных ему, всего лишь филологу-русисту? От жены Саша усвоил, возможно, и не очень бросающийся в глаза, но все же заметный лексикон, характерный для тех, кто принадлежал или хотел принадлежать к избранному математическому кругу. Поэтому он стал говорить «ровно то же самое» вместо обывательского, «точно то же самое» и другое в том же роде. Так что можно было прослыть если не математиком, то понимающим – или как когда-то говорили в компартии большевиков – сочувствующим. В глазах высокопосвященных это и в самом деле воспринимается хорошо – ну что взять с человека, который не обладает нужным качеством, но он хоть, в отличие от многих, сознает свою неполноценность, даже пытается ее чем-то компенсировать – и это некоторым образом все же положительно характеризует его интеллект. Физики для общения тоже Саше годились, но в них как-то не чувствовалось того высшего ментального аристократизма, который отличал математиков. Физики были попроще, всеяднее во вкусах и не так высоко воспаряли в абстракции.

Саша быстро поднаторел в стилистике неформальных семинаров и дискуссий, которые сами собой возникали при встречах трех или более сходно мыслящих насчет политики людей, будь они на работе, дома на кухне или в застолье или на биваке у походного костра. Каждый текущий миг возникающей духовной общности немедленно заполнялся словами – по делу или не очень, но всегда полагалось что-то произнести, чтобы чувствовать себя членом команды. Можно было высказаться некомпетентно, но непременно так, чтобы твое замечание выглядело парадоксально, свидетельствуя, хотя и неудачно, о попытке выяснения истины с другой стороны, нежели принято – и тем самым внести в атмосферу доверительного жонглирования мыслями собственный значимый вклад. Хорошо это было или плохо, правильно или неправильно, но именно таким манером возникало что-то вроде свободного общественного сознания, которое в советском обществе нигде нельзя было безнаказанно проявлять кроме как в кругу доверяющих друг другу и ценящих друг друга приятелей и друзей, а кипеть ох как хотелось! Потому как ох как надоел демагогически стерилизованный и единственно разрешенный диалектический материализм Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, все эти материализмы и эмпириокритицизмы, к вопросам ленинизма, как нам обустроить рабкрин – и над всем этим висящий глыбой, грозящей раздавить всякого, кто приблизится вплотную, «Капитал» Маркса, который к счастью, кроме экономистов-систематиков, педантично стремящихся выяс-

нить, а что же он все-таки привнес в экономику – этот Маркс, никто дальше десятой части глав первого тома не читал, поскольку для нормального человека, то есть не для экономиста-теоретика, это было психофизически невозможно. Это знал любой член общества, начиная с генерального секретаря ЦК КПСС и секретаря ЦК по идеологии и кончая любым беспартийным большевиком, который хоть как-то зависел от средств из государственного бюджета, однако признаться в этом вслух не смел никто – это было бы равносильно святотатству. Пожалуй, весталок в Древнем Риме, которых зарывали в землю за нарушение девственности, подвергали такому наказанию за что-то менее ужасное, чем советских нарушителей коммунистической идеологической чистоты. Поэтому, когда речь в избранном обществе заходила о марксизме-ленинизме, Саша Бориспольский бормотал магическое заклинание: «Чур меня! ...» или даже в более редких случаях цитировал фразу советского философа Юрия Щедровицкого, человека на пол-поколения старше Саши: «Я марксист, следовательно, я идеалист». Так удачно выразиться вслед за Декартом, сказавшим: «Я мыслю, следовательно, я существую», – мало кому удавалось. Вот уж действительно – нашелся человек, определивший самую суть «не рассчитанного на применение» учения, не рассчитанного в том смысле, что построить провозглашаемое этим учением общество невозможно НИКОГДА, поскольку оно противно природе вещей, хотя его очень старались осуществить и даже думали, что это получается. Но одно дело было требовать от своего народа бороться за торжество коммунизма во всем мире, и совсем другое – обязывать соглашаться с противоестественной дурью все остальное человечество, не считая, конечно, Китая, людоедских стран Африки, строящих социализм, и военных диктатур Южной Америки, которым мы продаем турбины и генераторы. Все, что в остальном мире делается законно, принародно, свободно, в стране «развитого социализма» реализуется только вопреки законам, ограничивающим свое народонаселение во всем, чего ни коснись: в изданиях произведений иностранных авторов, в поездках за границу, в приобретении вещей и продуктов, даже в перемещениях внутри своей страны: тут выпишись – там пропишись, а там и вовсе для туристской поездки или похода оформи пропуск в пограничную зону – даже в Норильск.

То ли потому, что Сашин отец в свое время с энтузиазмом вступил в большевистскую партию и в ее рядах мечтал построить идеальное общество, то ли потому, что сам по себе коммунистический идеал обладал такой же неотразимой привлекательностью, как финансовая пирамида (где на тебя работают новенькие, покуда их ряды не иссякнут), но Саша тоже мечтал жить по принципу «каждому по потребностям, от каждого по способностям», против чего не посмели бы возражать не только закоренелые лентяи, но и самые настоящие трудоголики. Ну пусть мечта всегда немного вранье и себе, и другим, но ведь можно, оказывается, строить социализм для своих граждан, а не для мирового господства, как доказали всему человечеству, всему миру скандинавы. Там научились так грамотно раздевать капиталистов (не догола, разумеется, тем более – не ставя их к стенке), что и у них, «эксплуататоров», и у посильно трудящихся в хорошо защищенных и невредных условиях с лиц сходит зверское выражение, присущее борющимся классам, которым по Марксу-Энгельсу-Ленину-Сталину полагалось сражаться насмерть вплоть до полного уничтожения – ликвидации, как нравилось говорить большевикам – и, после чего о чудо! – должен был возникнуть незапятнанный кровью социализм с человеческим лицом!

Да, внутри себя Александр Бориспольский оставался социалистом в мечтах, и он искренне презирал Ленина, Троцкого, Сталина, Хрущева и Брежнева за то, что на посту высших вождей они только одно и практиковали из идей социализма – беспощадную классовую борьбу, пытаясь на этой разрушительной основе подчинить себе весь мир, чтобы сделать свою власть несменяемо вечной. Ведь нашлись же другие мыслящие марксисты, тоже кстати, евреи (как сам основоположник Маркс и продолжатель его дела Ленин), которым пришло в голову нечто гораздо лучшее, продуктивное, компромиссное и примиряющее, чем классовая

борьба, а именно: нерушимое классовое партнерство. Когда Саша в общих чертах услышал, какую стратегию создания социализма разработали Карл Каутский и особенно Эдуард Бернштейн, он понял, почему советские теоретики и практики с такой патологической ненавистью отзывались об этих вождях второго Интернационала – они были умнее, их идеи в экспериментальном и массовом практическом применении прививались в обществе, оборачивались всеобщим процветанием, а не потоками крови, как у нас, а потому их считали гнусными предателями, отвратительными прислужниками капиталистов-эксплуататоров рабочего класса. Каутский и Бернштейн оказались удачливее лениных-троцких-сталиных-каменевых, зиновьевых, бухаринных – и в этом тоже состояла их, то есть Каутского и Бернштейна – огромная непростительная вина. Для прихода к власти их последователям не потребовались ни конспиративный союз с национальным врагом (как большевикам с Германией), ни Парвус, ни Гражданская война, ни чистки, ни ГУЛАГи, ни всемогущие и недремлющие органы госбезопасности. На советских «коллег» эти марксисты-соглашатели имели право смотреть с жалостью как на упорствующих в неправоте психов и с еще большей жалостью – на руководимый ими народ, давая в высшей степени дельный совет: начнем вместе строить наше общее светлое будущее по пути конвергенции, схождения – вы возьмете себе то хорошее, что есть у нас, а мы возьмем у вас, если таковое найдется. Но вот как им, человеколюбивым социалистам, объяснить, к кому они обращались, кому протягивали руку – ведь не «коммунистам-интернационалистам», а угнетателям и истребителям собственного народа в масштабах, которые и не снились самым гнусным царям? Естественно, конвергенцию как идею заклеямили точно так же, как идею классового партнерства, назвав, как обычно, гнусными происками мирового империализма, старающегося нас просто заставить расслабиться, а затем взять голыми руками. Вот такие у нас ответы «партнерам» на мировой арене: «Лорду в морду!» – как тот более новый и не менее вежливый:

«Утритесь вы своей конвергенцией!»

К великому Сашину огорчению, выяснилось, что настоящим творцом победной стратегии прихода большевиков к власти был не полуеврей Ленин, а настоящий стопроцентный еврей Парвус, имевший на самом деле такую же исходную фамилию, какая была у безгрешного уважаемого Александра Семеновича – Гельфанд, кстати, тоже Александр, только Лазаревич (может, они и принадлежали одному роду – как знать!). Гельфанд-Парвус, став в эмиграции на партийные деньги капиталистом, причем очень удачливым – зарабатывал деньги для себя и для революции в России. Это ему принадлежала мысль обратиться в генштаб воюющей с Россией Германии с предложением финансировать детально проработанный им проект разложения российского фронта и тыла с помощью агрессивной антивоенной большевистской агитации. Для осуществления плана Парвуса требовалось до смешного мало – несколько миллионов рейхсмарок, пропуск через территорию Германии из Швейцарии в Швецию в опломбированном вагоне российских главноагитаторов во главе с Лениным и помощь в доставке привычного оружия – винтовок Маузера – немецким военнопленным, сидящим в русских лагерях. Изнемогающие от непосильной борьбы на два фронта немцы с величайшим энтузиазмом откликнулись на предложение Парвуса. Опломбированный вагон перевез смутьянов в Швецию, из которой они перебрались в Россию. В Петрограде большевики в июле устроили путч, который провалился, но затем повторили попытку в октябре и взяли власть, свергнув временное правительство. А дальше и поехало и пошло, и в благодарность немцам за предоставленные миллионы позорнейший, похабнейший, невыгоднейший России Брестский мир, пролонгация на целый год мировой войны благодаря уступке по этому договору Украины голодающей Германии, затем без роздыха беспощаднейшая, прокатившаяся практически по всей территории бывшей царской России гражданская война, принесшая стране вдвое больше жертв, чем собственно Первая Мировая. Дальнейший путь России известен. Кампания за кампанией проходили подавления антибольшевистских мятежей, белых, зеленых и прочих врагов, изгнание

антантовских войск, карательные возмездия территориям, питавшим самых ярых врагов советской, точнее большевистской власти – областям казачьих войск и украинской повстанческой армии народного социалиста и одновременно удачливейшего бандита Нестора Махно. На этих территориях Ленин, Троцкий, Сталин и компания собирались извести все коренное население дончиста. Средства для этого – голод и расстрелы, грабеж и снова голод. Итог – снова столько же жертв, сколько во всю Гражданскую войну. Правда, на сей раз обошлось без Парвуса. Российские большевики решили, что целее будут, если не дадут вернуться такому умнику на его родину.

Оскорбило ли это Парвуса? Надо думать, что оскорбило. Ведь он не был философом, отрешенно смотрящим на то, как свершается его провиденье. Он представлял собой человека дела, крупномасштабного деятеля-воротилу, ему льстило, что оказалась способна сотворить с миром его деятельная мысль. Он был готов управлять Россией вместо царя, но его предала неблагодарная шпана, которую он привел к власти. Разумеется, Парвуса это потрясло, хотя, разумеется, всего лишь морально. Его богатства от этой измены не убыло. Он с величайшим комфортом жил себе в Швейцарии или Германии, по настроению приобретал и менял роскошных блондинок, к которым питал большую слабость, и умер от ожирения и распутства, тогда как мечтал умереть правителем России – пусть тоже от ожирения и распутства, но не в Германии – слава Богу, роскошные блондинки в России всегда были и есть в большем изобилии, чем где-то еще. Ну что же, не сбылась всего лишь одна мечта Александра Лазаревича Гельфанда, хотя возможно, и главная. Но другие его мечты очень даже сбылись – их было по меньшей мере три. Он, бежавший за границу, преследуемый царской охранкой бесправный еврей, добился ликвидации ненавистной власти и всей ненавистной династии. Он отомстил сторицей казакам и щирым украинцам за все жертвы еврейских погромов. Он уничтожил гнусную черту еврейской оседлости и обеспечил массовое расселение евреев по всей территории страны. Разве этого мало? Разве это было исполнено плохо, тем более, что он ухитрился все это повернуть, управляя событиями дистанционно, издали? Не было в мире политика с самыми большими амбициями, который столь ничтожными средствами достиг бы таких потрясших мир грандиозных изменений. И пусть о нем постарались забыть предавшие его пигмеи, им ли было состязаться с ним в уме? В этом проявилось даже нечто особенное, он сумел заставить ничтожеств их руками воплотить в жизнь ЕГО ВЕЛИКИЙ ПЛАН, что бы они там себе ни воображали. Да, такого еврея, как этот Гельфанд, было еще поискать. Был ли он счастлив, подводя итоги своей жизни, если, конечно, подводил? Саша Бориспольский считал – вполне мог быть, А что? Упоения с блондинками достигал в любых количествах, на какие только был способен. Сделал то, чего не могли добиться ни банкиры Ротшильды из-за рубежа, ни евреи-народовольцы внутри России – ликвидировал, причем не только номинально, но и на практике черту оседлости. Воздал по заслугам всем российским антисемитам – от царствующего дома до хуторов и станиц. Если удовлетворение удавшейся мести может дать ощущение счастья, то он его получил. Вот только одно ли ожирение его доконало? Что ж поделать – работал мозгами, считая, что мускульной работой некогда заниматься кроме как с блондинками: туда-сюда, туда-сюда. Так что его ожирение можно объяснить только по-грибоедовски – горе от ума. М-да. «Горе так горе. Причем, сотням миллионов людей, среди которых и я, – мелькнуло в голове у Саши Бориспольского, – среди которых много таких, как и я, как ни странно, тоже вроде Парвуса, евреев», – уточнил он про себя.

– Вот Горькому, Алексею Максимовичу, этот богач Гельфанд действительно помогал. Содержал его вместе с виллой на Капри, семьей и любовницами. Интересно, чем его до такой степени пробрал наш великий пролетарский босяк-алкоголик, что он до самой своей смерти все давал ему большие деньги, да еще издавал? Неужто преклонялся перед горьковским литературным талантом? Талант, конечно, у Горького был, однако ведь не такой «потрясный», как у ряда других писателей того времени в России. Но вот завещать Горькому деньги или иму-

щество, Парвус не захотел или не успел. И остался великий пролетарский писатель, привыкший к роскоши, с пустым карманом. А потому ему и пришлось взять сталинскую приманку из золотой клетки, в которую Горький попал, да больше так и не выбрался. Мог он предвидеть такое? Скорей всего – мог, но уж очень боялся, поднявшись из грязи в князи, снова удариться в грязь. После роскоши, которая вошла уже во все поры тела, даже скромное приличное существование кажется унижительным, почти порочным, хотя, вероятно, порочным даже без «почти». Вот он и стал игрушкой-содержанкой у Сталина, и был таковой, покуда игрушка Сталину не надоела. И церемониться с Горьким он не стал. Как тут снова не вспомнить Грибоедова: «Избавь нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»?

Так «великий гуманист» (разумеется, Горький, а не его кремлевский покровитель и кукловод) стал жертвой двух могущественных представителей Сил Зла на Земле – с одной стороны, почившего Гельфанда-Парвуса, развратившего Алексея Максимовича роскошью, и Джугашвили-Сталина, обещавшего ему, что от роскоши и народного поклонения ему не придется отвыкать. От роскоши действительно отвыкать не пришлось – Сталин угробил его без отлучения от должности или перевода в армию врагов народа. История, конечно, вышла весьма поучительная, но кто бы мог извлечь из нее урок? Разве, что тот, кому предложили роскошные условия жизни. А Саше их никто предлагать не стал. Ему бы повезло, если бы удалось создать себе вполне приличные – так он считал. И за это еще предстояло побороться.

Глава 4

Институтское начальство сочло дебют Михаила Горского в НКНТ в целом вполне удачным. Беланов уже не журил его за дерзость по поводу игры Арутюнова в телефон. Если сам Арутюнов снизошел к молодости докладчика и простил его, чего уж тут было усердствовать в перевоспитании?

В отделе Михаил тоже сделал небольшое сообщение коллективу о том, как прошло опасное мероприятие. Сотрудники поняли, что немедленно их не разгонят, что до нового рассмотрения можно будет жить, как жилось. Диана Прут даже была довольна тем, что это ее диссертационная работа лежит в русле, вполне одобренном ГКНТ, а это сулило существенное упрощение ее защиты. Один Михаил не видел никаких оснований для успокоения, даже временного. Да, передышка была выиграна, но ничего больше, в то время, как вместо конструктивной идеи, способной стать основой осуществления государственной задачи, зиял вакуум, который при всем желании нельзя было прикрыть вывеской УДК, по крайней мере, для самого Михаила это было вполне очевидно.

Очень скоро он убедился, что так считает не он один. Старший научный сотрудник, оставшийся в отделе по наследству от Орловой, Михаил Петрович Данилов, заговорил с ним о своем представлении о том, что на самом деле могло бы вывести работу из тупика. Михаил Горский вспомнил, что еще примерно год назад Данилов поделился с ним предложениями, которые он сделал еще академику Несмеянову, тогдашнему президенту Академии наук СССР. Поводом для того давнего разговора послужила публикация Горского в отраслевом журнале «Стандарты и качество», в которой рассматривалась перспектива использования дескрипторно-иерархического языка для поиска конструкторской документации. В то время это звучало вызовом устоявшемуся в передовых информационных кругах представлению, что дескрипторный и иерархический принципы – антиподы, и их комбинация невозможна. Один из нахрапистых и, как сам он считал, в отличие от Горского, образованных коллег, попытался даже менторским тоном отчитать Михаила и даже потребовать, чтобы он прочел соответствующую литературу прежде чем публиковать несусветную чепуху. (Однако не прошло и двух лет, как этот «ментор» с растерянным видом подошел к Горскому и уже совсем другим тоном спросил, где он в свое время вычитал то, что теперь становится все более и более очевидным для многих специалистов. Михаил честно ответил: – «Нигде», – но тот не поверил. Для него было, можно сказать, чем-то противоестественным, что такой же работник института, как он, пусть должностью повыше, но зато образованностью пониже, МОЖЕТ ИМЕТЬ в своей голове идеи, которые не у кого было бы подцепить).

У Данилова, однако, представления о необходимости комбинировать дескрипторный поиск с иерархическим были столь же определенным, как у Горского, только куда более масштабными. Это Михаилу хорошо запомнилось. Но тогда Данилов принадлежал отделу Орловой, и как там будет (или не будет) претворяться в жизни комбинаторный подход, Горского мало занимало. Но теперь ситуация радикально переменялась, и ему, а не Орловой, предстояло создавать нечто, чего нельзя было нигде вычитать, да при этом еще отвечать за успех чуть ли не головой. Оля Дробышевская уже нашла другую работу более или менее по старому профилю и прихватила с собой еще двух дельных сотрудниц, которых Михаил перевел с Олей в новый отдел. Оля обещала пробить для него место начальника над собой, но для этого требовалось время. Пока что он только радовался, что любимая женщина вышла из-под удара, пока он выдерживал тяжелейшие арьергардные бои. Михаил не хотел, чтобы она оставалась и рисковала вместе с ним. Тем более, что в новой обстановке Оля чувствовала себя совсем неуверенно, и толку от ее присутствия не могло быть никакого. Скорей наоборот – ему еще приходилось думать, чем и как оправдывать ее присутствие в глазах окружающих, когда никакого

определенного задания Оле для самостоятельной работы он поручить не мог. Видеться им наедине было почти негде, и от этого становилось совсем скверно на душе. Темная полоса в их жизни делалась все более черной. Держаться на плаву и сохранять достоинство, не поддаваясь неблагоприятным обстоятельствам, стоило огромного труда. И Оле не было смысла изнуряться, оставаясь вместе с ним. Но от того, что своей близостью из-за отсутствия мест, подходящих для этого, она не могла вдохновлять его, было по-настоящему тяжело и плохо.

Давно уже продуманная Даниловым линия построения единой системы информационно-поисковых языков, совершенно не оцененная вертхвосткой Орловой, пришлась Михаилу Горскому по душе. Во-первых, она не требовала создания одного единственного сверхсложного языка, своей громоздкостью напоминающего динозавра, которого не держит земля, а потому и неспособного двигаться достаточно быстро. Вместо полного единства требовалась лишь необходимая для определенных взаимодействий разных составных частей языковой системы согласованность, не мешающая автономному развитию и использованию этих частей. Особо ценной для реализации идеи Данилова представлялась еще одна вещь. Ничто не мешало разрабатывать отдельные информационно-поисковые языки для поиска информации в отдельных отраслях знаний, соблюдая минимальные требования, обеспечивающие «стыковку» с соседями, ориентируясь на собственные возможности и ресурсы и, образно говоря, не дожидаясь, пока последняя пуговица не будет пришита к мундиру последнего солдата в едином строю для одновременного ввода всей системы языкового обеспечения в действие. Поэтому более развитые, продвинутые и богатые отрасли могли внедрить свои языки быстрее, чем менее продвинутые и хуже обеспеченные отрасли. Это было важно, поскольку один институт Беланова всеми ресурсами, необходимыми для реализации всей затеи, не располагал и распорядиться ими не мог. Все вопросы все равно неизбежно должны были решаться вместе с отраслями, а не за них и не вместо них. Оба Михаила, Данилов и Горский, принялись думать, что делать дальше. Во-первых, следовало за столбить идею – не в том смысле, чтобы потом стричь дивиденды после ее внедрения – об этом при социализме вообще не могло быть и речи, а в том, чтобы прочно обосновать ее в других головах – и в головах специалистов, которые при желании, конечно, могли быстро осознать все достоинства предложения Данилова, и в головах различного рода и уровня руководителей, что представлялось уже на порядок более сложным делом. Оба Михаила не имели ученой степени, а для пробивания начальственных умов требовался бесспорный квалифицированный авторитет, и в этом они видели серьезную загвоздку для дела. Михаил Петрович взялся поговорить с доктором Влэдуцем – первым в стране, получившим эту высшую ученую степень именно по информатике. Он был с ним слегка знаком. Георгий Эмильевич Влэдуц откликнулся на призыв к встрече. Идейную сторону решения проблемы он одобрил сходу без сомнений и возражений, но вот как обеспечить его привлечение к работе официально, чтобы ему за это могли платить, пока не знал ни один троих. Горский, правда, обещал нажать на все педали, чтобы пробить Влэдуцу разрешение на работу по совместительству (поскольку основную свою работу он бросать не собирался), а это было весьма трудной задачей, особенно учитывая непробивной вид и характер Горского. На том тогда и порешали, что вернуться к дальнейшим переговорам, если разрешение на совместительство будет получено. Получать же его надо было не где-нибудь, а в конце концов в ГКНТ. А начать пришлось с Титова-Обскурова и Беланова. Горский прямо заявил, что хотя они с Даниловым убеждены в правильности предложенного последним подхода – более того – в единственной правильности и реализуемости именно этого подхода – слишком молодая внешность у первого, а также отсутствие известности и ученых степеней у обоих в большой степени затруднят усвоение правильной идеи научной общественностью и начальством без привлечения к делу на официальной основе и поддержки со стороны лица с высоким научным авторитетом. Единственным доктором в новой специальности, в информатике, является Георгий Эмильевич Влэдуц, ученик и протеже бывшего президента Академии наук

академика Несмеянова. Да, он уроженец и бывший гражданин Румынии. Но Несмеянов лично исколотал ему советское гражданство. Он член КПСС, и потому никакие сомнения в его надежности на могут иметь место. Титов и Беланов морщились, однако крыть им было нечем. Михаил Горский составил убедительные письма от института в Госстандарт и от Госстандарта в ГКНТ, и машина согласования со скрипом пошла в ход. Михаил сам ходил по разным кабинетам в обеих инстанциях и доказывал там, что без этого не обойтись. Да, он знает, что совместительство разрешается академиком и член-корреспондентам – и то лишь в очень важных случаях, но что делать, если академиком в информатике вообще нет еще ни одного, да и доктор в этой научной дисциплине только что утвержденный есть всего один на весь Союз, и именно его они стараются ввести в ведущие разработчики. Кабинет за кабинетом вставал на сторону Горского, и он подумал, что нет худа без добра – он несолиден и выглядит больно молодым, хотя убежденным, но ведь по этой причине на самом деле нуждается в поддержке авторитетом. В конце концов разрешение после визита к товарищу Арутюнову было получено. Тот действительно не держал на Горского зла после той памятной несколько обидной, но комической выходки. По молодости Михаила Арутюнов простил ему её, по его молодости же помог и с привлечением Влэдуца.

Теперь их действительно стало трое, и они быстро убедились в том, что помимо общей убежденности в правильности подхода их сила состоит в комбинации таранного авторитета Влэдуца, потрясающего глубокомыслия и эрудиции Данилова и в великолепных полемических качествах и речевой убедительности Горского, который был полезен еще и тем, что в ряде направлений очень удачно развил идею Данилова. Вскоре Беланов убедился, что его сомнения насчет неспособности этой троицы (лучше триумvirата, как думали сами ее члены) напрасны. Одна за другой проводились встречи и совещания с приглашенными авторитетами из близких областей и со специалистами из сферы информатики, и практически везде обсуждение кончилось одобрением. Пора было выходить на уровень Арутюновского управления в ГКНТ.

Николай Багратович не был бы начальником управления Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике, если бы не знал, как обставлять свои решения по важным вопросам. При управлении Арутюнова существовал Научный совет по проблемам научно-технической информации. Казалось бы, что возглавлять его тоже должен был бы Николай Багратович Арутюнов. Но шалишь! Если он САМ будет возглавлять этот совет, ему и придется отвечать за принятые там решения и рекомендации, которые он потом, уже как чиновник, как ответственное перед государством высокопоставленное должное лицо, должен будет претворять в действительность. А если решение окажется ошибочным или неудачным? Кто тогда будет виноват? Товарищ Арутюнов Николай Багратович собственной персоной. Да не единожды, а дважды. В первый раз – как глава совета, второй раз – как исполнительный руководитель. А ему это надо? Нет уж, ищите себе другого такого умника, чтобы он был, как когда-то говорили в Одессе, одновременно «мужской портной, он же и мадам». А потому научный совет по рекомендации Арутюнова возглавлял профессор Михальский – директор того самого головного института по созданию единой системы научно-технической информации страны, который наотрез отказался разрабатывать для этой системы единую классификацию печатных изданий и документальных материалов, сделать которую пообещал Арутюнову Беланов, лишь бы для него разрешили создать институт. Профессор Михальский был непростым человеком и совсем необычным профессором. По сведениям, дошедшим до Михаила Горского из нескольких источников, выяснилось, что тот достаточно долго не был ни научным сотрудником, ни даже студентом какого-либо ВУЗа, а просто долго и успешно служил в органах госбезопасности. Когда над государственной системой научно-технической информации, создаваемой в стране, органам понадобился свой доверенный надзиратель, выбор по каким-то причинам остановился на Михальском. Отсутствие у него высшего образования было признано не заслуживающей внимания мелочью. По ходатайству КГБ как исполнительного органа,

от лица коммунистической партии управляющего страной, решением коллегии Министерства высшего образования Михальскому был выдан диплом о высшем образовании без его защиты. Ну, а потом Михальского тем же путем сделали профессором. Правда, это был совсем не тот случай, который имел место в жизни действительно выдающегося ученого-физика Якова Борисовича Зельдовича, который стал не то что профессором, а даже академиком, так и не имея диплома о получении высшего образования, да и разрабатывал Михальский в отличие от Зельдовича, не атомное оружие, тем более не занимался вопросами космогонии и астрофизики – у него была своя «экологическая ниша». Вместе с тем, став директором всесоюзного научного института, находящегося в двойном подчинении у ГКНТ и Академии Наук СССР, он быстро усвоил стилистику поведения, приличествующую человеку его положения в науке и обществе. Это свидетельствовало о его природном уме и, возможно, о неплохих актерских способностях и готовности проявлять такт там, где надо. Естественно, что где не надо, он его и не проявлял. Директорское кресло обеспечило ему весьма широкие возможности становиться автором научных трудов в соавторстве с подчиненными ему действительно учеными коллегами. Профессор Михальский в равной степени стремился к обеспечению своей научной репутации в качестве человека передовых взглядов и к сохранению за собой своего места. Мало ли, вдруг найдется какой-нибудь шустрик то ли из органов, то ли из ЦК, то ли отпрыск знатной партийной фамилии – а на то уже давно мода пошла – как закончит сынок учебный институт, чуть-чуть поработает под чутким руководством заинтересованного в верховной поддержке лица – и пожалуйста: ему уже подыскивают либо готовый директорский пост в научно-исследовательском институте, либо учреждают новый институт для него как директора специально. Когда Арутюнов предложил рассмотреть проект Влэдуца, Горского и Данилова на совете при ГКНТ, Михальский крепко задумался. С одной стороны, его совсем не тянуло раньше времени что-либо одобрять, хотя дело неуклонно шло именно к этому. Альтернативных решений никто, кроме этой троицы, не предлагал, в готовность УДК заменить все остальные классификации собой он совершенно здраво не верил – ведь даже в его институте основной рабочей классификационной системой была совсем не УДК, а рубрикатор реферативных журналов, к которому, кстати сказать, очень уважительно отнеслись три автора, три возмутителя спокойствия, рассматривая перечень реферативных журналов как исходный ряд для построения неглубокой – двух-трехуровневой классификации, с помощью которой намечалось распределять информацию по отраслям знаний и координировать состав и наполнение дескрипторных словарей. Это Михальскому нравилось, однако сходу брать на себя ответственность за одобрение было не в его интересах. Получалось, что Влэдуц, заведующий сектором в его институте, работая совместителем в институте Беланова, серьезно опережает работы по созданию единой государственной системы НТИ, за создание которой нес ответственность сам Михальский. Своей научной концепции его институт еще не подготовил, не выдвинул, не обсудил. А тут на тебе – маломощные соисполнители его головного института, выходит, уже в принципе справились с серьезнейшей проблемой, за которую он, Михальский, ни за какие коврижки не брался. Разве тот же Арутюнов упустит возможность почувствительней ущипнуть его по этому поводу? Разумеется, не упустит. Из этого следует, что лучше было бы с окончательным одобрением предложенного к рассмотрению проекта, как бы это помягче выразиться, повременить. Но формально от рассмотрения уже не откажешься, материалы подготовлены, Арутюнов ждет. Хорошо бы нашелся предлог на самом заседании, чтобы там уже все и притормозить. И повод, на который так рассчитывал профессор Михальский, вдруг сам собой нашелся, образовался даже без малейшего его участия. Прямо-таки «по шучьему велению, по моему хотению»!

А повод к замедлению рассмотрения проекта Влэдуца, Данилова и Горского был инспирирован не где-нибудь, а в институте Беланова и, более того – в отделе Горского Дианой Марковной Прут. Ее побудили к этому две причины: первая – мысль о том, а не помешает ли принятие нового подхода успешной защите ее диссертации по методам использования УДК

в координатном режиме; вторая – желание наказать Горского за вмешательство в кадровую политику ее сектора. Относительно опасения Дианы Прут за преждевременную кончину возможностей защититься на использовании УДК можно было сказать одно: и Горский, и сам Влэдуц заверили ее, что бояться ей в обозримое время, в течение которого она могла бы подготовить и сдать в ученый совет свою диссертацию, совершенно нечего. В проекте нет ни слова против использования УДК в каком угодно режиме, хоть в нормальном, хоть в многокоординатном, покуда система НТИ не заработает по-новому, а это произойдет не раньше окончания следующей пятилетки. Однако Диана предпочла на всякий пожарный случай этому не поверить и кинулась за помощью к профессору Антоничеву, который на регулярных форумах Международной комиссии по классификации (то есть по УДК) в Гааге представлял Советский Союз. Естественно, она наговорила Антоничеву всяких страхов насчет будущности УДК, намекнула на возможность того, что из-за этих распоясавшихся архаровцев вскоре в Гаагу просто никого не станут посылать. Седовласый благообразный профессор – прямо-таки обладатель соответствующей плакатной внешности и велеречивости – понял Диану с полуслова. Он тотчас же кинулся к своему директору Михальскому, в штате которого числился и получал зарплату, и они очень быстро обо всем договорились. Влэдуц узнал об этом заблаговременно, но ни помешать сговору, ни отменить его ему не удалось – Михальский здесь решал свои проблемы. Тем самым Диана сознательно дала своему начальнику и его коллегам повод к войне. Это было неприлично ни с точки зрения профессиональной этики, ни с точки зрения принципа «живи и жить давай другим», которого они до сей поры придерживались и который из сугубо эгоистических соображений больше не желала выполнять она.

В свою очередь Диана Прут восприняла как казус белли действия Михаила в отношении не так давно принятой на работу в ее секторе сотрудницы Ламары Ефремовой. Михаила специально попросила об этом сотрудница смежного отдела Галина Вещалова, с которой у него была прочная, но не любовная взаимная симпатия. Ламара была сокурсницей Гали и выглядела тоже весьма симпатичной. Определив ее в сектор Прут, Михаил оказал обеим подругам не очень удачную услугу. Хотя Ламара была исполнительна и старательна в том, что ей поручала делать Прут, последняя быстро невзлюбила свою новую подчиненную. Михаил сперва было терялся в догадках, отчего так происходит, за что Диана систематически лишает ее библиотечных дней, которые своей властью в отделе Горский предоставлял всем, пока не догадался, что Ламара не проявляет к своей непосредственной начальнице полагавшегося, по мнению Дианы, подбострастия. Официально библиотечных дней в институте никому не полагалось. Но в своем отделе Михаил был единственным, кто их не имел, поскольку на это потребовалось бы разрешение Титова-Обскурова, к которому, во-первых, было противно обращаться с просьбами вообще и который наверняка бы не разрешил так называемой работы в библиотеке. Михаил попытался повлиять на Диану по-хорошему, но в ответ она ответила дерзостью, прощать которую у него не было ни малейшего желания. Диана заявила, что это ее дело, кому предоставлять библиотечный день, а кому нет, и пусть он не свое дело не лезет, намекнув при этом, что знает об истинной причине его заступничества. То есть в его заинтересованности в романе с Ламарой. Михаил даже не столько возмутился беспардонностью отпора, сколько удивился граничащей с откровенной глупостью недалекости Дианы, позволившей себе забыть, что ее работа на себя не является полезной для отдела, и ей разрешают ею заниматься из милости, которую в лучшем случае можно называть корпоративной лояльностью. Еще больше Диана забылась насчет того, что это он, начальник отдела Горский, брал на себя смелость давать сотрудникам библиотечные дни, в том числе и ей, Диане, хотя свободно мог и не давать, и что это – исключительно его собственная инициатива и прерогатива, но никак не ее. В тот же день Михаил подозвал Ламару и предложил ей написать заявление на свое имя с просьбой перевести в сектор, фактически возглавляемый Даниловым (Титов-Обскуров под всякими

предлогами волянил с официальным утверждением Михаила Петровича в этой должности, но Горский знал, что скоро обязательно его дожмет).

На другое утро Горский вывесил на стене свое распоряжение по отделу, в котором сообщил о переводе Ефремовой к Данилову из-под Прут. Михаил знал, что Диана будет в ярости и даже предвидел, что она попытается переиграть все по-своему, обратившись в Госстандарт к начальнику планово-финансового управления, который ей некоторым образом покровительствовал. Об этом чиновнике Михаил прежде слышал от Лернера, который с восхищением сообщил о Березовском, что это – «еврей при короле», то есть при председателе Госстандарта. А в переводе на общепринятый язык это означало, что Березовский из казенных средств, предназначенных для ремонта зданий и помещений ведомства выкраивает деньги, материалы и рабочую силу на строительство дач для высокого начальства, что по этой причине он чувствует этих чиновников у себя на крючке и в кармане, вынужденными всегда делать то, что он считает нужным, а коли они этого делать не будут – им придется об этом пожалеть. Наблюдая за ним на нескольких заседаниях Комитета, Михаил даже заподозрил, что Березовский уже забыл границы дозволенного – ведь выстрелить компроматом в свое начальство он мог всего лишь один раз, прежде чем его самого прикончат, в то время, как привольно жить в ведомстве ему хочется вечно и ради этого стоило бы держаться несколько скромнее и деликатней, чем он себе позволял.

Вот к этому самому Березовскому к началу рабочего дня бросилась на прием Диана Марковна Прут, доказав тем самым, что Михаил в своих прогнозах не ошибся. На всякий случай он приготовил отповедь давлению со стороны институтского начальства, полагая, что Березовский будет давить в пользу Дианы через посредство Беланова, а не лично. Но, как ни странно, визит в Комитет ни к каким действиям в пользу Дианы не привел. Результатом кампании вокруг судьбы Ламары и ее библиотечных дней стала только почти нескрываемая злоба Прут, хотя другие, более умные сотрудницы ее сектора, уговаривали ее не начинать войну с Горским из-за Ламары. Это было чревато худыми последствиями для всего сектора – они правильно понимали положение вещей, но Диана закусил удила. Как? Ей, такой умной, пытается портить жизнь этот жалкий новичок Горский? Да она!..

Да. Она очень рассчитывала на то, что продемонстрирует свою силу, сорвав обсуждение доклада Влэдуца на совете при управлении Арутюнова, и заставит считаться с собой, доказав, кто здесь в отделе хозяин.

В день заседания совета по проблемам НТИ в Госкомитете по науке и технике Влэдуц, Данилов и Горский ждали выяснения только одного пока неизвестного фактора – под каким именно соусом Михальский не допустит принятия никакого решения – ни положительного, ни отрицательного. В повестке дня значился докладчиком доктор наук Влэдуц, оба Михаила готовы были выступить с короткими содокладами. Председатель совета Михальский был на месте, основной докладчик Влэдуц был на месте, отсутствовал только товарищ Арутюнов, но Михаил уже знал, что это в порядке вещей у начальника управления, поскольку опоздание позволяло под конец заявлять о своей позиции, не считаясь с тем, о чем говорилось без него, словно ничего и не говорилось. Но на сей раз данная манера поведения никакой выгоды Николаю Багратовичу не принесла. Видимо, Михальский (недаром все-таки профессор) тоже просек стереотипный приемчик начальника управления, собиравшегося кольнуть ученого коллегу, и потому сразу взял быка за рога. Он открыл заседание следующими вступительными словами:

– Уважаемые члены совета! Сегодня у нас в повестке дня два вопроса. По первому вопросу нам надлежит заслушать доклад уважаемого коллеги – доктора наук Георгия Эмильевича Влэдуца о принципах и способах построения единой системы информационно-поисковых языков для будущей автоматизированной единой системы НТИ страны. Материалы вам заблаговременно розданы, с тезисами доклада вы, таким образом, уже знакомы. Но понима-

ете, какая вещь. Мы с вами должны дать всестороннюю и глубокую оценку предложенной концепции – ведь от ее правильности или, наоборот, неправильности, в будущем будет в большой степени зависеть поисковая эффективность системы НТИ. К сожалению, с принципами технологии работы этой единой, подчеркиваю, автоматизированной системы НТИ еще далеко не все ясно. Я понимаю – и думаю, вы со мной согласитесь, что предложенная на сегодняшнее заседание совета языковая концепция вносит немалую определенность в желаемый характер функционирования всей системы. В этом я вижу безусловно положительную сторону работы авторского коллектива. И вместе с тем я полагаю, что именно этот аспект технологических взаимодействий, их влияния на структуру системы НТИ, под которую авторы предложили систему языкового обеспечения, нам бы следовало обсудить более детально на различных отраслевых и межведомственных совещаниях, прежде, чем выносить на утверждение научную сторону вопроса о том, какими должны быть при том или ином варианте структуры системы ее языковые поисковые средства. Положа руку на сердце, могу сказать, что по моему мнению достаточного времени на рассмотрение этого аспекта у нас все же не было. А потому я предлагаю поблагодарить авторов и перенести обсуждение их концепции на следующее заседание совета.

Это означало – на целый квартал. Как минимум.

– Я хочу услышать на этот счет мнение совета. Есть ли у кого-нибудь возражения против моего предложения? – спросил Михальский.

Возражения, конечно, были, однако только у одного члена совета – у доктора Влэдуца. Но он по понятным причинам промолчал. Во-первых, Михальский был его главным директором, и портить отношения с ним по не самому принципиальному поводу не стоило. Во-вторых, само совместительство Влэдуца зависело от согласия или несогласия Михальского. Настаивать на рассмотрении вопроса сегодня – значило ставить участие Влэдуца в дальнейшей работе под удар, а это было не интересах ни Горского, ни Данилова. Остальные члены совета – почти сплошь директора отраслевых и центральных органов НТИ – тоже не видели смысла возражать директору Головного института, у которого всегда была возможность жаловаться в ГКНТ на их недостаточно активную деятельность или же на полную бездеятельность. Поэтому вопрос Михальского к аудитории завис без ответа. Михальский обвел ряды глазами и, не увидев поднятых рук, удовлетворенно сказал:

– Возражений как будто никто не имеет. Если я прав, то мы можем без голосования принять мое предложение о переносе и сразу перейти к обсуждению второго вопроса.

А там была уже такая ерунда, на которую вообще не стоило тратить время. Явившийся, наконец, в зал после обдуманной задержки товарищ Арутюнов, похоже, опоздал даже к шапочному разбору.

– Как просто он переиграл всю диспозицию! – не без восхищения ловкостью фокусника Михальского подумал Горский, но сразу вслед за этим подумал о другом. О том, как Титов-Обскуров будет выставлять через него претензии к Влэдуцу, почему он в интересах института Беланова не стал возражать своему директору Михальскому. О том, что из-за случившегося Титов может еще на квартал отодвинуть назначение Данилова заведующим сектором, о том, наконец, как довольна Диана Прут нанесенным ненавистной ей троице ущербом.

Влэдуц явно думал о том же. Он наклонил голову и, повернув лицо в сторону двух соавторов, тихо произнес:

– Возможно, я в чем-то ошибаюсь, но по-моему, Диана Прут не защитит свою диссертацию.

Это было окончательное объявление войны. Оба Михаила согласно кивнули в ответ. Диана сама выбрала такой исход и развязала им руки.

Глава 5

У Михаила Горского уже больше года все тянулась и тянулась черная полоса. И конца ей не было видно. То, что время от времени получалось удачно контратировать наседающие враждебные силы, кое-где и кое – в чем переламывать в лучшую сторону неблагоприятные обстоятельства, большого оптимизма внушать не могло. Вместе с Даниловым и Влэдуцем они сумели оставить корабль на плаву, а также заткнуть небольшую пробоину, которую по собственной дурости проделала в его обшивке Диана Прут. Забрехала перспектива создать работоспособную систему информационных языков на основе подхода, предложенного Даниловым. Добиться одобрения концепции они сумеют точно. Однако дальше-то что? Беланов и не подумает вернуть в распоряжение отдела ту кадровую численность (и соответствующие деньги), которые были выделены институту по координационному плану – директор в буквальном смысле расхитил и то и другое на милые его политкомиссарскому сердцу дела: на создание целого пропагандистского направления в деятельности института. Оно включало отделы прессы, кино и телевидения. Беланов как человек, понимающий толк в этом деле, лично следил за тем, чтобы все потребности этих отделов удовлетворялись вовремя и в приоритетном порядке. Маховик пропаганды стандартизации уже вертелся на полных оборотах, разгоняя туфту по всем возможным каналам во все возможные места. А ведь трудоемкую работу по созданию дескрипторных словарей даже с помощью отраслевых специалистов из-за этого разгула пропаганды выполнять окажется некому. Тех сотрудников, которые уже есть, точно не хватит на это, тем более, что половина отдела работала на УДК. Да-да, на ту милую сердцу ГКНТ и товарища Арутюнова УДК. Кроме сектора Дианы Прут, экспериментировавшей в собственных целях с УДК, еще один сектор был занят экстренной подготовкой нового русского издания полных таблиц универсальной десятичной классификации. За это дело с энтузиазмом взялся Беланов не только затем, чтобы угодить Арутюнову, но и ради того, чтобы доказать – институт выдает реальную продукцию. Получится ли создать новую систему или нет, ему до конца неизвестно. А так в актив института все же будет занесено нечто важное с точки зрения ГКНТ и вполне осязаемое.

Таким образом Беланов поджег и без того сильно укороченную свечу с другого конца. Даже если представить, что сама Диана Прут достаточно скоро перестанет в отделе существовать и ее сектор, то есть оставшихся сотрудников, удастся перебросить на основную тематику, это будет очень слабым подспорьем: и людей там не очень много, да и по квалификации они подходили для главной работы далеко не во всем. А потому выходило, что для него, для Горского, будет лучше отвязаться от УДК, чтобы не отвечать хотя бы за это. Так, кстати, станет еще заметней, как общипали в институте ресурсы, которые он был обязан отвести для разработки своей главной темы. И хотя Михаил даже приятно (а может все равно неприятно) удивил Беланова и Титова тем, как повел катастрофически заброшенное дело, в дальнейшем он снова должен будет оказаться у разбитого корыта, только уже на новом этапе и новом уровне. И тогда возможности удачно совершить новый маневр для спасения себя, отдела и института в статусе первой категории, скорей всего, не будет уже совсем. Но даже и это было не самым скверным. Хуже всего, тяжелее всего было переносить ежедневные стычки с Титовым-Обскуровым, который с фантастической изобретательностью заваливал Михаила все новыми требованиями, выставляемыми в истерической форме с угрозами окончательной расправы. В ответ Михаил не молчал. Наоборот, зная о собственных художествах Титова (главным образом от Нины, но не только) он в свою очередь угрожал заместителю директора пагубными для него разоблачениями. Это помогало осадить распутившегося садиста, но только на короткое время. Жить без угроз и истерик Титов просто никак не умел. Это была уже самая настоящая клиническая патология. Почти ежедневно приходилось затрачивать на это столько сил и энергии,

что Михаил серьезно сомневался, надолго ли его хватит, не говоря уже о том, каким бременем на его душе лежал тяжелейший камень от сознания собственной ущемленности и вынужденности терпеть недостойные условия бытия. Вот это и было самым что ни на есть труднопереносимым. И с этим надо было кончать как можно скорее. Но вот с «как можно скорее» как раз ничего и не получалось. Найти себе место с подходящей зарплатой, то есть такой, чтобы была не ниже, чем сейчас, он еще никак не мог. Не зря Арутюнов пугал Беланова переводом института из первой категории во вторую. Таких, то есть имеющих первую категорию по зарплате, было всего раз, два и обчелся. Другие, не худшие возможности представляла по деньгам только так называемая «оборонка». Но там все зависело от личных знакомств даже в части элементарного информирования – объявлений о приеме на работу кадров такого уровня, как начальник отдела или лаборатории, не давали ни в прессе, ни даже на дверях контор своих отделов кадров. Там приглашали слесарей, монтажников, сварщиков, станочников, о работниках же в области информации не бывало ни слова.

Оля Дробышевская нашла места для себя и двух сотрудниц из бывшего отдела Михаила как раз в одном из «почтовых ящиков». Это был еще не отдел, а только его будущий зародыш. Быстро ли там может развернуться полномасштабная деятельность, у Михаила представления не было. Оля держала его только в курсе своих текущих дел. Она бесспорно представляла, как его припекло и припекает, но ускорить процесс его перехода не могла. Наконец, уже можно сказать, неожиданно, через Олю было передано приглашение на прием к заместителю директора по кадрам и режиму (анкета Михаила лежала у него уже давно). Им оказался пожилой, если так можно выразиться, имея в виду манеру обращения, смягченный, культурный представитель органов. Он расспросил Михаила о прежних местах работы и о роде занятий на них, хотя все данные подобного рода уже содержались в анкете и приложенной к ней автобиографии. Зачем это делалось, догадаться было нетрудно. Кандидатов на должность проверяли таким образом на наличие несовпадений между тем, что писал и что говорил тот или иной претендент, а также наверняка сравнивали где-то в недрах системы госбезопасности на совпадение или несовпадение данных в старых анкетах с прежних мест работы и учебы – и в новой. Михаил свободно мог дать всем поступающим простой рецепт поведения на такой случай – сделать для себя дубликат анкеты и старательно воспроизводить его при всех последующих приемах на работу.

Но пока ему грех было жаловаться на память, и сквозь фильтры подобного рода можно было проходить без труда, без подобной шпаргалки. Затем заместитель и Михаил заговорили о зарплате. Михаил старался выжать хотя бы небольшую прибавку. Он не запрашивал лишнего. Просто наниматель старался на податливости претендента выгадать некоторую экономию фонда заработной платы. Пришлось немного попрепираться, но в конце концов заместитель сказал, что постарается решить этот вопрос положительно, хотя и не сказал, когда. Сигнал не поступал очень долго – месяц, второй. Наконец, он пришел, но не прямо из отдела кадров и не через Олю, а через Аню, перешедшую вместе с ней из отдела Михаила, которая очень желала, чтобы он оказался там. Потеряв терпение, она сама пошла узнавать к заместителю директора по кадрам и режиму, когда же решат вопрос о приеме на работу Горского.

– Он нам подходил, и вопрос о зарплате тоже был решен. Но Ольга Александровна информировала нас, что он к этому времени нашел себе другую работу.

С Аней, удивительно умной, способной самостоятельно мыслить, достаточно молодой и обаятельной женщиной, принципиальной и ценящей принципиальность в других людях, у Михаила были теплые, доверительные и в то же время деликатные отношения. У нее был муж и двое детей. По каким-то причинам, относящимся именно к мужу (или исходящим от него) – скорей всего, тривиальным, она собиралась расстаться с ним. Видимо, он был интересным человеком нервно-интеллигентного типа, у которого и для которого собственные интересы и увлечения составляют первейший приоритет в жизни. Аня же была достойным и гордым

человеком. Обмануть ее наблюдательность муж не мог, да, скорей всего, и не особенно старался. Зная о тяге Михаила к горно-таежным походам, Аня как-то раз принесла показать ему несколько фотографий, сделанных мужем в экспедиции в Сибирь, куда он однажды нанялся рабочим. По ширине и характеру реки и берегов, он решил, что это скорей всего Саяны, и сам не зная в точности, почему, спросил: «Это Восточно-Саянская Уда?» Оказалось, он угадал, хотя сам на Уде никогда не был. На одной глянцевой карточке был муж, на другой – два медвежонка на галечном берегу у ног людей. «Они что, от матери отбились?» – поинтересовался Михаил. «Трудно сказать, почему, но медведицы они не видели», – ответила Аня. – «Ну, в этом им повезло!» – покачал головой Михаил. – «А что? Могла напасть?» – «Запросто!» – сказал Михаил.

Аня, конечно, прекрасно знала, какие отношения связывают Ольгу и их общего начальника, и, как иногда казалось Михаилу, даже про себя жалела об этом, а может, жалела и его тоже. Теперь, когда она сообщила о великолепном Олином ходе конем в игре под названием их «совместного» перехода на новую работу, Михаил точно мог сказать, что Аня его жалела и жалеет.

– Понятно, – собрав в кулак самообладание, отозвался ей Михаил.

Будь у нее другая возможность передать ему свое открытие, она бы предпочла сама не делать этого. Но посредников не было, да они и по существу исключались в деле, где заинтересованными сторонами являлись не только Ольга и Михаил, но и Аня с Милой, считавшие дни и недели, когда он присоединится к ним. Теперь Аня считала своим долгом показать, с кем он на самом деле связался.

– Вы очень расстроены? – услышал он голос в трубке.

– Порядком, – подтвердил он, – хотя вообще-то в мыслях я уже допускал и такой оборот событий. Не волнуйтесь, Анечка, я вам действительно очень признателен. Всегда лучше знать истину, чем не знать. Не скрою, больше хотелось верить в другое, но против факта не попрешь. – И после паузы добавил:

– Можете мне верить. Я это учту.

Ему хотелось убедить Анечку, а через нее и Милу, что новость не раздавила его. Да, он подпал под очарование и власть роскошной женщины и ее великолепного тела. Подпал под власть – это так, но не попал в рабство. Теперь ему предстояло долго работать над собой, чтобы покончить с Олиным влиянием на себя, – прежде всего на свою память и воображение. Он даже был уверен, что быстро, враз, это не получится. И рассчитывать в этом деле можно было на помощь только с одной стороны – со стороны чувства собственного достоинства. Нельзя было ни унижаться, ни стремиться унижить другую сторону, как не имело смысла в чем-то упрекать даму, решившую, что ее дальнейшая жизнь будет гораздо лучше без него. Вот только с этим последним фактом и предстояло в дальнейшем считаться.

Все остальное утратило какой-либо смысл.

И сейчас не имело значения, верит ли Аня в то, что у него достанет силы воли, чтобы освободиться от влияния Оли, или не верит. Это следовало доказывать не ей, а только себе. А себя он худо-бедно все-таки знал. И не сомневался в том, что освободится безусловно и непременно. Никакой другой исход его в этом деле не устраивал. НИКАКОЙ. Даже если Оля сама предложит ему вернуться к прежнему положению вещей. Что ж, спать с ней после этого, он, вероятно, сможет, но любить и самому добиваться этого снова безусловно не станет – нет, нет и нет.

За все время, прошедшее после постельного сближения с Ниной, Михаил не прерывал дружеских отношений с ней. Но спали они вместе еще всего два раза – причем в обоих случаях Михаил брал ее с собой в подмосковные походы на выходные. Возможно, могли бы и чаще, будь Михаил настойчивей. Но сначала его сдерживало чувство вины перед Олей – он понимал, что по счету настоящей любви позволил себе больше, чем имел на это право с точки зрения

принципа равных возможностей у членов любящей пары, а потом к этому его стала обязывать и деликатность. Нина вступила в жилищный кооператив, во главе которого встал оборотистый гешефтмахер Лемар Лернер, столь неспособный в вопросах классификации, и теперь ей срочно нужны были деньги на первый взнос за отдельную однокомнатную квартиру. Принимать разных любовников порядочной женщине в коммуналке всегда неудобно, а уж в чем – в чем, а в Нининой порядочности Михаил сомнений не имел. Нина позанимала денег у всех родственников и все-таки ей не хватало. Узнав об этом, Михаил предложил Нине деньги, которые завещала ему недавно умершая бабушка, взяв с нее слово, что деньги не будут стоять между ними, и она вправе будет отказывать ему в случае чего точно так же, как если бы не была ничего должна. В ответ прекрасная благодарная Нинон порывисто поцеловала его в губы. Дорого стоила их безотносительная к постели душевная близость – гораздо больше того, чем он мог ей помочь. Нина по своей инициативе и раньше не напрягала его. Означало ли это, что ее любвеобильная натура удовлетворялась параллельно с кем-то еще, Михаила не беспокоило. Он полагал, что да. Более того, он бы удивился, узнав, что это не так. Но вот появилась же в его душе уверенность, что раз Нине с кем-то хорошо, для него это тоже совсем не плохо. Просто он любит замечательную женщину без каких-либо претензий, дружит с ней, дорожит ее отношением к себе и ее преданностью в дружбе с ним по всем остальным делам, которые не касаются постели. Всепоглощающей такая любовь действительно не была, но ведь это признавалось обеими сторонами с самого начала. А разве такая любовь очень сильно уступает всепоглощающей? По чести – нельзя было сказать, насколько, а теперь – так вообще трудно было ставить такой вопрос. Вот только в том случае, если тебя тянет только к одной, причем желать себе другую и в голову не приходит, – когда ОДНА женщина способна воплощать в себе весь женский пол – тогда да, преимущества всеобъемлющей любви вполне очевидны. Так вроде бы и обещали развиваться его отношения с Олей. Но вот поди ж ты – и он без особых расстройств отклонился в сторону, и она вот отклонилась в свою. Вполне возможно – в ответ. Хотя нельзя было исключить и другого – что Небесам не был угоден этот брак. И вот ему был представлен соблазн, удержаться от которого Михаил не пожелал (и был впоследствии за это наказан), а ей показалось соблазнительным и заслуженным стать самой себе начальницей без бывшего возлюбленного, и она тоже не упустила открывшейся возможности, обещающей дальнейший карьерный рост. Претерпит ли Оля какое-то наказание за это – Михаил затруднялся сходу сказать, а размышлять на сей счет не видел никакого смысла. Даже если нет – разве это должно было его обидеть? То, что она успела искренне отдать от себя, заслуживало только благодарности, причем преогромной. То, чего она не могла или не хотела отдать, было целиком в ее собственной юрисдикции. Нравилось это Михаилу или не нравилось, не имело никакого отношения к той реальности в ее голове, из которой она единственно и должна была исходить. Все другое могло быть вызвано только проявлениями жалости к нему, а на кой ему нужна была ее жалость? Чтобы смягчить разрыв? А зачем пытаться его смягчать? Разрыв есть разрыв, и ничто другое заменить эту истину не может. Да и зачем ей тратить на жалость свои душевные силы, тем более, что и ему это не нужно?

Так думал он, мобилизуя внутренние силы для борьбы против драгоценных образов, вольготно развернутых воображением. Одного только он не мог себе еще представить теперь: куда дальше пойдет его путь – с кем.

А Аня и Мила со своей стороны тоже решили, с кем им стало не по пути. Достаточно скоро после того разговора, в котором окончательно выяснилось, кто ждал, а кто не ждал Михаила на «почтовом ящике», обе сотрудницы Ольги Александровны одновременно подали заявления о своем уходе. Они вместе ушли на другой «почтовый ящик», где уже Аня стала начальницей. Ольга без них осталась как без рук и Михаил догадывался, что и Аня, и Мила сделали этот шаг с особым удовольствием, воздавая тем самым женщине, которую их бывший шеф полюбил еще до того, как встретил и ту, и другую сотрудницу, тогда как каждая из них за свое

отношение к нему заслуживала любви куда больше, чем Ольга. У Михаила были основания считать именно так. О том, что Мила любит его и сожалеет о том, что он занят Ольгой, хотя и ей он хотел уделять какую-то часть себя, видимо, не знал больше никто. А вот что и Ане он стал далеко не безразличен, Михаил начал догадываться слишком поздно, когда она вместе с Милой тосковала без него на новой работе у Ольги. Простили ли они ему, что не сумели оторвать его от любовницы, которая, как они считали, уступала им в уме да и в прочих достоинствах, где разница в их пользу была не столь заметна, и которая в конце концов расчетливо предала его, думая, что все будет шито-крыто? Этого Михаил с уверенностью сказать не мог. Женщины многое способны прощать тем, кого сильно любят, но вот чего подавляющее их большинство простить органически не могут, так это то, что ВМЕСТО них они любят другую.

– Бог ты мой! – думал он, пытаясь увидеть себя их глазами. Они-то не были ослеплены Олиными прелестями, как он. Они-то видели, что он не считает нужным проверять ее и перепроверять. Им было ясно, к чему идет дело. И, наконец, для того, чтобы у них появилось желание полностью простить его за связь с Ольгой, им теперь не доставало уверенности, что он избавится от зависимости от нее.

– Избавлюсь! – мысленно пообещал он и Ане и Миле, наперед зная, что действительно избавится, несмотря на буквально клеточное сопротивление внутри себя этому решению. Все-таки он уже кое-что знал о себе, хвастать нечем, но ведь не впервые доводилось переживать и в конце концов изживать из себя неудачную, неразделенную или прерванную не им любовь. Мало радости подниматься из руин, спорить не о чем, но ведь поднимался же с Божьей помощью и никогда не стыдился фиаско именно потому, что переносил поражение стойко, не теряя достоинства. Просто замыкался в себе, не позволяя унизить себя ни чужой, ни тем более, собственной жалостью, упирался и все – до тех пор, пока прошлое не переставало тянуть к себе назад вопреки его воле идти вперед и искать новое счастье с другой женщиной – другое и настоящее. Главное тут – не обольститься никакими иллюзиями насчет того, что все вернется, что все в этой жизни бывает и еще может быть. Ничего не вернется из главного. А держаться за осколки второстепенного, третьестепенного и так далее – какой смысл? Довольствоваться ее или своими или обоюдными уступками в память об общем воодушевляющем прошлом? По привычке провести вдвоем время в постели, наперед сознавая бесперспективность этой имитации не то что любви, но даже просто получаемого прежде удовольствия? Да, наперед можно сказать – будет не противно, но все равно это будет жалкий акт, как поминки по уже неблизкому родственнику – с той только разницей, что на поминках исполняешь всамделишный долг перед покойным, а какое исполнение долга, тем более приятное, можно увидеть в соитии после пропажи любви? Легких побед над собой у него никогда не бывало, в любви ли, в походе ли, словом, везде, где требовалось перемогаться, чтобы не выглядеть хуже других. А ведь от природы, да и по воспитанию тоже, он был заметно хуже многих и в физическом, и в волевом отношении. В детстве часто болел, и потому в семье его старательно оберегали от того, что могло бы стать труднопереносимой нагрузкой для слабого организма. Это тоже способствовало тому, что он был более хилым в сравнении с большинством сверстников. Михаилу не слишком часто приходилось об этом жалеть, хотя, конечно, случалось. Но всерьез поставил его в общий ряд, где от всех участников требовалось терпение и воля перед лицом напряженной работы, первый туристский водный поход. Гребля, особенно для новичка, всегда тяжелый труд – недаром преступников, заслуживших каторгу, посылали на галеры. Приходилось перемогаться каждый день по многу раз. А первый пятидесятикилометровый пеший переход в том же походе с увесистым рюкзаком запомнился ему, как тяжелейшее испытание. От позорного отступления, вернее – отступничества от походов – спасло его только одно – на всю оставшуюся жизнь он утвердился в убеждении, что только в ходе тяжелых испытаний вдали от привычной городской цивилизованной жизни можно познать действительную красоту мира, какую больше не откроешь для себя нигде. Награда оправдывала перенесенные труды и невзгоды.

Из них выходил обогащенным, даже если изнурение казалось превышающим человеческие возможности. А еще помогало – да еще как! – напоминание себе о том, что другим людям выпадало переносить и гораздо большее, чем выпадало ему, и они это все-таки переносили, не теряя достоинства. Так какое же он имел после этого право ослаблять давление на себя, если хотел преодолеть в себе хилость и стать заслуживающим уважения человеком со стороны спутников, которым ничуть не легче, чем ему? Ответ был один – никакого, и так он начал шаг за шагом делать свой характер более адаптивным ко все более усложняющейся работе при возрастании категорий походов в маршрутах, которые прямо-таки манили к себе. Выяснилось, что получается. Неравномерно, но все же монотонно, то есть хуже, чем было до этого, он себе не казался.

И в любви получалось так же. Неминуемые испытания вынуждали быть готовым как к получению высочайших наград, так и к внезапным отставкам. Поручаться за вечную прочность отношений, которые имели высшую ценность в его глазах, он, приобретя известный жизненный опыт, явно не имел никакого права по логике вещей – она, эта самая логика, имела мало общего с логикой, в соответствии с которой мозг строил себе мечты, иллюзии, которые тоже сбывались, однако не в полном объеме и далеко не всегда. А несбывшуюся их часть, тем не менее укоренившуюся в сознании, приходилось оттуда выбивать, перенося силой воли на будущий случай с этого, закончившегося неудачей и уже никак не способного дать ему счастье. Но вот уж от его-то поисков Михаил отказываться не собирался, как и от поисков новых красот в общении с природой. Разве хотелось жить для чего-то другого? Ну, а то, что обстоятельства, как бы помягче сказать, нередко обрекали его на сопротивление кому-то и отчего-то, перестало удивлять его достаточно давно. Значит, на Небесах ему определили именно такую долю. Чтобы он научился изворачиваться, но идти к цели, не доходить до исступления и отчаяния, когда не видно выхода и почти не осталось сил, и вот получать после этого уже почти неожиданную награду за выдержку, за перенесенные трудности и даже за риск. Поскольку он неотделим от непредсказуемой жизни.

Александр Бориспольский руководствовался своими представлениями о том, как следует жить в данное время в данной стране. Поскольку за пределы СССР никуда кроме Израиля (он же тебе Австрия, Италия или Америка) выехать ему было нельзя – да и не тянуло, он взял себе за правило вести себя так, чтобы сохраняя вольномыслие, ни на чем криминальном, с точки зрения властей, не попадаться. И в этом почти невинном занятии ему везло. Да, в институте, особенно в Первом отделе, он слыл неблагонадежным, но больше как болтун, нежели как человек, способный чем-то, кроме несерьезного трепачества, вредить советской власти. Будто ему не говорили, да и сейчас сам не знал, как власть поступает с интеллигентами, бросавшими ей даже невинный бессмысленный вызов. Вот как, например, свалившаяся на беду в этот институт Лариса Богораз. Чего ее понесло во все тяжкие? Кандидат наук, работа не бей лежачего, занимайся своим лингвистическим делом, пока тебе разрешают. Так нет! Муж ее, Даниэль, написал и издал под псевдонимом «Абрам Терц» во Франции антисоветский роман или что-то в этом роде. Думал, небось, что под псевдонимом его никогда не сыщут. Сыскали. Припаяли срок за его художества. Думали, хоть жена образумится. Так нет – подавай ей свободу личности, свободу издания. Свободу волеизъявления и прочей лабуды. А в итоге и себе жизнь окончательно испортила, и никого не всколыхнула и за собой не повела. Не оказалось желающих. Вот и тот же Бориспольский не пожелал. А ведь трепаться-то по углам он любил даже больше, чем Лариса Богораз, зато демонстрировать не осмелился. Хоть на это хватило рассудка.

Много ли было проку науке и институту, а, следовательно, и всей стране, от так называемой интеллигенции, начальник первого отдела Александр Иванович Райков сказать не мог, однако сомнения были серьезные. От кого была существенная польза Родине? От людей. В том числе от евреев, которые беззаветно верили в светлое коммунистическое будущее, были насто-

ящими патриотами и не жалели ни сил, ни здоровья, чтобы стране ничто не угрожало, а сама она могла процветать. Ведь таких – Александр Иванович знал об этом точно – от друзей и бывших коллег, которых направляли служить в разные сферы, в разные слои общества – было совсем немало, например, там, где разрабатывали ядерное оружие и где евреи составляли чуть ли не львиную долю разработчиков. Либо они там все, как один, были куда умнее. Либо их там хорошо сумели причесать-приголубить, что они и думать не смели ни о чем другом, кроме как заслужить себе вид на удобное жительство среди нормальных членов общества. Хотя нет, последнее не похоже на их положение среди тех же атомщиков. Тем давали высокие награды, жилье, дачи, снабжали лучше, чем любых других граждан – словом, заботились о том, чтобы они могли хорошо, не беспокоясь ни о чем другом, делать то, в чем нуждалась Родина.

Александр Иванович был уже в возрасте, в каком уходят на пенсию. Но зачем ему было уходить? Секретное делопроизводство в институте было совсем небольшое в сравнении с открытым, кадров, которые могли быть привлечены к закрытым работам, тоже было немного. Так что вести свое хозяйство он мог без особых хлопот. Проследить, чтобы все имеющие допуск, своевременно знакомились с новыми инструкциями, с перечнем вопросов, подлежащих засекречиванию, следить за ходом выборных кампаний, чтобы все шло как по маслу, начиная от выдвижения кандидатов в депутаты и проведения их встреч с избирателями и кончая обеспечением надежными людьми в избирательных комиссиях, в агитпунктах, в народных дружинах и прочей суете, где конечно, в паре с ним работало и партийное бюро института во главе с секретарем, но главные организационные вопросы все равно решались через него. Служба приучила Александра Ивановича к немногословию и порядку субординации. Он без рассуждений подчинялся высшему начальству и был уверен, что находящиеся ниже его также должны беспрекословно выполнять передаваемые через него приказы и инструкции, что они и делали, за исключением таких редких случаев, как с Ларисой Богораз.

Собственно, по линии первого отдела и от Ларисы Богораз ничего, кроме лояльности не требовалось. Она, Слава Богу, не имела допуска к секретным работам, по работе же, которая велась в открытом режиме в ее отделе, даже документы «для служебного пользования» проходили довольно редко – он проверял – но вот ее поведение было недопустимым вызовом существующему порядку, а как раз за это-то он в первую голову и отвечал. Охота ему была, чтобы из-за таких тупых затейников, как Лариса, его погнали с хорошей работы, испортили ему послужной список? Ни в коей мере! Самое правильное было бы немедленно выгнать Богораз с работы, чтобы духу от этой заразы в институте не оставалось, но пришло указание: пока не гнать. Видно, уже такой антисоветский вой за рубежом пошел, что усилить его сочли по какой-то причине пока не уместным. А на взгляд Александра Ивановича ну что тут могло быть неуместным? Как нас до этого не любили, так и после не станут любить ни больше, ни меньше. Что бы мы тут ни сделали, все будет им плохо. Так чего обращать внимание на вещи, которые ни на что совершенно не повлияют?

Александр Иванович Райков любил определенность во всем, и в данном случае – логическую определенность, которую было просто глупо отрицать, а нарушать было глупо особенно. В одном только он шел на отступление от этого принципа – когда речь шла о нем самом. Например, он никому в институте, исключая тех, кто имел право знать, не говорил ни о своем звании, ни о роде занятий в органах госбезопасности. Вот начальник отдела кадров Морозов не скрывал от подчиненных, что он полковник КГБ. Горскому он даже однажды доверительно рассказал по подходящему случаю (а речь пошла о войне), как его послали навести порядок на одной речной переправе во время немецкого наступления. На западном берегу – ад. Сумасшествие беженцев, смешивающихся с воинскими частями, тоже напугивающими с разных направлений к мосту, который, хоть разорвись, всех пропустить был просто не способен. И все это под аккомпанемент частых бомбежек, и хотя немцы больше старались попасть по мосту, береговой толчее тоже хорошо доставалось. Тут тебе живые ходят по трупам и не оглядыва-

ются. С большим трудом с помощью приданного взвода автоматчиков кое-как удалось наладить очередь. Стало чуть полегче – и тут на тебе – сквозь всё и вся к мосту прокладывает дорогу танковая колонна, во главе ее – генерал. Я ему тычу свое предписание – будь здоров кем подписанное, а он меня, даже не читая, покрыл матом в три наката и отдал своим приказ, немедленно начинать движение по мосту – это вместо того, чтобы организовать оборону и дать возможность скопившимся войскам организованно перейти на другую сторону. Ну, и что тут сделаешь? С моим пистолетиком и несколькими десятками автоматов танки не остановишь. Так они и пробились себе на восток. Вот тогда Морозову стало понятно, наверное, впервые в жизни, что значит война и что значит сила и власть. Этот генерал спасал ценнейшую технику – танков тогда ох как не хватало – видно, страшно боялся, что при очередном налете немцы все же раздолбают мост, куда он тогда денется без танков? У него свой расчет на то, что важнее для страны, но кроме расчета – еще и реальная сила. А Морозову, тогда еще лейтенанту или капитану, надо было свой приказ выполнять в то же самое время, на том же самом месте и переправлять на другой берег людей, архивы и ценности, эвакуированные из оставленных войсками областей. На войне, как оказалось, ничему не было места кроме эгоизма, в том числе и разумного, служебного, но все равно частного, а об общей пользе там вообще не было кому заботиться и, тем более, не существовало способа достичь этой пользы с минимумом потерь как для своих, так и для всех. Это даже не имело почти ничего общего с жертвами в шахматной партии, когда в результате бывает достигнут стратегический успех в последующих ходах – это были просто потери, бездарные, бесполезные потери, минимизировать которые те или иные начальники пытались только для себя, не глядя ни на что другое по сторонам. Конечно, даже в таком хаотическом гамбите удавалось что-то спасти, но спасение достигалось по случаю, а не по системе, причем действующим началом для достигнутого успеха являлась грубая сила – почти столь же грубая и неодолимая, как та, которая гнала массы людей после развала фронта и не признающая никаких расчетов, никаких интересов, кроме своих. Дисциплина в обществе, особенно в войсках, всегда держалась на страхе. Органы безопасности бесстрашно мордовали народ, армию и всю страну, потому что большего страха, чем перед ними, на этой территории не было. Но когда страх наказания за неподчинение органам сошелся со страхом перед беспощадным врагом, они спасовали, не имея сил и средств раздуть страх перед собой до такой величины, чтобы свои подданные ощущали его сильнее страха перед противником.

Михаил Горский так и не понял, по какой причине Морозов рассказал ему о сцене своего бессилия еще в прифронтовой полосе, тогда как на самом фронте наверняка было куда страшнее. Не похоже было, что он пошел на это из каких-то своих госбезопасных соображений вызвать Михаила на откровенность в обмен на откровенность с его стороны. За все время разговора он ни о чем не спрашивал. По существу это был монолог трезвого, как ни странно, человека, которому отчего-то понадобилось облегчить свою душу, возможно, чем только не запятнанную, исповедуясь, скорей всего, не в самом тяжком или страшном эпизоде своей жизни. Казалось бы, полковник госбезопасности Морозов нашел для себя столь же спокойные условия в той же спокойной гавани, в которой бросил под конец жизни якорь полковник госбезопасности Райков. Но нет, оказалось, что не совсем. Не так уж редко полковник Морозов отправлялся за рубеж руководителем либо спортивной делегации, либо туристской группы – об этом Михаилу было точно известно от Нины – подтверждая тем самым справедливость молвы, что «из органов не уходят». Был еще один случай, говоривший о том, что у служаки Морозова еще был порох в пороховнице. Владимир Школьник, правая рука Дианы Прут, бывший армейский лейтенант, ради укрепления своего положения решил вступить в коммунистическую партию, скорее всего с одобрения своей начальницы. Титов-Обскуров передал заявление Школьника Морозову для, так сказать, предварительного собеседования. Неизвестно, пользовался ли Морозов каким-то подсказками из партийных или КГБешных архивов, про-

явил ли профессиональную чекистскую интуицию, но он в два счета вынудил Школьника признать, что он уже во второй раз пытается стать кандидатом в члены партии, о чем в своем заявлении не указал. В итоге беседы Школьник был так испуган возможными последствиями своей «неискренности с партией» (это был официальный термин), что на следующее же утро подал заявление об уходе. После перевода Ламары это была вторая потеря в секторе Прут, причем гораздо более серьезная. Он был конфиденнтом Дианы, а, главное, весьма исполнительным, нерассуждающим, послушным подчиненным, каковым, очевидно, и был воспитан в рядах советской армии. Фактически в его лице она сначала обрела, а затем потеряла надсмотрщика, на которого вполне могла положиться в свое отсутствие. Другого такого она при всем желании не сумела бы себе найти, тем более, что подобную фигуру уже Горский как зав отделом мимо себя к ней бы уже не пропустил.

Так что на поддержку своей линии внутри сектора Диане рассчитывать больше не приходилось. Ситуация еще более осложнилась для нее, когда стало известно, что Титов-Обскуров собирается внедрить своего соглядатая-надсмотрщика не только внутри сектора Прут, а в весь отдел Горского в амплуа его заместителя. Узнав о намерении начальства, Михаил тоже не пришел в восторг. Дама примерно его возраста, работавшая до этого в закрытом спецхране Ленинской библиотеки, член партии, свекор которой и сейчас служит в КГБ, да и муж, видимо, сотрудничает с конторой тоже, хотя служит в генштабе вооруженных сил. Фамилия ее была Басова. Михаил понимал, что заместителя директора не устраивает, что он не очень много знает о людях и делах в отделе Горского, а потому если не сейчас, то потом он все равно воткнет своего осведомителя в штат отдела, где постоянно не хватало людей. Кроме того, Михаил не был уверен, что в случае его несогласия с кандидатурой Басовой, ее вопреки его мнению в отдел не внедрят. Что он тогда должен будет делать? Сотрясать воздух бесполезными протестами или уходить вообще? Первое совсем не устраивало. Михаил не любил осуществлять что-либо, не имеющее смысла. К тому же это сразу же гарантированно породило бы конфронтацию с Басовой, отчего могли произойти только неприятности и убытки, а прибыли не было бы никакой. А если продемонстрировать изначальную лояльность к будущей заместительнице, все-таки будет сохранен шанс на то, чтобы установить устраивающий всех модус вивенди. Ну, а второе – уход в знак протеста из института был по-прежнему не обеспечен. Бежать в пустоту Михаил себе позволить не мог. А потому, когда Титов-Обскуров вызвал его к себе, и Михаил увидел сидящую в его кабинете женщину, он понял, что это Басова и что через несколько секунд ему придется принять окончательное решение. Михаил поздоровался, женщина ответила. Оба они внимательно и оценивающе вглядывались друг в друга, прежде чем заместитель директора произнес то, что было до последнего слова известно заранее: – «Познакомьтесь, Михаил Николаевич. Это Лидия Анатольевна Басова. Директор института и я как секретарь парторганизации рекомендуем ее в ваш отдел на должность заместителя начальника. У нее подходящий опыт работы по индексированию печатных изданий в Ленинской библиотеке, она член партии. Прошу ее любить и жаловать». Михаил встал и протянул ей руку. Басова тоже встала и встретила рукопожатие явно с улыбкой облегчения. Видимо, сомнения в положительной реакции на данное назначение имелись и у нее. Первые впечатления от личного знакомства были у Михаила не очень определенными: внешне недурна, хотя и не обаятельна; сложение и лицо выдают простонародное деревенское происхождение, что в глазах Михаила вовсе не было недостатком – грудь большая, бедра широкие, в талии не толста, хотя все-таки выглядит старше своего паспортного возраста, а глаза ее не источают чарующей лучистой энергии, которая могла бы одухотворить физическое существо. И все-таки что-то неопределенное в облике женщины говорило, что надежда установить с Басовой взаимоприемлемые отношения небеспочвенна. И в самом скором времени предчувствие подтвердилось. А ускорителем их – если не сближения, то некоей солидарности – стала Диана Марковна Прут. Эта-то не сомневалась, что Басова – просто подсадная утка, неумная и пошлая, к тому же представитель не УДК,

а ББК (в отличие от Дианы Михаил сразу уверился в том, что для Басовой буквы ББК вовсе не являются девизом на знамени. Понадобится работать в Ленинке – освоит ББК, а если в другом месте будет принято что-то другое, к примеру та же самая УДК, освоит и это другое). Короче, в облике Басовой Диана сразу распознала явного врага и даже не подумала скрывать своей неприязни и презрения. Это было очень неосмотрительно. Лидия Анатольевна явно была не из тех, кто покорно прощает нанесенные кем-то обиды. Это стало особенно ясно после того как в отсутствие Михаила в отделе на глазах у сотрудников произошла знаменательная сцена, которая была в деталях доведена до него. По какому-то малозначительному поводу Басова высказала вслух свое мнение, на что Диана Марковна без промедления объявила, что Басова дура, не ее ума дело решать такой вопрос, на что услышала в ответ фразу, сказанную умиrotворяюще елейным голосом: «Диана Марковна, не волнуйтесь, все будет сделано хорошо!» Это было заявлено с такой завидной выдержкой (никакого бабства, никаких выкриков типа: «от такой слышу!»), что Михаилу без дальнейших разъяснений стало предельно ясно: помимо Влэдуца, Данилова и Горского особенно инициативным и непримиримым противником Прут навсегда стала Лидия Анатольевна Басова. Теперь по поручению Горского она курировала все работы в отделе по УДК – как издательские, так и проводимые в секторе Прут. С Басовой оказалось возможным говорить не только на служебные темы. Она с полной искренностью рассказывала Михаилу о неизвестных ему деталях из бытовой жизни служащих генштаба. Так, она сообщила, что пригласительные билеты на какой-либо вечер или концерт офицеры генштаба должны были передавать своим женам под расписку. Понятие об офицерской чести в мозговом центре советских вооруженных сил на всякий (и, видимо, не лишний) случай в сравнении с традиционным сместили ... как бы это помягче сказать ... – в сторону большей формализации. Ведь слово офицера – это все равно только слово, а командование обязано было полагаться не на слова, а на соответствие действий подчиненных уставу и инструкциям, где, кстати сказать, о «слове офицера» и речи не шло. Зато начальство могло быть уверено, что вместо жены офицер не приведет любовницу, содержанку или Бог весть кого. Но по-настоящему развеселила и одновременно обогатила Михаила знанием советской жизни другая история, рассказанная Басовой.

Один офицер-генштабист со своей женой занимал комнату в коммунальной квартире, где другую комнату занимала одинокая женщина, также служившая в генштабе. Однажды офицер сообщил своей жене, что ему предстоит ночное дежурство на службе. К назначенному часу он в полной форме отправился на это дежурство. Глубокой ночью его жена проснулась от странного шума и была чрезвычайно удивлена, увидев, что ее муж прежде времени явился с дежурства домой, да к тому же не в военной форме, а лишь в нижней рубашке и кальсонах. Изумлялась его супруга, конечно, совсем не долго – иначе какая бы она была офицерская жена – потому что появление мужа в таком виде позволило ей почти мгновенно воспроизвести всю логическую цепочку событий:

Муж захотел провести со своей соседкой-любовницей не какие-нибудь полчаса, как обычно, пока жена в магазине, а полежать с ней обстоятельно, не спеша, обладая ею без помех целую ночь. Но вот не учел офицер генерального штаба одной мелочи – что ему после интенсивной работы очень захочется писать, а горшка у соседки нет. Пришлось инстинктивно в одном белье идти в туалет. А уж оттуда его, сонного, ноги сами понесли в свою комнату, к супружеской постели, из которой он обычно отлучался по ночам по той же надобности. И в результате провалил всю прекрасно задуманную операцию, как это, кстати сказать, в практике генштаба случалось далеко не единожды, только не в коммунальных квартирах, а на полях сражений. Каков был скандал между супругами, а также между супругой офицера и соседкой на месте, Басова не говорила. Зато история была немедленно доведена оскорбленной соседкой до руководства и партийной организации Генштаба. Надо отдать должное этим инстанциям – они рассмотрели ситуацию со всей серьезностью в поисках радикального решения возникшей

проблемы. С моральной стороной поступка офицера все было ясно – вклеить ему выговор по партийной линии без занесения в учетную карточку (не хватало только, чтобы за весьма распространенный грех, имеющий место в любом гарнизоне, с участием военнослужащих любого уровня и звания, в генштабе – подумать только! В ГЕНШТАБЕ! Официально и документально зафиксировать неподобающий высочайшему уровню этого учреждения, командного центра Советских Вооруженных Сил – был бы назначен выговор с ЗАНЕСЕНИЕМ!) – и всё. А вот чтобы в корне пресечь возможность в будущем новых грехопадений, было принято решение, которое про себя Михаил окрестил как Сверх-Соломоново: дать согрешившему офицеру и его жене отдельную квартиру. Это было выражением просто ошеломляющей мудрости, какую от генштаба почти невозможно было ожидать, однако вот же – она свершилась!

Безнадзорно и безнаказанно спать с соседкой – прежней любовницей – по крайней мере, в течение целой ночи – офицер больше не имел возможности – жене легко было отнаблюдать отлучки, а с ее новообретенной и обострившейся бдительностью отнаблюдать новые случаи измены и вранья труда не составляло, а во второй раз выговором без занесения он бы уже не отделался. Ну, а мир и согласие, пошатнувшееся было в офицерской семье, безусловно должны были восстановиться после того, как муж своим членом сделал почти невозможное – положительно решил для себя и любимой жены проклятый квартирный вопрос на самом высоком уровне качества! Невозможно было представить лучшего решения проблемы во всей ее многогранности. Радикальней, пожалуй, могло быть только одно: добавить к тому, чего своим детородным органом добился офицер, предоставление однокомнатной квартиры его любовнице. Ведь по логике вещей она своим детородным органом заслуживала не меньшего воздаяния, чем офицер – своим. К тому же тогда была бы принципиально предотвращена возможность повторения подобной истории с участием другого офицера, поселившегося в той же квартире вместо переехавшего в другую квартиру. Но увы! Довести до полного совершенства блестящую мысль ее творцу – Генштабу – было не под силу – не имел он в своем распоряжении необходимого для этого жилого фонда! Ну как после этого было не признать, что в этом мире нет и не может быть полного совершенства?

Несмотря на достигнутую стабилизацию положения по теме единой классификации печатных изданий и документальных материалов, генерал Беланов не был уверен, что все обойдется так же хорошо в скором будущем. В связи с этим он придумал проверку идей авторского коллектива, основным автором в котором был Михаил Петрович Данилов, собрав совещание наиболее авторитетных научных работников подходящего профиля. К большому сожалению генерала сам он не знал, кого звать, а потому был вынужден полагаться на предложения, исходящие от самой проверяемой троицы. К его вящему облегчению среди ведущих специалистов по созданию информационных систем ему были представлены кандидатуры четырех полковников, находящихся на действительной службе. Еще несколько человек были гражданскими специалистами. Беланов с Титовым-Обскуровым внимательно вслушивались в то, что говорили приглашенные по поводу концепции единого комплекса информационно-поисковых языков. Не без удивления они должны были констатировать, что альтернативы предложенной системе просто нет. Идею единой универсальной классификации забраковали все присутствующие. Детальный точный поиск нужной информации без использования дескрипторных словарей, по их убеждению, тоже был невозможен. В итоге совещание одобрило представленный институтом документ и рекомендовало представить концепцию к утверждению. Беланов был рад этому – шутка ли, что вместо провала, который уже казался ему самым вероятным исходом всех прошлых событий, созрела идеология, с которой можно было без стыда выступить на открытой арене. И все же он продолжал бояться – а как примут это более широкие круги заинтересованной научной общественности – не только передовики-пионеры, уже приступившие к созданию машинного поиска – их он уже слышал, а те, кто продолжал работать со старыми ручными каталогами в качестве главного поискового средства. К тому же у него никак

не шло из головы, почему товарищ Арутюнов так заботится об обеспечении работ по изданию и использованию УДК. Может, и он рассматривает универсальную десятичную классификацию как страховочное средство, которым можно будет прикрыться в случае провала того, что предложили Данилов, Горский и Влэдуц? Все-таки она, УДК, уже есть, худо-бедно применяется и у нас, и за рубежом. И с этой мыслью он решил осуществить одну операцию, которая выглядела полезной со всех сторон.

Весьма скоро директор издал приказ по институту, в котором с целью усиления работ по универсальной десятичной классификации учреждается соответствующий новый отдел, в который из отдела Горского переводятся два сектора. Эта мера не была неожиданной для Михаила. Он сам говорил Титову-Обскурову, что УДК является обузой для отдела, основной целью которого является создание нового комплекса информационно-поисковых языков, а потому он совсем не желает заниматься этим делом. Однако это было совсем не единственной и не главной причиной. Недостающее объяснение он получил от Нины. Все оказалось намного интереснее. Директора генерала Беланова собирались снимать с работы. Формально – по возрасту. В качестве утешения и синекуры для него создали совершенно необременительную, но хорошо оплачиваемую должность председателя главной терминологической комиссии госкомитета, учитывая единственную личную склонность генерала к занятиям научной работой. Перед уходом Беланов поспешил сделать приятное Басовой, сделав ее заведующей отделом, и в то же время полезное для себя. Он прекрасно знал, что Титову-Обскурову без него долго не пробыть на посту секретаря парторганизации института, а новым секретарем станет товарищ Басова, на благодарную признательность которой отставной генерал и отставной директор вполне может в будущем положиться. Например, чтобы синекуре его через некоторое время ничто не угрожало. Кстати, саму Нину Беланов тоже пригласил в свой терминологический штат.

Но на этом дело не закончилось. Вскоре после назначения нового директора Панферова, который до этого являлся заместителем директора смежного института, с которым Михаил был немного знаком по прежней тематике, было созвано заседание партбюро института, на котором должен был выступить с отчетом Горский. – «Интересно, – подумал Михаил. – Кто-то очень торопится представить меня сомнительным субъектом в глазах нового руководства – и особенно директора Панферова и приведенного им с собой нового первого заместителя директора института Блохина».

На заседание Михаил явился не один, а в сопровождении Данилова и Влэдуца. Титов-Обскуров предварил его выступление словами о важности рассматриваемого вопроса и о беспокойстве административного и партийного руководства текущим ходом работ.

Время от времени Михаил ловил на себе явно исследующие взгляды ряда нескольких лиц. Им не терпелось увидеть, как он нервничает и заранее теряет уверенность. Михаил был краток. Положение дел с тех пор, как он принял отдел, существенно изменилось. Первое заслушивание в ГКНТ у товарища Арутюнова произошло в момент, когда казалось, что дело полностью провалено. Представленные в ГКНТ ранее сделанные отчеты и другие материалы об исследованиях, проведенных в течение первых трех лет работы, были признаны экспертами совершенно неудовлетворительными. Вместе с тем, удалось убедить руководство управления научно-технической информации в том, что есть возможности выправить положение, и это было сделано благодаря проработкам вопроса силами Михаила Петровича Данилова и научному руководству, взятому на себя доктором наук Георгием Эмильевичем Влэдуцем. Оба они присутствуют здесь. Подготовленная концепция была рассмотрена созванным в институте совещанием экспертов – ведущих специалистов страны, в том числе и работающих по аналогичной закрытой тематике, докторов и кандидатов наук. После этого было подготовлено рассмотрение концепции на научном совете при управлении НТИ в ГКНТ, однако оно было перенесено на другое время под предлогом более тщательного изучения вопроса на местах, поэтому

по существу концепция там еще не рассматривалась. Теперь по поводу беспокойств со стороны административного и партийного руководства института. В соответствии с координационным планом работ по проблеме, утвержденным товарищем Арутюновым, институту были выданы финансовые ресурсы и численность работников, составляющая восемьдесят восемь человек. В отделе ни до меня, ни при мне больше сорока человек никогда не было. – Краем глаза Михаил наблюдал за лицом Беланова. На нем уже читались признаки крайнего беспокойства, лицо начало краснеть. Михаил удовлетворенно продолжил:

– На что израсходованы финансы и численность, помимо сорока человек, остается загадкой. Штат отдела ограничен имеющейся численностью, вакансий нет. Я хочу спросить, что это было – фикция или достаточное обеспечение темы в глазах ГКНТ? Если второе, то почему финансовые и людские ресурсы ушли куда-то на сторону, не по назначению?

Физиономия Беланова уже пылала. С лица Титова-Обскурова сползла гримаса делового беспокойства – оно уже было всамделишным. Михаил двинулся дальше:

– Но и этого мало. Недавно была проведена реорганизация отдела с целью вынести из него работы по УДК. Мера правильная, я сам предлагал пойти на такой шаг. Однако как он был сделан? В приказе сказано, что это сделано с целью укрепления работ по УДК, а отнюдь не в интересах усиления работ по созданию единой системы классификации печатных изданий и документальных материалов. Теперь этой темой заняты всего двадцать человек. Тем не менее, пока что катастрофы нет. Но я должен прямо заявить, что после утверждения концепции потребуется в четыре-пять раз больше специалистов для ее реализации только в нашем институте, как это было предусмотрено – кстати очень точно – в координационном плане ГКНТ – и это не считая организаций – соисполнителей. Безусловно, я признаю и за собой долю ответственности за то, чтобы работы по проблеме закончились полной реализацией того, что предусмотрено концепцией, однако необходимо, чтобы свою ответственность за успех дела, в особенности – в ближайшем будущем – осознавали и другие инстанции, и принимаемые ими меры все же соответствовали этой цели, а не затрудняли ее достижение. Я позволю себе напомнить, что товарищ Арутюнов постоянно подчеркивает, что добро на создание нашего института со статусом первой категории было дано исключительно в обмен на обязательство решить именно эту проблему. Если же институту это будет не под силу, его переведут в статус второй категории. У меня все.

Некоторое время в зале заседаний царил тишина. Затем раздался голос нового директора Панферова:

– А вы уверены, что концепция, представленная вами, будет скоро утверждена?

– Могу ответить одно – альтернативы ей не существует – это признали эксперты со стороны. Мы исходили из той же позиции.

– Ну, а если все-таки не утвердят, тогда что? – продолжил Панферов.

– Тогда разработку темы придется поручить другим лицам. Нынешний авторский коллектив убежден, что иной подход точно приведет к провалу.

Михаил заранее не заручался согласием на такое поведение у Данилова и Влэдуца, однако не сомневался, что они его не упрекнут за подобное инициативное заявление. Они все трое думали именно так, а теперь как раз и настал момент объявить об этом во всеуслышание. Полезно было дать знать всем и каждому, что они уверены в своей правоте. Желающих подвергнуть это сомнению не нашлось. Титов-Обскуров вынужден был подводить итог несостоявшейся дискуссии. Новому директору рано говорить о том, что и как надо делать. Бывший директор, испытавший настоящий шок, все-таки отдавал себе отчет, что Горский сказал не все, что мог, насчет того, куда Беланов подевал украденные из его отдела деньги и людскую численность – хоть без этого обошлось. Басова молчала, поскольку шуметь, выступая оппонентом Горского, ей было ни к чему – мало ли, вдруг еще дойдет до ушей Арутюнова, а тот хоть и любит УДК, все равно может взбрыкнуть – почему, дескать, надо укреплять работы по УДК

за счет комплекса информационно-поисковых языков, а не из других источников? А кого-кого – Арутюнова она действительно побаивалась и всегда просила Михаила делать сообщения о ходе работ по изданию таблиц классификации вместо себя. Титову тоже не следовало светиться, занимаясь критикой авторов, которые в порядке самозащиты вполне могли поднять вопрос, а куда до сих пор смотрела парторганизация и ее секретарь, зная, что целых три года упущены впустую? Титов любил произносить вслух на разных собраниях, что парторганизация имеет право контролировать администрацию в ее деятельности или бездеятельности – так чего он не смотрел? Теперь ему следовало не заострять углы, как хотелось, а наоборот – сглаживать, закруглять. Титов-Обекуров набрал в грудь побольше воздуха и как всегда, неожиданным для такой, как у него, крупной фигуры фальцетом, начал говорить:

– Надо сказать, в отделе действительно за довольно короткое время было сделано немало, в том числе и для того, чтобы завоевать положительное отношение к концепции со стороны компетентных специалистов. Собрание, которое прошло в нашем институте, действительно единодушно одобрило концепцию системы информационно-поисковых языков. Однако, полагаю, успокаиваться рано. Не зря обсуждение концепции в научном совете по НТИ в ГКНТ было отложено. Одно дело – получить одобрение у продвинутых специалистов, другое дело – заручиться согласием и содействием большинства работников научно-технической информации. Вот на это сейчас и надо обратить особое внимание. А потому представляется очень своевременным предложить отделу Горского организовать постоянно действующий общемосковский научный семинар по вопросам информационно-поисковых языков, руководителем которого я бы хотел предложить доктора Влэдуца Георгия Эмильевича. Там можно было бы рассматривать все практические и теоретические вопросы, волнующие всех информационных работников, и помогать им разрешать имеющиеся трудности, одновременно узнавая все особенности и тонкости, встречающиеся в реальной жизни. Полагаю, это будет взаимопользительно для обеих сторон. Нет ли возражений против такой рекомендации? Нет. Тогда так и запишем в решении партбюро.

– Все-таки этот сукин сын сумел загрузить нас лишней работой, раз не сумел осложнить нашу жизнь другим способом, – сказал Михаил, когда они с Влэдуцем и Даниловым вернулись в свой пустой отдел – партбюро заседало не в рабочее время.

– А! Не берите в голову, Михаил Николаевич, – махнул рукой Данилов. – Это все-таки полезная штука для нашего дела, хотя, конечно, и хлопотная.

– Бывает так, – согласился Влэдуц, – что эти попытки утопить людей в работе дают обратный эффект. Так мы и в самом деле найдем новых сотрудников и единомышленников.

– Да я тоже не против семинара. Просто подумал, что Титову-Обскурову ужас как хочется ежедневно вызывать меня то по поводу тематического плана работ семинара, то по календарному плану его заседаний, то по пригласительным билетам и списку их рассылки. Иначе ему кажется, что он не слишком часто портит мне настроение, вот он и трудится по части требований ко мне.

– Кстати, – спросил Влэдуц, – почему он Обскуров?

Михаил засмеялся:

– Конечно, хотелось бы ответить – потому что в науке он действительно обскурант, Мракобес с большой буквы, каков он и есть на самом деле. Помните, Михаил Петрович, во время сталинских политических кампаний против лженауки заголовки газетных статей типа «Обскурант под маской ученого»? Это в точности про него!

– Еще бы не помнить, – наклонив голову, отозвался Данилов. – Да и сейчас нечто подобное случается, хотя, конечно, пореже.

– Но на самом деле насчет его фамилии все проще, – продолжил Михаил, – есть город или городок – точно не знаю – с таким названием – Обскуров. По-французски было бы что-нибудь вроде Титов де-Обскуров.

- Или по-немецки Титов-фон-Обскуров, – подхватил Влэдуц.
- Ну да. А по-русски просто: без де и без фон, – сказал Михаил.

Вскоре семинар заработал – и даже на славу. Михаилу Горскому начало казаться, что Титов-Обскуров теперь начал жалеть, что придумал мероприятие, которое принесло триумвирату гораздо большую известность, чем ему бы хотелось. Институтский большой конференц-зал, вмещавший двести человек, никогда не пустовал. Михаил понимал, что такая посещаемость объясняется не только научными интересами его участников, но и возможностью вырваться на полдня, а то и на целый день из надоевшей донельзя атмосферы «родных» учреждений, а то и приурочить к семинару интимное свидание с любимым человеком. Однако и к науке люди тоже проявляли интерес, и несколько человек, выступавших со своими докладами, которые прежде никому не были известны, получили прямое одобрение Влэдуца и попали на заметку как вполне готовые к самостоятельной научной работе возможные будущие коллеги. Из самопредлагавшихся докладчиков на семинаре сначала через Александра Бориспольского, затем лично стал проситься преподаватель филологического факультета МГУ Валов. Тема, которую он предлагал, звучала несколько странно для ушей руководства семинара: «Информационная лингвистика». Разве не весь язык целиком, как говорится, со всеми потрохами, служит информационным средством, обеспечивающим любое взаимодействие людей? Влэдуц заподозрил неладное и на всякий случай в качестве оппонента пригласил своего коллегу из отдела семиотики Виктора Константиновича Финна. Оказалось – не зря. Доцент Валов решил использовать трибуну семинара для провозглашения декларации о рождении в этот знаменательный день новой научной дисциплины – информационной лингвистики, отцом которой, разумеется, предлагалось считать доцента Валова. Он раз десять, если не больше, произнес слова «информационная лингвистика» в компании с агитационными ораторскими штампами, но ни разу не пояснил ни предмета этой новой научной дисциплины, ни методов исследования собственно информации в рамках этого научного «новообразования».

Горский поймал себя на мысли, что ему прежде всего жалко смотреть на докладчика. Пожилой человек стоял за кафедрой и явно хотел запомниться присутствующим неким героем, дождавшимся часа проявить себя и завоевать часть территории окружающего мира, потому что ему уже тесно там, где он есть. Этот человек по возрасту был старше всех находящихся в зале и ему уместней было бы выкрикивать свои лозунги сидя не только потому, что он был старше всех, но и потому, что потерял на войне одну ногу. Но наверное, и это входило в расчет – вот – смотрите, какой он волевой и дееспособный, как ему по жизни плевать на свой изъян, для него это не важно, потому что главное другое – он все равно вождь и именно поэтому стоя зовёт под свои знамена людей, желающих осчастливить человечество с помощью информационной лингвистики. Однако все это в совокупности производило обратное впечатление. Человека, чье тело покалечила война, язык не поворачивался назвать именем, которого он заслуживал по смыслу произносимых слов – точнее – по отсутствию в его словах какого-либо смысла: это был портной из сказки Андерсена, убеждающий голого короля в великолепии его одежды. Правда, он защищал Родину и потерял ногу, но зато на этом основании полагал, что ему простительно говорить и делать то, что непростительно было бы делать нормальным, так сказать, полночленным коллегам. Все вместе выглядело мучительно, стоящий через силу на протезе человек, его напыщенная пафосная пустопорожняя речь, его амбиция импотента, желающего выдать себя за продуктивного производителя, роняющего свое многообещающее семя в лоно родной, но постаревшей лингвистики, которую, как предлагалось отныне, надо удовлетворять по-доцентски, по-Валовски, чтобы она расцвела по-новому, по-молодому.

Однако жалость к оратору, как выяснилось, испытывали не все. Михаил понял, почему Георгий Эмильевич в качестве оппонента выбрал из всех коллег профессионального логика Финна, начисто лишённого сантиментов, а если точнее – принципиально лишившего себя сен-

timentальности как вредного свойства для мыслящего человека в современном мире. Об этом свойстве личности оппонента Михаил знал точно – прямо из первых рук. Лет десять назад в доме великого логика и мыслителя Александра Зиновьева он познакомился с его молодыми университетскими коллегами Делиром Лахути и Виктором Финном. Насколько помнил Михаил, разговор за столом зашел об одном из романов Ремарка. Виктор Финн заметил, что роман получился бы лучше, если бы не изобиловал сантиментами. Михаил, считавший Ремарка одним из величайших мастеров прозы, возразил, что чрезмерного множества сантиментов в нем не находит, а когда они присутствуют в меру, вещь из-за этого не портится. Да и как вообще создавать романы, если чувства из них исключить? Финн не ответил, как в таком случае будут выглядеть романы, однако заметил, что сентиментальность не украшает героев. Михаил ответил, что да, если они руководствуются чувством жалости к себе, то конечно не украшает. Но если у героя жалость возникает к другим, это может объяснить его поступки и выказать небезразличие к другому существу. Больше они не спорили. По выражению лица Михаил видел, что ни в чем не убедил Финна, как и тот его. Даже больше – что Виктор и его начал презирать. Восстановить свое реноме в его глазах соседа за столом Михаилу удалось самым неожиданным образом. В бутылке, из которой они разливали по рюмкам сухое вино, осталось совсем немного – меньше, чем на три рюмки – Саша в расчет не входил, он не пил совсем – и поэтому Михаил, взявши ее в руку прикинул, сколько не доливать до края двум сотрапезникам, налил одинаково Делиру и Виктору, а остаток отправил в рюмку себе. Получилось ровно столько же за один подход. Михаил заметил, что Виктор Финн с удивлением и даже некоторым уважением взглянул на него. С тех пор они ни разу не сталкивались. Но когда Георгий Эмильевич дал слово Финну как оппоненту Валова, Михаил понял, что его характер за прошедшее десятилетие ничуть не изменился. С холодной расчетливой яростью Финн громил пустопорожние речевые построения Валова, не несущие никакой смысловой нагрузки. С этим Михаил был согласен абсолютно. Скорей всего сам Финн тоже думал о причинах, побудивших Валова выступить на семинаре – в случае одобрения он мог бы звонить на факультете о всеобщем признании его идей и на гребне волны, поднятой им в научном мире, требовать от ректората и деканата открытия новой кафедры, заведующим которой должен был стать именно он, пока только доцент Валов, а в скором будущем несомненно профессор. Финн, правда, почти до конца придерживался объективистской стилистики обличения, но его завершающей фразой было: «Все это самая настоящая бол-тов-ня!»

Нельзя сказать, что после такого заключения доцент Волков выглядел растерянным. Нет, он старался показать, что он старый солдат, и убийственный огонь вроде сегодняшнего ему не внове – переживал раньше и опять переживет. Пожалуй, все в этой позе бывалого воина выглядело уместно и достойно, кроме одного: собственно от схватки с противником за свою идею он по умолчанию уклонился. Из этого логически следовало одно – с тем же громогласным детским лепетом он будет выступать где-то еще до тех пор, пока его демагогия не покажется кому-то из сильных мира сего отнюдь не жалкой и пустопорожней, потому что в стране, в которой на первом месте всегда и везде стояла политическая конъюнктура, было возможно все – и безосновательное возвышение под небеса, и немотивированное падение оттуда. Важно было только избегать опасных схваток лицом к лицу – в конце концов, искомое отношение находят не на семинарах или конференциях, а в соответствующих начальственных кабинетах, в которые надо стараться почаще заходить со своими хлопотами о великом деле, которое они предлагают развернуть на пользу любимой Родине с большой буквы – где-нибудь рано или поздно перестанут доискиваться, так ли обернется предложенное данным гражданином и патриотом, как он обрисовывает, после получения вождя поста, особенно если на каком-то самозваном форуме его демагогию все-таки одобряют.

Будущее показало, что Михаил не ошибся в своем прогнозе. И одним из самых первых адептов новой волковской веры стал не кто иной, как Саша Бориспольский. Видимо, его всегда

тянуло на пути наименьшего сопротивления. Состоять в свите ближайших учеников при новом мессии можно было с куда большей выгодой для себя, чем быть апостолом Христовой веры при Спасителе. А в данном случае все сводилось к тому, чтобы успеть защитить какую-нибудь диссертацию, пока из лидера не выпустили воздух. В данной тактике – нет! Пожалуй, даже в стратегии! не было ничего глупого. Если ты собираешься забраться на высокую вершину, тебе совсем не обязательно стараться пройти по отвесной стене, да еще с нависающими участниками; к ней в большинстве случаев ведут еще и длинные, но технически простые гребни, а если на них встречаются «жандармы», то их можно пройти со страховкой со стороны тех сильных, кто уже взял высоту и под покровительством которых ты находишься. В любом случае, если ты добрался до вершины каким угодно путем, ты будешь по праву считаться альпинистом. Но у сторонников относительно легких путей обычно возникает соблазн представлять себя более значимыми восходителями, чем они есть, потому что настоящее уважение (а это смесь восхищения и изумления) испытывают в первую очередь к тем, кто прошел труднейшим, часто опаснейшим маршрутом, впереди, прокладывая путь своим спутникам и обеспечивая им верхнюю страховку. Конечно, встречаются отдельно стоящие вершины, на которых никому кроме особо сильных телом, духом и головой делать нечего. Но не всем же быть Архимедами, Ньютонами, Лейбницами и другими фигурами из породы первооткрывателей – нет, не породы – они слишком редки в каждой эпохе, чтобы их можно было считать породой – это скорее редчайшие выродки (ох, как жаль, что это слово затаскано в применении только к сквернейшим представителям рода людского), исключительные выродки на почве монотонного глобального процесса развития человечества, точнее – его мыслящей части.

Саша Бориспольский честно признавал про себя, что он не из их числа, и с его данными по уму, характеру и устремлениям не стоит пробовать пробиться в эту почтеннейшую когорту. Ему достаточно было протиснуться в центурионы – это уже хлебная должность, а многого она от ее обладателя и не требует: знай себе отработанные тренерами-наставниками профессиональные приемы действий в типовых ситуациях, да притом и не очень умничай, чтобы тебе щелчком по носу, а то по губе, не напомнили, что ты есть не больше того, чем ты есть. Им не место среди легатов и почетных сенаторов. Они в нижнем слое командной пирамиды, причем часто даже более несвободные, чем их подчиненные, которые несут ответственность только за себя. Обязанность руководить взыскивает очень много времени и сил с любого, кто претендует на руководство всерьез. В реальном мире при гигантской потребности в них настоящих руководителей очень мало – скорей всего, не на один, а на два, на три порядка меньше числа руководящих должностей во всей толще социума. Вот и бьются настоящие руководители почти без толку среди несоответствующих своему званию некомпетентных, нерешительных и нерешающих, для которых, правда, есть одно общее незыблемое основание: бюрократизм с его волокитой, согласованиями, переадресациями, подхалимством и взятками в качестве смазочного материала для трущихся частей ржавого механизма. Как знать, не потому ли, формируя чистокровную элиту высшей расы Гитлер и Гиммлер (упаси Бог кому-то заподозрить меня, Михаила Горского, в симпатиях к этим конструкторам Третьего Рейха и Нового порядка!), которые придумали к наименованию каждого чина в СС прибавлять слово «фюрер», то есть вождь? Не спроста ведь и в Индии все мужчины-сикхи имеют добавление к имени слово «синг», то есть лев, обязывающее их в бою проявлять действительно львиные качества. Конечно, номинальное звание вождя или льва не всегда соответствовало ожидаемому качеству личности, каким бы оно ни виделось высшим руководителям-идеологам, но оно все-таки тоже способствовало взыскательности к ней изнутри и извне, как то и следует из старинной русской поговорки: «Назвался груздем – полезай в кузов» – короче говоря, проявляй себя должным образом, а не абы как. Или вовсе никак не проявляй, но не будь тогда ни вождем, ни львом.

Нет, Саша не отвечал высшим критериям лидерства или явленного могущества. Зато он по жизни знал, как надо поступать, как не надо. Например, он извлек для себя немалую пользу

из наблюдений за Дианой Прут. Сначала все у нее шло путем. Нашла себе научного руководителя – модного, авторитетного Берковича. Выбрала и утвердила тему диссертации, развернула, если так можно выразиться, эксперимент, в самый раз подходящий для поддержания основной идеи диссертации, а затем, когда уже замаячил успешный финиш, у нее все пошло криво и вкось. Началось с ерунды – с конфликта с лояльно относящимся к ней заведующим отделом из-за ее предвзятого, надо сказать, отношения к новой сотруднице, которой по бабским повадам не давала библиотечных дней, хотя та была не хуже других – это точно, и которая к тому же явно нравилась Горскому. Но Диана возомнила, что она умней всех и что хозяйкой положения является она, а не Горский. Горский определенно не был вредным начальником. Он предоставлял людям максимум свободы, насколько это зависело от него, и никогда никого не тиранил, чтобы показать, какова его реальная власть. Но тут Дианина коса нашла на его камень. Он вовсе не считал себя пустым местом и, когда надо было, вполне определенно доказывал это на деле, а не на словах. Косе от камня пришлось отскочить с серьезной забоиной на лезвии. Косить в свою пользу после этого стало тяжелей, но Горский не стал ей мстить по мелочи и не чинил препятствий в завершении эксперимента для диссертации. Она же приняла его сдержанность и терпимость за слабость, и перешла в тайное наступление и против Горского, и против Влэдуца (Данилова она совсем не принимала в расчет, поскольку у него не было ни административной должности, ни научного веса, ни склонности к интриганству). И чем оно закончилось, это инспирированное ею тайное наступление? Приостановкой утверждения концепции Данилова, Горского и Влэдуца на полгода – только и всего. А чем оно аукнулось ей? А тем, что из-за ее мелочной амбициозности, совершенно ничем не инспирированной по сути и неуместной, она с подачи Горского была передана со своим сектором в новый отдел УДК во главе с Басовой, которую позволила себе грубо и публично оскорбить. Даже если она действительно считала Басову душой, это следовало держать при себе, потому как любая советская дура, да еще с партбилетом в кармане, да еще из кагебешной семьи найдет очень подходящий способ расплатиться с обидчицей. Наверняка она попросила секретаря межведомственной комиссии по классификации при управлении Арутюнова организовать рассмотрение работы Дианы Прут по существу в кругу авторитетных экспертов. И тут ей аукнулось уже от Влэдуца, который вовсе не забыл, как она ему воткнула жердь в колеса по поводу работы, возглавляемой им как научным руководителем. Георгий Эмильевич договорился с профессором Бочваром, что Диану и ее работу рассмотрят на научном семинаре в отделе семиотики головного института, который этот профессор и возглавлял. Ну, а правая рука Арутюнова по классификации от лица комиссии позаботилась о том, чтобы на семинаре Бочвара пришло побольше народу из нескольких институтов и библиотек, где взгляды Прут на способ индексирования документов по УДК, мягко говоря, не разделяли. Саша тоже пошел на этот семинар, чтобы удостовериться в правильности своего предчувствия разгрома диссертантки, и оно его не обмануло. Первое, что бросилось в глаза – это то, что научный руководитель Дианы Илья Исидорович Беркович на обсуждение работы своей подопечной не явился совсем. Это значило, что Беркович уже точно и определенно знал, каким будет конец. Поняла это, наконец, и Диана, но отступить уже было поздно. Второе, на что невольно обращали внимание все присутствующие – это на то удивление, которое нескрывая выражали лица людей, постоянно участвующих в работе семинара и особенно – его научный руководитель. Такого наплыва ТАКОЙ публики они никогда еще не видели. Диана Прут выступила бледно. Видимо, повисшая в атмосфере зала угроза лишила ее уверенности в себе, а отсутствие Берковича заставило осознать свою незащищенность. Когда она закончила свою бездарную речь, профессор Бочвар был просто ошеломлен лавиной вопросов, в которых через слово упоминались цифровые индексы УДК, от которых у него мутилось в голове. В этой дискуссии для него не было никакого смысла. Затем он предоставил слово оппоненту-сотруднику своего отдела, с которым, естественно, до этого побеседовал Влэдуц. Оппонент сразу указал на то, каким расто-

чительством в смысле затрат труда чревато применение методики Прут в реальной технологии информационных фондов. Данные экспериментов, представленные Прут, свидетельствуют о том, что показатели полноты и точности поиска документов по запросам никоим образом не превосходят результатов поиска при использовании дескрипторного индексирования, хотя стоит индексирование по УДК будет дороже. К тому же данные о полноте и точности поиска в рассматриваемом эксперименте представляются завышенными и не вполне убедительными, поскольку это специально подобранные экспериментатором запросы, а не запросы, сформулированные реальными потребителями фондов, не участвующими в эксперименте, как того требовала бы научная объективность. О представительности результатов эксперимента по поиску в массиве восьмисот документов и говорить не приходится. Судить о том, какие результаты способен дать предложенный метод в массиве величиной в несколько сот тысяч документов, нельзя. Исходя из изложенного, нельзя сделать и вывод, о том что предложенный Дианой Марковной Прут метод может иметь серьезную практическую ценность. В теоретическом плане работа не содержит новых идей, являясь банальным случаем в практике многокоординатного индексирования.

Дамы из научных библиотек, работники нескольких информационных фондов примерно той же тематической направленности, какая была выбрана Прут для своей диссертации, говорили примерно о том же, что и оппонент, насыщая и даже пересыщая свои речи примерами из практики индексирования и поиска по УДК. В заключительном слове Диана не смогла ничего противопоставить дружному наскоку участников дискуссии. Сам руководитель семинара по существу дела не высказывался, осуществляя только функции ведущего заседания. Существо, если оно и было, ни в какой степени не занимало его. Частные вопросы скорее из области семантики, чем семиотики, никак не затрагивали его научного интереса. Однако, закрывая дискуссию, профессор Бочвар отметил, что практически все выступавшие отмечали низкую эффективность предложенного метода индексирования по УДК с точки зрения затрат труда и не вполне объективные методы оценки полученных результатов поиска. Из этого следует, что диссертантке следует многое пересмотреть в своей работе, прежде чем ее можно будет рекомендовать к защите на Ученом совете.

Не прошло и двух дней после этого семинара, как из ГКНТ за подписью товарища Арутюнова в институт уже Панферова, а не Беланова, пришло указание прекратить работы по исследованию применения УДК в режиме посткоординатного индексирования в связи с их неэффективностью и бесперспективностью. К решению был приложен протокол семинара, на основании которого и был сделан административный оргвывод. Да, что и говорить, пример Дианы Прут был и показательным, и весьма назидательным. Саша на его основании утвердился в том, что, собственно говоря, давно уже знал и без него, хотя и не принял в себя в качестве категорических императивов: нельзя перечить не только научному руководителю, но и вообще задевать каких-либо коллег, находящихся на том же самом поприще, независимо от их кажущегося веса. Диссертанту нельзя позволять себе нескромность. Об имеющихся расхождениях взглядов с другими коллегами, говорить нельзя. В крайнем случае об этом можно говорить только после защиты диссертации, утверждения ее в ВАКе и получения на руки диплома кандидата наук.

На филологическом факультете МГУ – родном и насквозь знакомом – Саша Бориспольский, разумеется, одним из первых прослышал о намерении доцента Валова организовать крестовый поход в пользу новоявленной информационной лингвистики. Он же стал едва ли не первым, кто предложил себя основателю будущего научного направления в качестве помощника-сподвижника. И хотя постановка новой темы на семинаре Влэдуца с легкой руки Бориспольского ничем хорошим вроде как не кончилась (если не считать провал перед широкой публикой серьезным достижением), Саша убедился, что Валов не унывает, что от своих претензий на то, чтобы в тихих заболоченных водах филфака поднять цунамиобразную волну с тем,

чтобы она затопила еще не поделенный на кафедры остаток лингвистической земли и образовала там собственное валовское кафедральное озерцо. Старый солдат, битый и перебитый на войне, все же показал характер, а то Саша после первой же неудачи с выходом в свет испугался, что может разделить с Валовым его фиаско. Единственное, что еще продолжало беспокоить Сашу – это отношение Влэдуца к тому, что Валов и его компания станут предпринимать в будущем. Ведь первый их шаг Георгий Эмильевич явно признал пустозвонством, а он своих принципиальных оценок менять не любил, авторитет же имел достаточный, чтобы при желании очень осложнить жизнь всем портным голого короля, в том числе и ему, Александру Бориспольскому. Подрывных действий со стороны Горского и Данилова Саша, правда, не ожидал, если только ни Валов, ни он сам, ни кто-то другой из адептов не будут покушаться на их вотчину, в худшем случае ограничатся молчаливым презрением к тем, кто укрепляет свои позиции в науке подобным образом (для себя такой способ самоутверждения они явно признали непригодным), но активно мешать не будут. Во Влэдуце же такой определенности пока не чувствовалось – вот как с помощью Басовой разделался с Дианой – то ли он выступит против валовцев из принципиальных побуждений (дескать, раз сказал, значит, всё!), то ли нет. Но эти сомнения мучили Сашу недолго. Во-первых, уж очень хотелось пролезть к кандидатству через эту щель – ее ведь пока еще не замуровали, а, во-вторых, присмотревшись к Влэдуцу, он понял, что тот не станет тратить свою энергию против тех, кто не будут болтаться поперек его курса. А пересечения курсов легко можно было избежать – ведь целью Валова было основать кафедру на филфаке, а не где-то еще, а эта область мало интересовала собственно информатику – разве что тех, кто пришел в информатику от структурной лингвистики. Вот их позицию следовало принимать в расчет, но Влэдуц-то пришел в информатику от химии, предложив свою фактографическую (подумать только – фактографическую, а не документальную!) информационно-поисковую систему «Фтор», на чем и заработал раньше всех докторскую степень. Теперь Сашу не очень интересовали ни модель Мельчука «смысл-текст», ни работы тех, кто топтался на подступах к машинному переводу с одного языка на другой или достигал на этом поприще первых частичных успехов, хотя он и поддерживал связи с некоторыми из них, с Ниной Леонтьевой, например.

На факультете о провале первой Валовской вылазки почти никто не узнал. В основном там был известен сам факт, что на семинаре Влэдуца Валовский доклад был заслушан, а это тоже можно было пустить в ход как факт прохождения барьера неизвестности, что собственно, Валов и сделал. Пока Данилов и Горский вместе с Влэдуцем готовились к решающему бою на научном совете при управлении Арутюнова в ГКНТ, Бориспольский с благословения Валова выбрал себе тему диссертации в той колее, которую прокладывал шеф на поприще лингвистики, шаг за шагом, визит за визитом к разному начальству на факультете и в ректорате, даже в ГКНТ ради учреждения новой – собственной! – кафедры.

Глава 6

С Люсей Кононовой Михаил познакомился на одном из общеинститутских сборищ в год пятидесятилетия Советской власти. В честь этого события пресса, радио, телевидение и кино словно сошли с ума. Казалось, другого повода для статей, сюжетов и фильмов в эту пору больше не существовало. Само слово «пятидесятилетие» приходилось произносить столь часто, что у многих ораторов оно превращалось в более компактное и удобопроизносимое «писселетие». Михаил прошел в большой конференц-зал перед самым началом заседания. Среди своих он свободного места не углядел и сел в одном из последних рядов. Здесь его окружали, судя по нескольким знакомым лицам, главным образом сотрудницы отдела зарубежной информации по стандартизации. В задних рядах можно было держаться куда свободней, чем впереди. Люди переговаривались громким шепотом. Соседкой Михаила оказалась приятная на вид молодая женщина, к которой с другого бока, а также спереди и сзади часто обращались по имени, и она, откликнувшись на зов: «Люся!» отвечала довольно низким грудным голосом, который даже в шепоте казался очень звучным. Михаил тяготился любовной неустроенностью после расставания с Олей. Он не злился на нее, но накрепко запретил себе искать с ней встреч, даже контактов по телефону, и если таковые еще изредка случались, то инициатором их всегда была Оля. На смену любви к ней пока еще ничего не пришло, но вакуум внутри души тяготил Михаила очень основательно. Отрыв от прекрасной любовницы отнюдь не сблизил его с женой. У Лены шла какая-то собственная жизнь, о которой он отрывочно знал, попутно кое о чем догадывался, но это его не интересовало. По существу и здесь дело шло к разводу вне зависимости от наличия или отсутствия у него любовницы, на которой намериваешься жениться. А потому не имело никакого смысла избегать новых знакомств, в том числе и на этом заседании. После одной из удачных реплик по поводу высказываний оратора, сделанных Михаилом вслух, Люся засмеялась и одарила его поощряющим взглядом глаза в глаза. Вскоре и Михаил позвал ее: «Люся!» Оказалось, что она знает его имя и отчество. Постепенно между ними завязался разговор, продолжавшийся по дороге к Люсиному дому. Жила она не очень далеко от института, туда можно было пройти за полчаса, но они шли гораздо дольше. По пути выяснилось, что Люся инженер и тоже, как и он, окончила МВТУ им. Баумана, только лет на шесть попозже, а в своем отделе занимается написанием обзоров по системам обеспечения качества продукции в разных странах. А поскольку своей аспирантуры в их институте не было, она поступила в аспирантуру смежного института Госстандарта, считавшегося головным идеологическим центром борьбы за высокий уровень стандартов и качества продукции. Это свидетельствовало об интересе Люси к делу, и ей при этом не было ни смысла, ни нужды производить халтурное фуфло в отличие от Александра Бориспольского, лишь бы только каким угодно путем – главное, чтобы легким! – стать кандидатом. С качеством продукции, производимой отечественной индустрией, дела были плохи почти во всех областях, кроме как в новейших системах вооружения, где за этим следила строгая военная приемка, впрочем, тоже дававшая сбои.

Системный подход к обеспечению высокого качества продукции в Америке, Европе и Японии заслуживал самого тщательного анализа и переноса на советскую почву. Но разве можно было переносить «идеологически чуждый» опыт просто так, без соответствующих переделок и переработок в первую в мире страну «развитого социализма»? Нет и еще раз нет! Люся своим действительно очень звучным голосом с нескрываемым сарказмом говорила, с каким маниакальным идиотизмом подменяются основные критерии и методы рационального промышленного обеспечения качества в условиях рынка при их переносе из среды, где качество стимулировалось и поощрялось конкуренцией, в среду, где то же самое предполагалось обеспечивать почти исключительно мерами бюрократического надзора. Михаил с удовольствием слу-

шал ее, то и дело поворачиваясь, чтобы взглянуть ей в лицо, тонкое, с живыми глазами. Голову увенчивали золотисто-рыжие волосы, а вся ее высокая фигура представлялась изящно-крупной. Словом, у Михаила появился стимул к тому, чтобы интересоваться Люсей и ее делами дальше. Вскоре он узнал, что Люся не замужем (как он и предполагал по первым впечатлениям), что голос у нее кажется музыкальным неспроста – она пела в известном хоре студентов МВТУ, а, как потом убедился Михаил, могла бы петь и соло.

Люсин голос казался ему теперь неким новым особым женским качеством, которое раньше не в такой степени бросалось в глаза как один из сильнейших факторов воздействия на мужское существо, хотя он, конечно, слышал о том, как своими дивными голосовыми вибрациями знаменитая певица Полина Виардо поработила знаменитого русского литературного классика и мэтра французских писателей Ивана Сергеевича Тургенева. (Эта история была на слуху, но глубоко в сознание не входила). У жены Михаила Лены был приятный в говоре голос, в нем даже чувствовались вокальные задатки, неразвитые, но несомненные – но это особого самостоятельного воздействия на Михаила не оказывало, а вот в Люсином меццо это отдельное, самостоятельное качество, несомненно, присутствовало и производило эффект. Среди прочего Люся с юмором рассказала, что минувшим летом с компанией друзей побывала в Вятской глуши, где у одного ее знакомого работал врачом поселковой больницы шурин – хирург, как они бродили там по лесам, как привезли оттуда с собой в Москву новые слова и выражения, почерпнутые у местных проводников, такие как «кашленок» и «кашлятница» (соответственно медвежонок и медведица), «пройти по грани» (то есть по узенькой просеке, оставленной лесоустроителями в ходе геодезических работ), «не шебарши» (то есть не шуми) и кое-что еще в том же роде. И тут же она предложила Михаилу как уже известному ей любителю походов, присоединиться к их компании на октябрьские праздники, поскольку на время празднования «писселетия» они снова собираются туда же, в гости к врачу. На вопросы о том, не будет ли он в тягость компании, а вся она вместе с ним или без него – в тягость единственному в округе врачу, Люся уверенно ответила – нет. Ни он не будет в тягость, ни компания – шурин Вити Карасева Саша Подосинников в прошлый раз искренне радовался их приезду и звал еще, тем более, что с компанией приезжала к нему в глушь его жена, приходившаяся сестрой жене Виктора Карасева и учившаяся в Москве. Михаил с удовольствием согласился «примкнуть».

С остальными членами компании Михаил познакомился только в поезде. Ехали почти по-студенчески, в плацкартном вагоне. Ночь до Кирова, или Вятки, предстояло провести в вагоне, а рано утром перебраться на аэродром местных авиалиний и оттуда лететь на самый север области в поселок Бажелку, стоявший на реке с названием, скорее привычным для деревни, чем для реки – Федоровке. Неизвестно было почему, но Михаил много и удачно шутил, тем самым расположив к себе компанию. Это не было присуще ему постоянно, но когда случалось, то случалось. Кроме уже известного с Люсиных слов Вити Карасева с его женой и свояченицей, в Бажелку отправились Миша Шварц и его подруга, по-видимому, уже и невеста, Лариса Друкер и Валерий Аронов на сей раз без пары. После детального знакомства с лернерами, гурвищами и фишами в своем отделе Михаил уже взыскательней присматривался к другим незнакомым евреям. Но эти новые знакомые выглядели, несомненно, умными и спортивными, приятно компанейскими людьми. Изящная и миниатюрная Лариса оказалась спортсменкой-фехтовальщицей, Миша с Валерой – горнолыжниками. Все легли спать на вагонные полки где-то в двенадцать ночи, а в пять уже надо было вставать. Утро, промозглое и темное, не располагало к пробуждению, но коль скоро они собрались оказаться на Бажелке в первую половину дня, пришлось взбадриваться только надеждами. В аэропорту они оказались опять-таки еще в темноте. Бревенчатый дом при аэропорте местных линий выглядел точно так же, как аэровокзал в каком-нибудь отдаленном таежном поселке при каком-нибудь прииске, но отнюдь не в областной столице. Пожалуй, только оживления здесь было побольше.

В летной столовой первым, вторым и третьим блюдом завтракали экипажи самолетов, с небольшими промежутками времени борта уходили в рейс. Вскоре дошла очередь и до Бажелки. Уже рассвело. На окраине летного поля в легкой туманной дымке выстроились шеренгой сонные бипланы «Ан-2». Михаил любил эти машины и доверял им.

Это были простецкие, но надежные, как мужики, испытанные во всех мыслимых и немыслимых условиях летательные аппараты, столь же примитивно оборудованные, в том числе, к сожалению, и навигационном отношении, как деревенские же избы этих мужиков. На их крыльях, образно говоря, лежал весь груз сообщений в российской глубинке, составляющей никак не меньше восьмидесяти процентов от всей территории России, на их крыльях держались и делали свою работу всевозможные экспедиции геологов, геодезистов, лесоохраны, охотоведов, потому что не было машин более неприхотливых ни в смысле технического обслуживания, ни в смысле пригодности для взлета-посадки на почти или совсем неподготовленную полосу. Вот и сейчас они разместились внутри гулкого фюзеляжа на сиденьях вдоль бортов, покидав под ноги свои рюкзаки и сумки. Палуба была сильно наклонена, пока машина опиралась на неубираемые колеса главного шасси и маленькое хвостовое колесо. Как всегда, прямо по вещам к своей кабине прошагали, придерживаясь за стенки бортов, члены экипажа, захлопнулась и была заперта дверь, пилот запустил двигатель и почти сразу (видно, мотор прогрели заранее) машина по неровностям покатила на старт. Пилот дал форсаж на тормозах, потом отпустил их, и они быстро оказались над аэродромом. Самолет взял курс на север. Внизу вперемежку тянулись леса и болота, пронизанные кое-где руслами речек. Там, насколько хватал глаз, не было протянуто никаких дорог. Вероятно, их прокладывали только зимой, но их время пока не настало. Да, без малой авиации здесь никуда нельзя было попасть.

Михаил посмотрел на сидящую рядом Люсю. Она тоже с интересом наблюдала за землей. Ее милое лицо с выбившейся из-под шапочки прядью вызывало желание расцеловать его, но, к сожалению, тут не только целовать, но и говорить не было возможности из-за рева мотора, вызывающего к тому же сильную вибрацию всего фюзеляжа. Встретившись глазами, они только улыбнулись друг другу. Остальные спутники кто смотрел в иллюминаторы, кто дремал после недосыпа в прошедшую ночь, убаюкиваемый к тому же тряской внутри самолета. Но полет продолжался не столь долго, чтобы утомить и усыпить всех. Снижение с высоты стало заметным. Это означало приближение к Бажелке.

Самолет заложил вираж над посадочной площадкой, которая, скорей всего служила, а то и продолжает служить выгоном для деревенских коров. Из наземного навигационного оборудования здесь только и были видны литеры и номера бажелского аэродрома, написанные или выложенные на скатах крыш деревенских домов – для опознания населенного пункта после потери пилотом ориентации во время полета, да так называемый «дым» – матерчатый конус с белыми и черными полосами, как флюгер, указывающий направление ветра. Но вот «Ан-2», подсакивая на ухабчиках, покатила по полю. Второй пилот спустился из кабины по вещам, открыл дверь. Свежий воздух ворвался внутрь. Слава Богу, они прилетели.

Саня Подосинников, врач и хирург, встретил их тут же после приземления. Он расцеловался с прилетевшей женой и свояченицей, затем поздоровался с остальными. Это был высокий хорошо сложенный молодой мужчина. Мощью фигуры он напоминал одного из удалых новгородских молодцов-ушкуйников, захватывавших для великого города все новые и новые вотчины на север и восток от него, притом на таких расстояниях, что как-то нелепо было говорить об экспансии одного-единственного города – это могло быть под силу разве что крупному государству.

Саня оказался гостеприимным и рачительным хозяином для всех московских гостей. Под его водительством они подошли к пешеходному висячему мосту через Федоровку. Чтобы ступить на раскачивающийся и сильно прогибающийся пролет над рекой, им пришлось подняться довольно высоко над берегом на пилон, удерживающий несущие стальные тросы, потом,

после прохождения пляшущего под ногами пролета, спуститься с другого пилона на противоположном берегу. Собственно Бажелка была именно там. Саня занимал просторную квартиру при больнице, где сам себе был и главным врачом и исполнительным хирургом и Бог весть каким медицинским специалистом еще – анестезиологом, акушером, гинекологом, стоматологом, травматологом, терапевтом. В столь же универсальном амбулатории при нем состояли две медсестры. Жители поселка были заняты в основном заготовкой и сплавом леса, отчасти полупромысловой охотой, держали коров и всякую живность. Серьезного товарного земледелия заметно не было.

До больницы от места посадки было около десяти минут ходу. Она представляла собой довольно большое одноэтажное угловое здание в виде буквы «Г», у которой более короткая сторона была квартирой врача, а более длинная – собственно больницей.

Они все вместе позавтракали (все же действительно оказались на месте еще довольно рано утром) яичницей из деревенских яиц, а также тем, что привезли из Москвы, немного – только две бутылки водки на всех – выпили со свиданием и приездом. Затем Саня повел их по больнице. Три палаты в стационаре, процедурная, операционная, кабинет. Кое-какое оборудование, шкафы с инструментами. Сейчас, под праздники, здесь лежало всего двое больных – мальчик с переломом ноги и женщина с приступом аппендицита. Осмотр не потребовал много времени, поэтому решили без задержки отправиться на охоту. В качестве местных проводников и добытчиков с ними отправились кузнец Иван Абатуров и обслуживающий дизель-электростанцию Виктор, имя которого произносили всегда полностью и с ударением на «о», то есть прямо как на французский манер. Они больше часа шли по одной из лесовозных дорог, соединяющих лесосеки с Бежелкой. Чтобы машины с тяжелым грузом не зарывались в грунт, обе колеи на всем протяжении были высланы бревнами средней толщины. Местность была монотонно ровная и, честно говоря, выглядела скучно. Да и каким мог быть вид порушенной вдоль дороги тайги, из которой даже не вывозили стволы лиственных деревьев, поваленных заодно с хвойными, если они мешали валке и трелевке последних. Да-а... Япония была бы поражена... А у нас кого это могло удивить, если древесину лиственных пород здешняя лесоперерабатывающая промышленность не думала и не желала приобретать? Рубки – так сплошные, а как иначе? Ведь дирижаблей, позволяющих избирательно выдернуть из леса сразу за верхушку спиленное в комле дерево, не дав ему упасть, не было, как бы о том ни мечтали авторы статей в промышленных и научно-популярных изданиях. Наконец, они подошли к участку, где к дороге примыкала почти непорученная стена тайги. Собаки Ивана – Дамка (Иван называл ее Дама) и ее сын Лапик и Байкал Виктор – все были лайками. Вскоре кто-то из них побудил зайца и на голос залаявшей подвалили другие собаки. Михаил Горский рядом с Иваном вломился с дороги в тайгу, хотя они оба старались двигаться, не задевая стволов и ветвей, и Михаилу это удавалось почти как Ивану – все же опыт походов по Уралу, по Кольскому и по Саянам не пропал даром – и Михаил чувствовал, что Иван одобрительно посматривает на него. Однако погнанный собаками заяц после небольшого круга выскочил не на них, а на Виктор. Они услышали выстрел. Иван крикнул: «Виктор! Зайца-то убил?» – «Да!» – последовал ответ, и они вернулись на дорогу, которую не покинул больше никто из москвичей. Михаил, конечно, не имел права чувствовать себя героем, потому что ему не удалось даже увидеть живого зверя, тем не менее, все же ощутил себя более причастным к его добыче, чем остальные спутники. Это было смешно, и он улыбнулся. Заяц, подстреленный Виктором, оказался довольно крупным еще не вылинявшим из серой летней шкуры беляком. Да и чего ему было линять еще до снега? После первой добычи компания двинулась по дороге дальше. И вскоре собаки снова подняли зайца. На сей раз добытчиком стал Иван. Это был невысокого роста подвижный кряжистый человек, очень органично чувствовавший себя в природе. Он явно понимал, что москвичам это не присуще, и потому по доброте своей старался всячески облегчить общение с тайгой. Михаил, как понял Иван, в опеке не очень нуждался и этим заслужил только еще более доб-

рое отношение с Ивановой стороны. Михаил в свою очередь тоже понял, что свою репутацию без расслаблений надо оправдывать всегда. Это пришлось доказывать прежде всего самому себе, когда уже в начале сумерек они, порядком уставшие и не получившие собственного упоения от удачной охоты, двинулись в дальний обратный путь. Первым взялся нести в рюкзаке отстрелянных зайцев Миша Шварц. Через несколько километров стало заметно, что он стал чаще оскальзываться на обледеневших лежневках в колее дороги. Надо было менять его в качестве носильщика, но никто не предлагался, а Миша был самолюбив и не желал взывать о справедливости или помощи. Этот человек все больше нравился Михаилу Горскому, и вскоре именно симпатия заставила его взять у Миши рюкзак. Зайцы и ему не показались легкими, а удерживать равновесие с грузом на скользкой неровной поверхности было и впрямь тяжело. Оставшаяся до Бажелки часть дороги порядком утомила, и все же Михаил испытал нечто вроде радости оттого, что не позволил себе проехаться на чужом горбу. А дома, то есть в квартире Сани Подосинникова, он взялся еще и свежевать и потрошить зайцев. Опыт у него на этот счет был чисто книжный. До сих пор в походах он добывал только птиц. И все-таки он чувствовал себя в большей степени подготовленным к этой работе, раз уж Иван и Виктор подарили им свою добычу. Михаила отнюдь не распирало от сознания своего достойного поведения – он отдавал себе отчет в том, сколь ничтожными были его успехи в борьбе с самим собой в сравнении с теми, каких достигали другие, просто он полагал, что вот как раз сейчас выпал случай научиться чему-то новому, что еще может пригодиться и в более тяжелых случаях, особенно в походах, когда после долгого и вымотавшего дневного маршрута надо в темноте да под дождем ставить палатку, добывать дрова, разводить костер и готовить пищу, а если в пути еще и повезло, то свежевать и потрошить добычу. Ничего другого в жизни промысловиков, кроме такого опустошающего к концу суток труда почти никогда и не бывает – это Михаил знал предметно, не только из книг, а поскольку ему случалось мечтать о том, чтобы вести жизнь вольного охотника, способного устойчиво существовать наедине с природой, он и рад был случаям напомнить себе, как мало он на самом деле подготовлен к выполнению требований мечты, столь лестной для самолюбия городского жителя, изнеженного цивилизацией, и столь нереальной на практике – по крайней мере, для него – была бы такая жизнь. Трудно было точно вспомнить, кто пробудил в душе эту мечту – но одно только Михаил мог сказать определенно – кто-то из американцев. То ли Фенимор Купер, то ли Майн Рид, то ли Сетон-Томсон. В отечественной литературе почему-то не нашлось ни подобных авторов-романтиков, ни героев романов, чьи труды, приключения и подвиги будоражили бы юношеское воображение в такой же степени, в какой оно разыгрывало после чтения книг американцев. Это выглядело довольно странно на первый взгляд. Две огромных страны обладали колоссальными просторами с ненарушенной дикой природой, обильной всяческой живностью и множеством безвестных людей, очертя голову рискующих первопроходцев, умудрявшихся осуществлять без всякой нормальной тыловой поддержки, часто вообще в одиночку, совершенно невероятное, можно сказать – невозможное. Единственное, в чем была существенная разница – это во времени, когда русские и американские пионеры, в полном Гумилевском смысле пассионарные люди, выступили на своих материковых аренах – американцы лет двести-двести пятьдесят тому назад, а русские на два-три века раньше, когда у нас правдивой и развлекательной светской литературы еще не было и в помине, тогда как у американцев ко времени их экспансии она уже была и потому могла втянуть в себя авторов первопроходческого жанра. Других серьезных различий в положении людей, которым удалось выжить, освоить и победить в данных опасных, постоянно перенапрягающих условиях бытия пионеров и там и тут, Михаил найти не мог. То же самое, конечно, касалось и пионерской грамотности.

Зайчатина в умелых женских руках прошла на ура и в первом, и во втором блюде. Опять-таки выпили, но немного – Саня Подосинников решил сделать операцию аппендицита у пациентки, которую на днях положил в стационар с приступом. Уйти от нее на три дня, оставив

взыгравшийся аппендикс на месте, он опасался – мало ли что может произойти, особенно в соответствии с принципом наибольшей подлости, когда случается именно то, чему бы лучше вообще не случаться, как раз в тот момент, когда тебя нет в нужном месте. А ведь он головой отвечал за жизнь своих больных. При нем не так давно в больнице уже имела место скверная история, хотя сам Саня и не был напрямую в чем-то виноват. В больницу принесли парня, раненого в живот во время поножовщины. Саня уже оперировал, когда вдруг погас свет – что-то произошло на дизель-электростанции. Резервного источника электроэнергии в больнице не было. Продолжать ревизию внутренностей и зашивать то, что следовало зашить, приходилось при свете карманных фонариков, которыми освещали операционное поле две сестры. В основном Саня проделал хирургическую работу удачно, но один маленький разрез все-таки не заметил. А потом он себя проявил. Больной умер. Тело подвергли вскрытию, провели экспертизу, нашли незащитный разрез – прокурор сразу открыл уголовное дело против врача, проводившего операцию. Следствие, правда, подтвердило, что подходящих условий для работы у хирурга в тот раз действительно не было, а потому и не мудрено, что он чего-то тогда не досмотрел. Уголовное дело прикрыли в связи с невиновностью врача, но повторения подобной ситуации Саня совсем не желал. А хотел он отправиться вместе с гостями на три дня в дальнюю промысловую избушку Ивана Абатурова, и потому составил себе такой план. Сегодня сделать операцию, на завтрашний день ради контроля состояния остаться в поселке, сделав еще один короткий выход из Бажелки, а уж потом, если все будет в порядке, уйти на три дня. Заметив интерес к своим профессиональным делам со стороны Люси Кононовой и Михаила, он предложил им присутствовать при операции. Другой Люсе – Подосинниковой – смотреть на работу мужа было уже неинтересно.

Начиная с того момента, когда Саня скальпелем буквально царапкой обозначил место будущего разреза на животе пациентки и тут же разрисовал-закрасил все поле тампоном с йодом, а потом обколол новокаином, Михаил, да и Люся тоже, поняли, что любопытство завело их куда не следовало. В свете полусферической бестеновой лампы Саня уверенно добрался до источника воспаления, достал и показал отросток, перевязал его у основания хирургической нитью, удалил этот очаг гноя, временами промокая тампонами излившуюся из тканей кровь, хотя он и поставил уже немало зажимов. Помещение операционной было просторным, атмосфера в нем довольно прохладной, но отчего-то она казалась неприятно душной, и их с Люсей стало немного мутить. Они сперва надеялись, что это пройдет, однако ничего не проходило. Тогда Михаил спросил Саню, можно ли им уйти. Саня, который уже накладывал швы изогнутой по окружности иглой, которую вытаскивал с помощью зажима, не отрываясь от дела, ответил: «Конечно, идите. Это от непривычки к запаху крови». – и они ушли. Делиться впечатлениями от увиденного ни друг с другом, ни с кем-то еще, их не тянуло. Наоборот, хотелось, чтобы выветрился не только запах крови из носа и легких, но еще и из памяти то, что выпало отнаблюдать. А ведь это было простейшее дело в хирургической работе, с которым удалось справиться без осложнений в достаточно короткое время. Что же говорить тогда о многочасовых операциях с куда более трудно достижимыми местами поражения организма, сложность которых вдруг стала особенно ясной даже на примере такой элементарной и тривиальной операции, как аппендицит? Дико сложная работа, болезненная и опасная для больного, изнурительная, нервная, тяжелая и опасная для врача. А что знает о ней рядовой обыватель? Да почти ничего. Все в курсе дела, что хирург режет тело и что-то из него вырезает, но мало кто ведает, как трудно хирургу все им разрезанное зашивать, вообще как легко сделать разрез чуть глубже, чем надо, или дальше, чем надо, или что-то где-то упустить из вида – и так далее – всего не перечтешь. А ведь люди разные, абсолютно стандартных решений и приемов в столь многообразном множестве клинических картин быть не может – какой уж тут может быть стереотипный подход к несусветному разнообразию! В результате знакомства с реалиями хирургии Михаил понял, что от нее по возможности надо держаться подальше и как паци-

енту, и как наблюдателю. А еще – какой сложностью отличается эта работа, как она взыскивает с оператора и его внутренней потенции буквально все, что у него есть: и знания, и изобретательную находчивость, способность к экспромтам, и умение удерживать себя от паники, когда непонятно, что делать дальше, и Бог знает, что еще. Ведь недаром имя Творца Мира – Демиург, а корректора человеческих организмов – хирург – содержит одну и ту же корневую лексему – ург, творец. Конечно, разница между этими ургами невообразимо огромна, и все-таки этот общий корень двух разных слов свидетельствует о том, что в профессии хирурга есть нечто с оттенком Божественных возможностей, вложенных Свыше в руки людей.

Когда Саня завершил операцию, вся компания снова села за стол, и на сей раз за беседами и пением было выпито заметно больше, чем раньше. Сане требовалось расслабление, остальным просто хотелось чувствовать радости бытия. Люся пела вошедшие в моду старинные романсы и новые песни в духе цыган. Михаил далеко не все эти вещи слышал раньше, но, сравнивая Люсино и профессионально-артистическое исполнение известных ему вещей, он решительно отдавал предпочтение Люсе. Звучности, искренности, волнения, передающегося слушателям, ей было не занимать. И ей особенно удался благодаря всему, что она вкладывала в свой голос, романс «Калитка», словно это было не пение, а откровение о своей любви, адресованное всем. Считать, что Люся воодушевлена чувством именно к нему, Михаил пока еще не находил никаких оснований, но отныне ему было очень радостно знать, что она способна на это, независимо от того, кто окажется ее избранником – он или не он. Жаль было только, что Люся курила – это, надо думать, не улучшало голос, а ему такая привычка не нравилась совсем.

Наутро, проверив состояние прооперированной накануне больной, Саня с облегчением присоединился к готовой к выходу компании. На сей раз их повели по менее вырубленным местам. После вечернего возлияния бодрости хватало не всем. На этот случай доктор Подосинников прихватил с собой лекарство – бутылку водки – дал хлебнуть из нее всем нуждающимся. – «А ты почему не пьешь?» – спросил он Михаила. – «Да мне не хочется.» – ответил он. – «Хлебни! – потребовал Саня. – И начнем соревноваться в стрельбе!» – «Какое тут соревнование?» – усомнился Михаил, однако пару глотков из горла сделал – уж очень ему нравился этот молодой доктор, в одиночку, как в старые добрые времена, противостоящий всем хворям и эпидемиям в земстве. Нравился он и пациентам. Это они с Люсей выяснили еще вчера, когда он, демонстрируя им скромное техническое оснащение своей больницы, с горечью, но не без гордости за результат признался, что и половины всего это не имел бы, если бы не был «ебанным депутатом районного совета»! Люся потом со смехом повторила: «Миша, представляешь, как он ценит свою принадлежность к выборному органу власти! Ебанный депутат районного совета! Это же надо так сказать!» – «И охарактеризовать заодно всю видимую мощь районного органа представительной демократии через пятьдесят лет после установления самого гуманного общественного строя на Земле», – добавил Михаил. Желаящие опохмелиться допили бутылку до дна и поместили ее горлышком вниз на вершину молодого деревца в качестве мишени метрах в пятидесяти от стрелковой позиции. Мелкашка переходила из рук в руки. Михаил, любивший стрельбу еще с первого курса института, когда посещал стрелковую секцию, на сей раз почему-то очень хотел, чтобы бутылку разбили до того, как подойдет его очередь. Однако все остальные уже сделали по выстрелу, а бутылка все еще оставалась цела. Михаил вскинул винтовку, как когда-то, стреляя «стандарт» в положении «стоя» в тире: левое плечо до локтя уперто в бок тела, пальцы левой ладони разделены – четыре пальца спереди подпирают цевье, большой палец уперт в предохранительную скобу спускового крючка. Мушка не очень хотела стоять строго в середине прорези открытого прицела и вообще она немного приплясывала по кругу около совсем небольшой мишени. Он выстрелил. Бутылка не разлетелась, но с ней все-таки что-то произошло. – «По-моему, я ее зацепил», – сказал Михаил, возвращая винтовку Сане. – «Думаю – да», ответили в один голос доктор и «ебанный

депутат», – и оба они вместе с Михаилом пошли посмотреть. У бутылки оказался отколот бок, но горлышко и доньшко соединялись остатком стенки. – «Ну вот, наконец-то! – с облегчением сказал Саня. – Теперь можно двигаться дальше!».

В этот день все снова складывалось, как вчера: собаки поднимали и с лаем гнали зайцев, а охотники – и снова местные – пару из них сумели подстрелить, и опять приедем досталась чужая добыча. Но на сей раз они вернулись в больницу до темна и сидели за столом не так долго. Назавтра в шесть утра был назначен выход в избушку Ивана Абатурова.

Суета невыспавшихся людей перед выходом на охоту, когда они бродили туда-сюда в просторном помещении, заканчивая свои сборы, напомнила Михаилу картину очень уважаемого им живописца Ивана Николаевича Крамского «Сборы художников перед выходом на охоту». Все было так же, как и на картине – всех захватила лихорадка давно ожидаемого радостного события, немного карикатурная и безалаберная. Собак только в дом сюда не пустили. Впрочем, и принадлежали они не Сане Подосинникову, а другим хозяевам. Наконец явился Иван, и все стали быстро одеваться. Все мужчины вооружились ружьями, обе дамы – Люся Кононова и Лариса Друкер – шли без рюкзаков.

Иван Абатуров вел компанию по граням – узёхоньким просекам, проложенным геодезистами во время лесоустроительных работ. Михаил знал, что ориентация лесных кварталов такова: главные линии граней проложены по линии север-юг по компасу, то есть по магнитному меридиану, другие, перпендикулярные им – соответственно по линии восток-запад. Вскоре Иван нырнул куда-то вбок, услышав какой-то особенный лай своих собак. – «Стой, не шебарши,» – распорядился он, прежде чем исчез из виду. Все замерли на месте. Вскоре раздался выстрел, и через пару минут к ним вернулся Иван. В руке он нес глухаря. Михаил поздравил его с полем, в ответ Иван улыбнулся и снова возглавил процессию. Грань за гранью оставались позади. Временами они сдвигались по маршруту вбок, потом снова шли на север. Наконец, они вышли из чащи на открытое место. Перед ними поперек их пути в неглубокой долине текла довольна узкая речка с необычным названием Козел. На всем видимом ее протяжении все русло от берега до берега было забито на взгляд неподвижной сплавляемой древесиной. Моста через реку в пределах видимости не было, да, и скорей всего, не было нигде. Кто-то спросил, почему река забита лессом? Из-за того, что не успели сплавить?» – «Нет, – ответил Иван, – так надо. Ведь это рояльная древесина.» Все присутствующие не могли не рассмеяться. Большого несоответствия между видом уютной гостиной, украшенной черным полированным роялем на фигурных ножках, и кряжами деревьев, мокнущих в стылой предзимней воде, нельзя было вообразить. Вот по этим-то рояльным клавишам им и предстояло перебежать на другой берег реки, стараясь оттолкнуться от очередного бревна до того, как оно успеет погрузиться под весом тела в глубину. Иван показал, как это надо делать. Весь фокус был в том, чтобы, наступая на очередное бревно, не придать ему вращательного движения, чтобы оно не сбросило ногу с себя в воду. Это требовало сноровки, а она-то как раз и отсутствовала. Танцы в городских квартирах на паркете не тренировали ноги и тело так, чтобы на реках, подобных Козлу, проявлять привычную сплавщикам эквилибристику. Однако обошлось. Все, кроме Михаила Горского, перебежали вполне благополучно. Он же с самым тяжелым рюкзаком (кроме своих и Люсиных вещей там был и его спальный мешок) чуть промедлил в одном месте, но успел опереться руками на другое бревно и все-таки толкнуться вверх. На нем были высокие охотничьи сапоги, поэтому в них еще даже не успела залиться вода, прежде чем он перекинул вес на другую ногу, так что все обошлось и у него. На дальнейшем пути к зимовью Ивана других переправ уже не было. Хотя его избушка и стояла в глубинной тайге, в зимнее время к ней можно было подобраться и по дороге. А потому Иван поставил ее так, что с дороги ее не было видно, зато к реке Федоровке, которая была пошире Козла, шла широкая открытая слегка наклонная терраса. С этой стороны избушку лишь слегка прикрывала редкая полоса деревьев. Иван и Виктор, вооружившись снятой с чердака двуручной пилой, быстро отпилили

несколько колодин и раскололи их на мелкие полешки. Внутри зимовья были нары, и в узком проходе перед ними стояла ржавая железная печка. Ее заполнили полешками, зажгли, и она загудела, да вскоре так хорошо разошлась, что раскалилась докрасна в сумраке тесного помещения, едва освещавшегося естественным светом через маленькое оконце. Вмиг внутренность зимовья стала средоточием таежного уюта. Виктор продолжал подкладывать в печку тонкие полешки, а Иван сходил на речку с ведром и принес воду для чая. Он вернулся, неся в другой руке какое-то подобие веника, но оказалось, что это совсем не веник, а веточки дикой смородины для придания особого бодрящего вкуса и запаха чая. До этого Михаилу случалось пить чай из зеленых листьев смородины, но того, что гораздо лучше для чая подходили смородиновые веточки, он еще не знал. Женщины готовили обед. Глухарь пришлось очень кстати и, хотя его мясо оказалось достаточно жестким, наваристый бульон из дичи проголодавшимся путникам показался дивной едой. Смеркалось достаточно быстро. Но внутри зимовья света от печки с открытой заслонкой вполне хватало, чтобы не ощущать себя пленниками темноты. Снова уют и веселье были поддержаны умеренным возлиянием москвичей и умеренным же, но бóльшим возлиянием для привычных к другой норме Ивана и Виктора. Возможно, для приезжих пикантное разнообразие в ощущения вносила экзотика примитивной и от этого особо сильно действующей обстановки, когда на генном уровне организм каждого откликается на свое древнее пещерное прошлое, отнюдь не забытое в течение многих тысячелетий, как кажется беспамятным потомкам, не сомневающимся в том, что они совсем другие люди в сравнении с теми дикарями, которых они никогда не замечали в себе – пока не оказались в дикой природе, где надо было доказывать не только умение жить в привычных условиях, зарабатывая на жизнь городской работой, но и выживать там, где все может оказаться беспощадным, не только непривычным, и где все гораздо больше зависит от силы характера, чем от физической силы. Да и разве они по какой-то иной причине оказались здесь, нежели по той же самой? Где-то в глубине души и памяти до поры до времени спал тот же дикарь, который встрепенулся при слове «охота» – вернее – при призыве на охоту, тогда как никто из разношерстной московской компании ею одною всерьез никогда не занимался.

Михаил охотился только попутно, в походах. Остальные и такого опыта не имели, а все же сразу откликнулись и пошли. Конечно, не из примитивной тяги к убийству чьего-то живого организма, тем более – не из стремления обогатиться на дармовщину – ведь уже очень давно стоимость участия в охотах во много раз превосходила стоимость добычи. Даже сомнительное с точки зрения морали стремление потешиться, добываясь чьего-то умерщвления, нельзя было считать определяющей причиной для участия в охоте, как то было характерно для римлян, стремящихся посмотреть гладиаторские бои. Все-таки главным выступало другое – желание попасть в ту доисторическую обстановку, в которой начал формироваться характер человека, точнее – основа характера, донесенная до нашего времени без принципиальных перемен при всем при том, что он ни сном, ни духом не чуял этого, как будто вопреки всем бесчисленным воздействиям цивилизации. Отчего мужики так чувствительны к воздействию оружия на их подсознание даже когда они по натуре не военные и не охотники? Что происходит внутри них, почему руки сами тянутся приласкать предметы, способные принести гибель кому-то из окружающих, почему их так любят и нежно лелеют, готовы тратить на них так много денег просто ради того, чтобы они находились под рукой? Неужели в течение тех сотен тысяч лет, когда человек впервые обрел свое место на Земле в качестве вида, претендующего на планетарное господство среди всех ее насельников, ему так и не удалось обрести ничего другого, что дало бы ему пусть тоже фиктивную, кажущуюся, но хоть какую-то уверенность в надежности своего бытия, какая исходит от мысли, что он вооружен? Пусть эта уверенность многократно компрометировала себя в его глазах, приводила к еще большим несчастьям и потерям, от которых благодаря оружию он рассчитывал себя оградить, но он все равно ничего не мог поделать с собой, переделать внутри себя, чтобы избавиться от страсти, позволяющей тешить

себя иллюзией расширения своего могущества – больше того – действительно временной уверенностью в том, что благодаря обладанию оружием всё в жизни можно контролировать! А все потому, что история постоянно свидетельствовала о том, что безоружность или плохая вооруженность приводила к распространению еще больших несчастий и потерь в сравнении с теми, которые порождались обладанием хорошим оружием и умением эффективно его применять. Игнорировать этот глобальный значимости факт было совершенно невозможно. Экспансионист и консерватор, то есть обе сущности человеческого духа, в равной степени нуждались в оружии, чтобы тело, в котором поселился этот дух, могло побеждать и в нападении и в обороне – иными словами – просто могло продолжать жить в этом опаснейшем мире, перенаселенном всякого рода конкурентами, где безоружный – просто неуважаемое никто, либо труп.

Михаил даже не ожидал, что его сейчас так увлекут рассуждения на эту тему. К своему ружью, подаренному тестем к его свадьбе с Леной, он всегда относился с заботой как к самому себе, нередко даже с бóльшей, считая, что оно не должно страдать и терпеть урон из-за того, что по воле своего владельца оказывалось во вредных для него условиях, будь то сырость, запыленность, неухоженность, нечистота. Ведь к последнему оно так же органически чувствительно, как и нормальный культурный человек. И если ты знаешь как тебе самому для себя важно быть чистым, то и твой друг, от которого ты ждешь безотказной верности, вправе рассчитывать на то, что ты о том же самом позаботишься и ради него. Пусть для кого-то непонимающего все это выглядит странным, а то и нелепым культом, когда человек служит чему-то, в то время как это что-то само по себе должно безоговорочно служить ему и только его интересам – это не более, чем невежественная чушь, ведь все, на что ты надеешься и то, от чего зависишь, на самом деле **ВООДУШЕВЛЕНО**. Так уж устроен мир, что перенос духа с живого на неживое **ОБЯЗАТЕЛЕН**, и для этого совсем не обязательно исходить из концепции гениального Владимира Ивановича Вернадского насчет того, что во всей Вселенной ничего неживого нет достаточно просто чувствовать, что односторонне направленных зависимостей в мире не существует, они всегда взаимны, и этого никому из смертных не изменить.

После того, как компания отобедала и зарядилась теплом от еды, водки, чая, а еще больше – от докрасна раскаленной печки, пляшущего внутри ее огня, надо было устраиваться спать. Нары, хоть они и тянулись вдоль всей длинной стенки избушки, вместить всех пришедших даже при расположении тел поперек них никак не могли, и Михаил поневоле вспомнил о своем желании переночевать в спальном мешке под открытым небом в мороз, глядя перед сном прямо на звезды. Все сошлось как по заказу. Мороз к ночи очень сильно окреп, явно перейдя за минус 10 градусов и обещая к утру усилиться еще больше. Небо было черное, все сплошь в звездах. Одно только оказалось для него неожиданным – то, как из короткой железной трубы над крышей непрерывным потоком изливался сноп красноватых искр.

Устелив землю тщательно выложенным еловым лапником, Михаил разложил поверх него свой спальник и еще раз оглядел с высоты роста место отдыха. Заиндевелые ели позади и по бокам зимовья, освещаемые искрами из печной трубы, казались фантастическим фоном для действия, которое вот-вот начнется именно здесь: то ли пустится в плавание разводящий в котлах пары миссисипский пароход времен Марка Твена, то ли стартует ракета в вечную космическую ночь, проявляющую для нас звездные миры, о которых мы редко думаем в светлое время суток.

А вот сегодня выпала возможность думать о них хоть до рассвета, особенно если холод не даст заснуть. Михаил в самом деле не знал, как пройдет его экспериментальная ночевка – спальник был все-таки летний, лишь немного утепленный за счет наплечников и капюшона, не рассчитанный на такую морозную ноябрьскую ночь лицом к лицу с Космосом. – «Волков бояться – в лес не ходить!» – подбодрил себя Михаил. Лучше было верить в себя и свои возможности, чем в них сомневаться. Он улегся и устроился поудобнее, застегнув на груди застёжки. – «Господи» – пробормотал он – Никогда такого над собой не видел!» Он нашел

любимую Полярную звезду, заметил где сейчас находились Кассиопея и Большая Медведица по отношению к северу – направление на него было очевидно. Среди ночи, очнувшись, он мог, не доставая часов, знать, который час по перемещению созвездий на звездных часах вокруг Полярной – на пятнадцать градусов с прежнего места за час.

Михаил просыпался всего два раза за столь памятную для него ночь – и то не из-за холода, а по нужде. Вылезать из нагретого мешка не хотелось, но куда денешься? Избушка больше не выпускала в пространство искр из своих недр. Холод вселенной все плотнее прилегал к телу Земли. В свете фонарика стало видно, как сильно подрастает иней на всех голых поверхностях, будь то трава, хвоя, безлистные ветки. По тому, как быстро замерзли ладони и хотелось нырнуть обратно в спальник, чувствовалось, что мороз стал уже градусов двадцать. Загнав тело в спальник – и тем вытеснив из него остатки теплого воздуха, Михаил старался побыстрее нагреть его, искусственно вызывая дрожь. Он свято верил физиологам, утверждавшим, что благодаря ей мышцы выделяют вдвое больше тепла, чем в недрожащем состоянии. Так оно, видимо, и происходило. Вскоре температура становилась настолько приемлемой, что можно было больше не думать о ней, и тогда он снова засыпал под бесшумный круговорот небесного циферблата, на котором он прочел сперва два часа ночи, а во второй раз шесть часов утра. В восемь все уже были на ногах и кончали завтракать. Снова был чай, чудесно тонизированный мерзлыми заваренными в кипятке веточками смородины, снова они выбрались из полутьмы на светлый простор, где на солнце сверкали триллионы триллионов мельчайших зеркал густо осевшего инея. Этот иней буквально преобразил весь пейзаж. На миг Михаил попытался представить себе, как бы мог реагировать на такую картину природы какой-нибудь первоклассный живописец. Схватился ли бы он за палитру и кисть или сразу признал бы свое бессилие без напрасных проб – решить было невозможно. Какие-то писанные сюжеты с инеем он вроде бы видел, но разве на этих полотнах передавалось такое великолепие сплошь закудрявившей природы? Изобилие красоты превосходило человеческие способности даже воспринимать ее в полном объеме, а уж воспроизводить-то – тем более. Передать увиденное другим людям не было никакой надежды.

Компания разделилась. Большая ее часть пошла с Саней и Виктором, а с Иваном, сказавшим, что он тут слишком многое хочет обойти, увязался один Михаил, понявший, что Ваня его выделяет – по крайней мере, как ходока. Их ноги печатали плоские следы на серебряном ковре, укрывающем всю слегка всхолмленную местность. Внезапно Иван замер на месте и жестом остановил Михаила, затем кивком показал ему на куст, росший метрах в семидесяти впереди. На земле поверх серебра лежал серый заяц, как видно, еще вчера не ожидавший, что к сегодняшнему утру ему лучше было бы перелинять в белый наряд.

Они постепенно приближались, но заяц словно прилип к месту. – «Что же ты не удираешь, дурак? – подумал Михаил, когда Иван поднял свое ружье и выстрелил в зайца. Тот остался лежать, даже не дернувшись. – «Думал, что не заметим,» – удовлетворенно сказал Иван, поднимая стреляного зайца за уши. Правой рукой он вынул из скобки на своем патронташе «бурский пояс», которым была перепоясана его ватная фуфайка, топор и приложил передние заячьи лапы к стволу ближайшей березы. Двумя осторожными ударами он отсек от них по суставу пазанки для угощения скулящих от нетерпения собак, после чего отправил зайца в рюкзак. «Ты иди вперед и посматривай, может, встретишь еще, – тихо сказал Иван. – Я пройду левой. Встретимся за холмом», – и показал вперед. И Михаил вскоре действительно увидел еще одного зайца, но тот вскочил и сел на задние лапы, а потом пустился влево наутек еще до того, как оказался на дистанции выстрела. И тут его засекли ушедшие с Иваном Лапик и Дама. Михаил слышал их азартный лай и гадал, выгонят ли они зайца на Ивана. Выстрел с той стороны подтвердил, что действительно выгнали. Вскоре они встретились за небольшим холмом, и Михаил с радостью увидел у Ивана в руке еще одного зайца. Входило ли в планы Ивана, знавшего излюбленные места заячьих лежек, что Михаил по пути побудит зайца, а он его тут и перехва-

тит, не имело значения. Все были довольны – и собаки, получившие еще по одной пазанке, не меньше людей. Здесь Иван решил немного подкрепиться. Он достал из кармана рюкзака пару ломтей хлеба и несколько кусков сахара и протянул Михаилу. Тот взял один ломоть и один кусок сахара. Иван сделал то же самое. Когда первая порция была съедена, Иван предложил Михаилу взять еще. Что-то побудило его не взять, а спросить: – «А ты?» – «Я сейчас не буду,» – ответил Иван. – «Ну и я не возьму,» – сказал Михаил. – «Тебе нужней!» – возразил Иван. Все стало понятно. Иван полагал, что приедем до него все-таки очень далеко в смысле готовности к голодному терпению, и в этом, конечно, явно не ошибался. Но и Михаилу не хотелось выглядеть хуже, чем он был со своим походным опытом. Он засмеялся и отвел протянутую к нему руку доброго понимающего человека: – «Нет, Ваня, я не возьму. Все-таки правильной, когда поровну.» Иван не ответил. Он еще несколько секунд подержал в ладони бумажку с сахаром, словно решая, что делать дальше. Потом молча завернул оставшиеся кусочки и сунул их туда, откуда взял. Михаил понял, что выдержал еще один тест – по крайней мере, на «надежность», и потому переведен из категории людей, априори нуждающихся в скидках, помощи и жалости, в какую-то более высокую и достойную. Другой вопрос – насколько более высокую. Для этого еще предстояло и предстояло показывать себя каждодневно и ненарочито. Ведь иначе понимающему человеку ничего и никогда не удастся доказать.

Они вдвоем долго ходили по зарослям, пока не вышли снова к долине реки. Здесь она казалась шире, чем в том месте, где стояло Иваново зимовье, но именно здесь с берега на берег на сваях был перекинут пролет за пролетом узкий пешеходный мостик. Тот, кто его построил, сэкономил на перилах – они просто отсутствовали. Поэтому Иван перед переходом на другую сторону вырубил березовую жердь сначала для Михаила, а потом и для себя. Потом он первым ступил на прибрежный пролет и показал, как надо упираться жердью. Воду в одних местах схватил мороз, в других она продолжала течь среди ледяных заберегов. Двигаясь следом, Михаил чувствовал, что дополнительная опора здесь совсем не излишество. Где-то надо было доставать до дна, в других местах пробить лед не удавалось, и там надо было упираться в скользкий лед. Наконец, последний пролет остался за спиной. Михаил оглянулся и тотчас подумал о том, как часто художников-пейзажистов привлекали себе разные мостики и мосты, но как редко они натыкались в своей жизни вот на такие – тонкие, ажурные, не очень надежные и притом протяженные, а тем более соединяющие заиндеветавшие берега над обещающей вскоре совсем замерзнуть рекой. Многим ли из них охота мучить себя работой в мороз, когда быстро теряют чувствительность обнаженные пальцы, тогда как именно от их чувствительности и способности повиноваться воле художника так сильно зависит качество живописной работы? Вон Рокуэлл Кент изобрел для работы в Гренландии глухую рукавицу без пальцев – с одной только дырочкой, в которую он вставлял то одну, то другую кисть, держа ее твердо всей кистью руки. Но таких, как Кент, было явно немного. Может быть, Николай Константинович Рерих тоже писал в подобных условиях, или Борисов, или Рылов. Или вот тот художник-альпинист, который один уходил на высоту и жил там, работая, пока позволяли условия и запас сил и где с ним ненадолго сталкивались редкие восходители. К сожалению, фамилия этого подвижника, посвятившего жизнь и творчество горам, вылетела из памяти Михаила уже вскоре после того, как он посмотрел выставку его живописных работ в Московском клубе туристов, но сами его картины остались в памяти примерами убедительной достоверности картин художника, который проникся подлинностью бытия насквозь всем своим существом, в том числе и в обстановке нестерпимого холода. Кроме отличных видов гор там был и портрет альпиниста, пробивающегося вперед в пургу. Человек был написан только до плеч – и все же мастер передал его иссеченному снегом лицу столько выразительности, что зритель физически ощущал, каково приходится всему его телу на каждом шагу этого пути, где все сопротивляется воле человека и его желанию выжить, победить, преодолевая усталость, изнурение, возможно апатию в столкновении со стихиями ветра, снега, холода и риска сорваться почти на каждом шагу. И хотя здесь,

в Вятской тайге, мало что могло напоминать горы, Михаил успел хоть на чуть-чуть мысленно перенестись туда, где на человека просто наваливаются мощнейшие впечатления от вздыбленной Земли, нет, даже не Земли, ее внутренней, обычно невидимой праосновы, которая вдруг на всем видимом пространстве прорвала тонкую оболочку планеты и предстала вдруг в абсолютной неприкрытости ни с чем не считающихся сил, которые радикально меняют ход бытия, эпохи, ландшафты и – более того – биографии океанов и материков.

Вскоре после переправы Иван сказал, что пойдет один в сторону от реки, а Михаила он направил одного к зимовью, строго наказав, чтобы он шел, никуда не отклоняясь от реки. Идти по долине было скучновато, да и усталость уже давала о себе знать. Как и у большинства равнинных рек, русло у этой реки было достаточно извилистым. Михаила так и подмывало срезать меандры по хорде, и он едва удерживался, чтобы не нарушить данного Ивану обещания и не воспользоваться более коротким путем. Иногда встречались широкие просеки, прямо подстрекавшие воспользоваться ими. И только когда Михаил вдруг обнаружил, что находится напротив стоящего на взгорке Иванова зимовья, к которому можно было перейти по полуразрушенному автомобильному мосту, он сумел правильно понять настойчивое наставление Ивана не отклоняться от реки. Вспомнив, куда и по каким азимутам звали его уйти встреченные по дороге просеки, он осознал, что непременно промахнулся бы и в лучшем случае был бы обречен на возврат к реке, а то и на ночевку в лесу, если бы стал сворачивать еще куда-нибудь. И тогда Иван, не застав его в своей избушке, гонимый тревогой и раскаянием за то, что доверился нестойкому человеку, непривычному к тайге, вынужден был бы отправиться на поиски, несмотря на усталость и темноту. Слава Богу, он вернулся к зимовью раньше Ивана. А остальные и так уже находились там. Еще один день охоты прошел у Михаила без единого выстрела, но это не больно огорчало – так много впечатлений дал ему этот сверкающий инеем день после звездной ночи. Иван явился домой через полчаса и с явным облегчением перевел дух, увидев Михаила. Видимо, не у всех его гостей хватало терпения сделать так, как он их наставлял.

Несмотря на то, что в дневное время Михаил был разлучен с Люсей, мысли о ней нередко приходили ему в голову. Она виделась ему с ранее неизвестной стороны и потому стала ближе в своем походном наряде и с лицом, с которого исчезла косметика. Так для него было безусловно лучше – Женщина в активном общении с природой только хорошела – исключений из этого правила Михаил просто не знал. А косметика была ему ненавистна хотя бы тем, что портила женское существо, столь нежное, что средства, грубо утрирующие прелестные свойства личности, представлялись ему совершенно недопустимыми с точки зрения логики, потому что раздражали больше, чем прибавляли соблазна. Здесь он лучше, чем в Москве, мог наблюдать ее, как человека, и она ему нравилась больше, чем в Москве. А в конце-то концов, для чего он оказался в Бажелке, о которой недавно еще и слыхом не слыхал, если не для того, чтобы понять, сможет ли Люся занять в его существо то место, в котором обитала Оля в период расцвета их любви? Да, симпатии к Люсе с его стороны только возросли в этой поездке «на охоту», действительно на охоту в кавычках и без. Да, они обнимались и целовались перед сном, лежа рядом на полу в докторской квартире Сани. Но рядом тут же на полу лежали другие люди, и, возможно, по этой причине Люся отвергла его попытки проникнуть рукой внутрь, под одежду, а, возможно, и не только по этой. И была ли она готова принять его в себя даже наедине, он не знал. Да и в нем самом без пробы на деле разве мог произойти решительный перелом в пользу Люси? Нет, не мог. Опыт жизни однозначно свидетельствовал – умозрительно наперед ничего в точности не узнаешь, как ни старайся. Мечтать можешь – пожалуйста, пытаться достичь цели – конечно, тоже – старайся! Но выяснить с полной определенностью, чем это кончится и к чему приведет, ни он не способен, ни Люся, да и вообще никто на Земле. Ясновидящими они оба не были, да и знакомых с такими способностями не имели, а потому и были обречены узнавать обо всем необходимом постепенно, в ходе обычной жизни, в которой никому ни от чего и ни на что не дается гарантий: ни в любви, ни в увлечениях,

ни в обстоятельствах, ни вообще в отношениях с людьми. Пока что было ясно одно – целиком Люся его не захватила, как и он ее. И могло ли их движение навстречу друг другу завершиться Великой Удачей, имя которой Счастье, ради которой, собственно, только и стоило сблизаться изо всех сил, здесь было в принципе не более ясно, чем в Москве, где им предстояло жить вместе или врозь, не считая вот таких отпускных путешествий, как сейчас в Бажелку, или чего-то еще, вроде командировок. В одном только Михаил уверился больше, чем раньше – Люся действительно хороший человек и другим сама она не станет.

Наутро они двинулись в обратный путь. Как и обычно в приближающихся к завершению походах, ему с сожалением думалось о скором конце и этой вылазки на природу. Дома предстояло каждодневно ходить на постылую работу по найму, где правили бал титовы-обскуровы и другие более высокопоставленные товарищи в том же роде, кто чуть лучше, а кто и похуже. Перспектива такого рода не могла воодушевить. Работа, которой он мог отдаваться со всем увлечением, на какое был способен, не принесла бы ему никаких средств на жизнь. Даже в случае успеха первой книги он не представлял, скоро ли за ней напишет другую – верил, конечно, что напишет, только вот когда и, главное, не знал что для этого ему может понадобиться от самой жизни, от него самого, причем не только в виде упорства и профессионального мастерства, но и просто в виде жизненного материала, который писатель берется переработать в художественную вещь. Ведь кроме жизненных наблюдений для него другого материала не могло быть – фантазии насчет будущего ему не были присущи, комментировать нечто известное из прошлого человечества, создавая псевдо-новую реальность, он вообще считал делом презренным. А что он мог регулярно наблюдать и осмысливать в такой постыдно бедной высокими устремлениями городской жизни? В основном только то, о чем вообще не стоило бы писать, а если и стоило бы, то по большей части в противогазе. Вот таких материалов было предостаточно. Только вправе ли человек, именующий себя художником, писать о том, что самому противно, поскольку пишешь-то в первую очередь не для других, а для себя – иначе ничего хорошего не получится ни для кого; но сам-то ты уже всю эту гадость знаешь, а вдохновенно работать над ней не захочешь, то какой толк будет от такого продукта, если ты его все-таки напишешь и предложишь к изданию? Нет, быть живописцем только гадостной жизни у Михаила, как и у подавляющего большинства писателей, охоты не было. Исключения встречались только у людей со сломанной до полного извращения внутренних ценностей судьбой. Самыми известными из них Михаилу представлялись маркиз де-Сад и Федор Михайлович Достоевский. Смакование удовольствия от того, что должно было причинять другим людям наибольший моральный и физический ущерб, к чему де-Сад пришел от неограниченной распущенности и презрения к тем, с кем вынужден был заниматься интимным делом, раз уж его интересовало большее, чем мастурбация, вызывало у Михаила просто омерзение, хотя де-Сад безусловно не выдумывал скверны, которая сама по себе обитает в психике любого, в том числе и любого нормального человека, который жаждет счастья и удовольствия не для себя одного, а потому и изгоняет вон или по меньшей мере сознательно запирает эту скверну в самую дальнюю темницу своей души, всеми силами стараясь не дать ей просочиться оттуда, и темскомпрометировать себя как человека и даже как просто животное.

Федор Михайлович был, разумеется, совсем непохожим на Сада. Его занимало не инициативное, а вынужденное, принудительное и принужденное обитание в скверне. Конечно, не его одного интересовало, как ведут себя люди, в основном пребывающие в скверне, в какой степени они оскверняются сами или почему ниже какого-то предела не оскверняются дальше гадостью, с которой живут и имеют дело. Но Достоевского интересовало только это, ТОЛЬКО ЭТО. Он не видел смысла в своих писательских устремлениях заниматься другим материалом – хотя бы на равных с тем, который он для себя избрал. И потому, несмотря на его высокое профессиональное мастерство – более того, на гениальную способность обнажать и подавать читателю именно гадость, сам Достоевский в глазах Михаила отнюдь не выглядел

гордостью родной великой русской литературы – скорее великим пациентом, возможно, даже величайшим, кому в сумасшедшем доме жизни дали вволю бумаги, чернил и времени, чтобы писать авторизованную историю болезни – и своей собственной, и окружающего человечества, да еще и измышлять новые способы усугубления мерзости бытия помимо тех, которые уже знакомы всем и каждому. И потому Михаил отвергал от себя Достоевского, не включал в свое литературное или философское домье, притом ничуть не сомневаясь, что это великий мастер. А разве кто-нибудь из безусловно верующих во Всеблагое отношение Небесного Отца к чадам своим сомневался в великих способностях Князя Тьмы, разжалованного Господом из чина любимейшего Архангела Света – Люцифера – за его претензию на переустройство Мироздания на другой основе, чем Промыслил ее сам Творец? Почему человечеству из века в век предлагают клеймить Сатану, но уже в течение полутора веков его обучают преклоняться перед Достоевским – это не укладывалось у Михаила в голове. И дело было совсем не в том, будто он вопреки любителям темного русского гения считал его дьявольским отродьем – нет! и еще раз нет! (да и как считать Сатану совершенно черным пакостным существом после того, как Михаил Афанасьевич Булгаков, сын профессора богословия, доказал всем советским гражданам, что этот самый Князь Тьмы в обличье профессора Воланда своей моралью и человеколюбием существенно отличается в лучшую сторону от «самых человеческих» духовных наследников «самого человеческого человека» – Владимира Ильича). Отношение Михаила к этим двум выдающимся творцам человеческой культуры и духовности – Булгакову и Достоевскому – определялось совершенно другим: их направленностью, их устремленностью одного в сторону, а другого прочь от лучезарного источника света, от Небесного Маяка, на который нам следовало бы всегда осознанно держать курс по собственной доброй воле именно потому, что мы обязаны ощущать себя не только (или даже не столько) рабами Божьими, но и Его Творениями, для которых исключается возможность примирения или даже прагматической солидарности с ними – и с Воландом-Сатаной, и с Достоевским. А уж по поводу знаменитых расхожих цитат из Достоевского насчет «цены слезы ребенка» или того, что «красота спасет мир», Михаил с абсолютной непримиримостью изобличал чудовищные логические извращения автора данных сентенций: это Миру, сотворенному Господом Богом, органично присуща высшая красота Небесного Творения, к которой человек приближается маленькими шагами в своем постижении Истины, и потому его, этот Мир, не надо спасать какой-то другой красотой, поскольку она ему и без того присуща в наивысшей мере – а раз так, то не человеку прибавлять к ней нечто большее, чем то, что она и так имеет. А насчет единой слезы невинного ребенка в мире, раздираемом противодействиями, в которые вовлечены вместе со всеми взрослыми и ВСЕ без исключения дети, даже царские, с полным правом можно изобличать возмутительную лживость этого утверждения, потому что на другой чаше весов против слезы одного ребенка – полным-полно всего остального мирского, в том числе – неотлучно! – и слез бесчисленного множества других детей.

Однако человечество не критично к своим кумирам и готово повторять вслед за ними и бесспорно мудрое, и спорное, и безусловно глупое. А ведь не зря же сказано – в виде важного предостережения! – что на всякого мудреца довольно простоты, то есть дури, и потому не стоило бы бездумно повторять все изреченное авторитетом, возведенным на высокий общественный пьедестал.

Да-а... При всем своем почтении к классикам русской прозы и искренней любви ко многим произведениям большинства из них Михаил откровенно отрицательно относился к Достоевскому. Повлиять в этом смысле на общество, добиться изменения стереотипных суждений у него не было никаких шансов – это он понимал, точно так же, как понимал, сколь многим приятно следовать по извилистым дорогам и тропам, которые чей-то травмированный или от роду больной разум прокладывает в своей индивидуальной ночи в нашей внутренней terra incognita, где мы обречены на странствия и блуждания – у кого как получится – пока мы

не покинем этот свет. Осуждать характер такого автора через сто с лишним лет после того, как он создал то, что теперь многие воспринимают как предмет для восхищения и подражания, было бы несправедливой и непростительной глупостью. Разве его дело судить о личности, крупней которой в литературе мало кого можно было бы усмотреть? Его дело было думать о себе, о том, что брать из арсенала мировой культуры в доступной ему части для собственного оснащения в будущих перипетиях жизни, а чего не брать несмотря на успешное применение этого неподходящего именно ему для достижения неких целей в неопределенном будущем.

У Михаила почему-то не возникло желания поделиться с Люсей мыслями о Достоевском, которые почти ни с того, ни с сего вдруг пришли ему в голову. То ли потому, что они сюда попали совсем не для этого, то ли потому, что не ожидал от Люси проявления встречного интереса к обсуждению данной темы. Пока он ее еще очень мало знал. Конечно, имел представление о том, что ей совсем не чужд интерес к литературе и музыке, а уж к кинематографу – тем более. Вот с Леной, пока еще продолжающей быть его женой, несмотря на монотонно возрастающее нежелание продолжать с ней совместную жизнь, особенно в результате знакомства с Олей, он мог бы и теперь не задумываясь, говорить о чем угодно и наперед знать, что и ей это будет безразлично – столько общего у них накопилось за все время, пока они были вместе, в том числе и в серьезных походах, а этого тем более не сбросить со счетов, даже когда занят поиском новой спутницы жизни. С Олей и то было меньше общего, чем с Леной, во всех сферах, кроме сексуально-любовной, что несколько тревожило Михаила еще тогда, когда они твердо верили в свое скорое общее семейное будущее, хотя их желаний на этот счет хватило лишь на два с половиной года. Стаж знакомства с Люсей был еще куда более скромнен – около трех недель. Для чего-то, конечно, и такого достаточно – например, чтобы усмотреть некую перспективу для возникновения постельных отношений по взаимной охоте и согласию, для чего-то другого, возможно, и нет. Люся была ярко выраженным компанейским человеком. Ее занимали всякие-разные общественные начинания – разумеется, не в сфере политики, а такие, как хождение вместе с приятелями на выставки, концерты, на кинофестивали, где прямо на месте или по свежему следу можно было поделиться своими впечатлениями и узнать, что переполняет их. Она держалась просто, оставалась открытой для общения с симпатичными ей людьми, которым и сама хотела нравиться, но насколько глубоко она принимала в себя чужие впечатления и чужие мысли, готова ли была к глубинной откровенности даже с приятелями, Михаил покуда не знал. Чувствовать-чувствовал, но уверен не был, а ведь ошибиться вновь совсем не хотелось. И что делать с Люсиным курением, он вообще не представлял. Убеждать ее, что это вредно, не имело смысла – это она хорошо понимала и без него. Даже ее глубокому и звучному голосу это наносило ущерб, поскольку уже вызывало никчемное покашливание. Но воз-то был и поныне там. А вот о том, чтобы у Люси любовь к Михаилу вытеснила любовь к сигаретам, пока и речи быть не могло. Ради простой симпатии к человеку разве откажешься от привычки, вошедшей в приятный каждодневный обиход? Как раз на этот-то счет Михаил почему-то был совершенно уверен – курящая женщина не будет его женой. Знакомой – пожалуйста, любовницей – возможно, но женой – нет, никогда. Возможно, потому, что со всеми женщинами, кроме жены, как бы они ни были хороши, целоваться случалось бы только от времени до времени, а с женой можно было гораздо чаще, всегда, когда этого хотелось, а, может, сюда вклинивалось еще что-то, чему пока еще Михаил не нашел причины – но в любом случае альтернатива «я» или «курение» прочно сидела у него в мозгу, когда речь шла о сближении с женщиной всерьез и надолго, тем более – навсегда. Кстати, Михаил умозрительно вполне был готов к тому, что может столкнуться с подобными ультимативными условиями при установлении прочных близких отношений со стороны женщин к себе. Например, если ей окажется необходимым, чтобы он ездил с нею на курорт на море, а не уходил в поход. Или чтобы и он разделял с ней удовольствие от курения, поскольку в это время вокруг курящих создается особая общая атмосфера, когда откровенность делается для них совсем натуральной бла-

годаря слабоуловимому, но реальному никотиновому наркоэффекту. Пошел бы он на согласие с подобными ультиматумами? По всей видимости – нет. Тогда бы и более важные вещи утратили для него свое значение, а этого он себе не желал. Да, ему несомненно хотелось знать о Люсе еще больше, чем он успел узнать и в Москве и на Бажелке, как, впрочем, и Люсе в свою очередь насчет его.

Обратный путь из Иванова зимовья в поселок вопреки ожиданиям прошел еще удачнее, чем путь из Бажелки. Форсировать реку Козел с мокнувшей в ней рояльной древесиной удалось всем без приключений, хотя именно этого момента Михаил ждал с некоторой тревогой, помня о своем к счастью легком конфузе при первом знакомстве. Потом компания ненадолго разделилась, и снова Иван с Михаилом отправились в сторону от общего маршрута, а там собаки вскоре побудили и погнали с голосом зайца, и на этот раз Иван так поставил своего гостя, что заяц в достаточно густой чаще вышел именно на него. Точнее – «вышел» было совсем не то слово, которое соответствовало действительности. Лай собак казался еще не очень близким, когда слышались удары ног по мерзлой земле, а потом еще и тяжелое дыхание. Михаил вскинул ружье в плечо, собираясь ждать зайца еще сколько-то времени, и вдруг тот выскочил почти рядом метрах в десяти, и Михаил от неожиданности по нему два раза промазал. Через минуту по следу выскочил Лапик, а потом и Дама. Они скрылись следом за зайцем почти сразу же после того, как оказались на виду. Лапик успел только метнуть на мазилу презрительный взгляд. Потом появился Иван. Он ни словом не обмолвился насчет промахов, показывая всем видом, что, дескать, на охоте всякое бывает, так что нечего особенно переживать. Возможно, Иван и сам ждал, что заяц пройдет иначе и выскочит именно на него, а не на человека, который еще ни разу в жизни не стрелял из-под собак и даже не думал, что они могут так сильно отставать от гонимой дичи. Потом они вдвоем догнали отдыхающую компанию, и Иван передал Михаила, в котором был, наверно, все-таки сколько-то разочарован, под надзор Виктора, а сам отправился, по его словам, в еще один небольшой крюк, чтобы что-то проверить.

Они уже некоторое время пробыли в докторской квартире при больнице, когда пришел слух, что Иван убил рыся. Саня, Люся и Михаил тотчас отправились посмотреть рыся и узнать подробности. Михаилу было досадно, что главное событие всей охоты прошло без него, хотя, будь он настойчивей, особенно если бы не промазал по зайцу, вполне бы мог оказаться свидетелем события, а то и, глядишь, и его участником. Но настаивать на сопровождении Ивана в дополнительный обход после промаха было неудобно – и вот результат – Михаил оказался наказанным. А все произошло очень скоро. Собаки снова подняли зверя, но по характеру их голосов Иван понял, что это не заяц, кто-то серьезней. К тому же гона практически не было, собаки лаяли на одном месте. Подойдя и посмотрев вверх, куда указывали собачьи носы, Иван увидел высоко над собой рысь и выстрелил по ней. После этого зверь свалился на землю, но еще явно был жив. Иван, видя это, выхватил из скобки на патронташе топор и в несколько прыжков подскочил к лежащей рыси и сильно стукнул ее обухом по голове. Зверь затих, и Иван перевел дух. Схватка могла быть и куда более неприятной, если бы рысь не была ошеломлена раной от дроби и падением. Однако все обошлось. Люся заморожено гадила ладонью шелковистый мех, особенно красивый на брюхе, где он был серебристо-белым, покрытым там и тут небольшими круглыми серыми пятнами. Михаил сразу предложил Ивану купить мех рыся. Иван вслух посчитал, сколько бы ему дали в конторе за шкуру вкупе с премией за уничтожение хищника. Вышло тридцать рублей. Михаил тотчас отдал Ивану всю сумму, и тот пообещал, что отправит ее в Москву вместе с Люсей Подосинниковой, которая собиралась еще несколько дней побыть в поселке с мужем. Сегодня Иван уже никак не мог заниматься снятием шкуры, тем более ее начальной выделкой, причем не только по причине утомления, но и потому, что уже успел до прихода москвичей всерьез приложиться к ожидавшей его в доме браге. Он и гостей заставил сесть к столу, а затем и выпить по стакану браги. Пойло было неприятное, но обидеть Ивана они не могли. Хозяин широко улыбался им, довольный тем,

что они пришли поздравить его с добычей, похвалили и его, и добытого зверя, да еще наперед заплатили за его мех. И потому одним стаканом браги дело не ограничилось. Брага показала Михаилу не особенно крепкой, но что он мог о ней знать? Пока хозяин с хозяйкой им подливали, старая женщина с провалившимся носом подкладывала им закуску, и Михаил уже не помнил, как оказался в больнице, очнувшись на матрасе на полу. В голове и внутри живота было паскудно. Мутная брага замутила сознание – как он не смог сразу это сообразить! Неужели все непременно надо постигать, проходя через скверну, а без этого ничего не выходит? Черт бы драл эту брагу и лихость, с которой Михаил опрокинул в себя стакана три, о которых еще помнил, а не было ли потом и еще? Эта дурацкая лихость закончилась полным позором. Теперь вот он силится придти в себя в одиночестве, в то время, как его спутники дружно, весело и культурно принимают за воротник то, что еще вполне переносимо для городских российских организмов, в то время, как ему и подумать нельзя, чтобы присоединиться к ним. –«Вырвало бы поскорее,» – с надеждой думал он, с трудом выбираясь во двор. Но его лишь тошнило, но не выворачивало. Не помог даже народный способ вызвать сильный спазм – засунуть два пальца поглубже в горло. Среди скверных последствий принятия браги, которые уже были ясны или могли вот-вот произойти с ним в любой момент, он не забыл еще об одном – вместо того, чтобы сблизиться с Люсей насколько это возможно – не исключено даже, что и полностью – как знать? – ему теперь придется изо всех сил стараться выйти из свинского состояния, в котором он уже оказался, и не дать ему превратиться в еще более свинское, если, конечно, он и тут не переоценивает себя, и брага не выдаст ему еще один нокаут. А ведь как хотелось достойно отметить все здешние знакомства и события! Спутники московские и особенно Бажелские – все сплошь симпатичные люди – и он, скорее всего, тоже таким им казался, пока не скомпрометировал себя. Теперь вот попробуй смыть с себя позорное пятно! И первое, что проистекало из вполне заслуженных им обвинений, что он «не умеет пить» (а в России это нередко оборачивается не только одним моральным ущербом для репутации, но и приговором в карьере), но оно еще не являлось самым худшим. А хуже-то было то, что его считали неглупым, возможно, культурным и порядочным человеком, а теперь что они могут подумать и вообразить? Что он – алкаш, не имеющий силы воли, чтобы удержаться в рамках пристойности и не портить настроения людям, имевшим неосторожность довериться Люсиной рекомендации? Да и самой Люсе каково будет расхлебывать последствия ее ошибки в нем? Мысли такого рода одна за другой кружили в голове Михаила словно для того, чтобы наткаться на все новые дефекты его личности и поведения. А что, собственно, еще могло придти ему на ум?

Однако к счастью его не стали клеймить ни косыми взглядами, ни прямыми словами. Постепенно Михаил возвращался к усредненному состоянию проштрафившегося русского выпивохи, который просто «перебрал» (а с кем только подобного не бывало, не бывает и не будет еще происходить в нашей дорогой сильно пьющей и черт-те что пьющей стране). Соревноваться с нашими специалистами в данном виде спорта вряд ли кому под силу, но издержки в таком деле все равно неизбежны. Скверно было только то, что он сам попал в их число.

На следующий день его самочувствие стало почти нормальным. Гордости за себя это не прибавляло, но заметить примирительное отношение к непристойному срыву все-таки позволило. Во второй половине дня им предстояло вылететь из Бажелки в Киров, там сесть на поезд и после ночи, проведенной в нем, снова очутиться в Москве. Но пока они жили в Бажелке и Бажелкой.

Саня Подосинников был удовлетворен состоянием пациентки, которой он вырезал аппендикс в канун «писселетия» Советской власти. И снова Михаил с Люсей услышали от него откровения о жизни одиноко живущего и оперирующего врача, которому приходится бороться не только за жизнь и здоровье пациентов, но и за свое тоже. А опасности он, видный, красивый

и пользующийся уважением за ум и умения, мог подвергнуться с самой неожиданной стороны. И подвергся. Санина жена, Люся, жила в основном в Москве, где работала и училась. А посему попасть к ее мужу в постель во время этих весьма длительных промежутков между прилетами жены, оказалось кое для кого очень соблазнительным и полезным. Дальше всех зашла его же собственная медсестра. Со знанием дела – причем с самым детальным с точки зрения представлений, которыми в силу своего развития должно было руководствоваться Бажелское общество, она обрушила на доктора Подосинникова не подлежащее опровержению обвинение в изнасиловании, которому он ее подверг. Ночью, когда она дежурила, доктор грубой силой поставил ее в позу, разрезал скальпелем трусики, чтобы не возиться с ее раздеванием и не дать ей шансов вырваться из его рук и, естественно, довел процесс до конца. Что она могла представить в доказательство обвинения кроме своих скрупулезно продуманных подробностей, Саня не рассказывал. Кроме сознания невинности ему помогло отбиться и то, что можно было счесть если не общественным мнением, то уж во всяком случае, общественной заинтересованностью в нем. Кто будет лечить жителей поселка, если она его посадит? Да и могло ли это быть (если было) ее истинной целью? Вероятней, она целила на другое – испортить клеветой его репутацию в глазах жены, заставить ее разорвать и без того странный ненормальный брак от сессии до сессии и под страхом уголовного наказания просто заставить Саню жениться на себе – в этом случае она, разумеется, забрала бы заявление обратно. Саня показал им эту женщину. Молодая, не очень красивая, но и не дурна собой, она не делала вид, что в чем-то еще заинтересована кроме работы при данном докторе. Ни о том, что она хотела бы завладеть им как мужем, ни о том, что, возможно, горячо желала, чтобы он ее действительно изнасиловал, даже подумать было нельзя. Но по логике вещей она должна была больше желать, чтобы он взял ее грубой силой, а не просто овладел без спросу и без видимости сопротивления, потому что лишь в этом случае она могла рассчитывать получить власть над ним. Но вот не вышло. Никто не пожелал ей поверить – ни прокурор района, ни местные жители, ни Люся Подосинникова, которой Саня сам рассказал обо всем.

Затеянная медсестрой интрига не отличалась ни сложностью, ни оригинальностью. Зато по мысли автора она кратчайшим путем вела к цели. Сколько раз это простое оружие в умелых руках одерживало верх над дорогим и вычурно сложным, было хорошо известно и из военных, и из бытовых историй, что, собственно, и вылилось в лапидарную форму национальной русской поговорки: «Против лома нет приема». Но если вдуматься в условия ее существования и в возможную подоплеку ее замысла, то он переставал казаться примитивным и импульсивным. Медсестре совсем не хотелось всю жизнь до старости проторчать в такой дыре, как Бажелка, независимо от того, была ли она ее уроженкой или приехала в нее откуда-то со стороны. А доктор собирался стать кардиохирургом в Москве, в институте имени Бакулева. Ей было сложно самой перебраться даже в областной центр, не говоря о «столице нашей Родины», а тут все разом могло осуществиться одним смелым броском. Почему она не попыталась соблазнить Саню, не прибегая к лжи и шантажу? Нет, не то – почему ее попытки соблазнить не дали результата? – ведь не может быть, чтобы она не попробовала – ведь парень действительно был красив, хорош и почти одинок, воюя с собой в самом жарко опаляемом страстью возрасте! Допустим, не очень нравилась. Но даже в сравнении с его женой она не выглядела много хуже (сама же она наверняка считала, что лучше). Во-вторых, в ее распоряжении находился не только день, но и ночь. Во время ночных дежурств она могла беспрепятственно и незаметно для сплетников приходить к нему прямо из больничных помещений в квартиру, а там в спальню, а там, глядишь, и в постель. И под белым халатиком, как это часто принято в сексуально раскованной атмосфере больничных коллективов, в таких случаях вообще не было бы больше ничего. Случайный взмах полой – и взору желанного предстанет то, что заставляет подчиниться себе лучше всяких уговоров. А он возмутительно этого не захотел. Значит, дело было в другом. Возможно, что в соответствии с патриархальными поселковыми взглядами на брак она не годилась

для роли благоверной жены – то ли сама сильно испортилась, гуляя в девках, то ли ее испортили в общем мнении – не исключено, что ее на самом деле изнасиловали, и в последнем случае тоже была вероятность, что кое-что в грубо принудительном акте ей все-таки очень понравилось – а отсюда до ее сценария овладения Саней Подосинниковым оставался всего лишь один маленький шаг. Жаль было видеть, во что у нее вылилось естественное и благородное стремление нравиться, любить и быть любимой. И одновременно жить там и так, чтобы чувствовать себя довольной и не скучать. Казалось бы, что плохого, если женщина искренне предлагает себя? Ан нет, желанному она не нужна, он уже занят другой. И чем его тут достанешь, если ее отвергают с порога со всем лучшим, что в ней есть? Только совершенно подлыми средствами: клеветой, бесстыдством и шантажом. А коль скоро цели своей она не достигнет, то пусть он хотя бы будет наказан ЗА ЭТО. У нее нет других возможностей пробить себе путь в лучшую жизнь – нету, хоть тресни. Оставаться одной среди множества обездоленных, не понимая и не соглашаясь с тем, что ей нет места среди тех, кто не лучше ее, но кому хорошо – с этим не было смысла мириться, безнадега взывала к действию, и она это действие произвела. Честная конкуренция – это блеф, придуманный и пущенный в нравственный оборот теми, кому повезло от роду ли, от случайных ли обстоятельств или от опять-таки непонятно откуда взявшихся в человеке таких особо ценимых качеств, как красота, ум и выдающееся умение нравиться, в то время, как на самом деле у конкуренции почти всегда черная, в пятнах грязи изнанка – ведь никто не хочет умирать, сдаваться, терпеть поражение и смиренно довольствоваться тем, что им оставят из милости выигравшие главный приз! Нет уж, дудки! Вам, уже попавшим на праздник жизни, или тем, кто имеет хорошие шансы войти в их круг, тоже не должно быть пощады, вас тоже не за что беречь, любить и жалеть, раз вы можете процветать, когда другие, кто не хуже вас сами по себе, лишены этого в нашем мире господства неравенств во всем, что чего-то стоит; в мире, где всего хорошего – одна постоянная нехватка, а мы всё появляемся в нем и появляемся, нас всё впихивают и впихивают в и без того уже сверх меры переполненный вагон, в котором и обещают доставить всех к счастью. Разве не всем рожденным в этом мире дают понятие о Рае, о райской жизни – и разве тем самым не внушают надежду насчет того, что и ты, как все остальные, будешь вечно существовать именно там, наслаждаясь каждым мгновением блаженства? А кому действительно открывается рай или даже некоторое ущербное его подобие? Тем, кто заслужил этого своим горбом? Дудки! Кто горбатится в мире больше крестьянина и крестьянки (особенно последней!)? Никто! А в кого они превращаются – эти здоровые, статные, сильные девки к старости после «трудов праведных»? В кособоких, скривленных, еле двигающихся старух. Где заслуживаемый ими рай, где? Да там, где их нет, куда их не пускали и не пускают, да и не пустят самих никогда. Туда надо протыриваться и пробиваться.

Михаил спохватился, что его далеко занесло – здесь все-таки Бажелка, небольшой поселок с небольшой больницей, с одним доктором и двумя медсестрами, одна из которых сочинила несбывшийся стратегический план. – «Ну и что, что поселок Бажелка и при нем больница с тремя сотрудниками медперсонала?» – возразил он себе. – В том-то и дело, что и здесь, как и в любых других местах, будь то столицы, университетские города или населенные пункты, каких нет ни на одной карте, кроме военных, люди думают, что им делать со своей жизнью, как ее провести. И чем уже там круг возможностей материального или светского преуспевания, тем естественней люди склоняются к материализму, а от него к коммунизму, а от того уже к терроризму по отношению к собственному народу и соседним странам; тем естественней страждущие отделяются от мира идеалов духовного плана, а там и от морали, от веры в Бога и знаний о Боге, от почитания культуры и обычаев тех предаваемых проклятью прошедших времен, когда люди просто не знали, не понимали, как им надо жить без эксплуататорских классов, а, главное, от убеждения в вечности существования каждого индивида и до, и после неизбежной смерти. Философия, та или другая, прорастает на любой почве, пробива-

ется сквозь любой покров, как трава, взламывающая асфальт. Но истинной бывает только та, которая снисходит на человека с Небес, когда он остается один на один с природой, с Космосом и со своими вопросами, на которые истово старается найти ответ для озарения своей души.

Глава 7

Они покинули гостеприимный дом, Санину больницу, перешли по виспячему мостику через Федоровку и вновь оказались на летном поле. Опасения насчет того, что из-за непогоды самолет в Бажелку не прилетит (а осенью вероятность нарушения расписания всегда была особенно велика), не оправдались. Ан-2 прибыл вовремя, без задержки принял пассажиров, разбежался по неровной поверхности поля и взмыл вверх. На какой-то миг внизу промелькнули машущие руками провожающие, крыши домов с буквенно-цифровым обозначением поселка – и Бажелка исчезла из вида. Было грустно улетать из нее. Кратковременная отлучка из Москвы близилась к концу. Снова предстоял переезд из Кировского аэропорта местных линий на железнодорожный вокзал и ночь в поезде. А дальше возвращение на круги своя.

Утром они обыденно быстро и просто расстались на вокзале. На прощанье Люся с готовностью ответила на поцелуй Михаила. Впрочем, они могли свидеться на работе всего через несколько часов.

За время отсутствия Михаила в течение двух рабочих дней ничего особенного в отделе не случилось. С возвращением просто продолжилась унылая череда серых дней в прямом и переносном смысле слова. С Люсей же у Михаила начался новый период отношений – дружба на грани любви. Интерес друг к другу после поездки в Бажелку у них отнюдь не увял. Время от времени он заходил к Люсе домой, но чаще они виделись на работе. Люсины родители встретили Михаила приветливо – должно быть, потому, что в их доме часто бывали приятели дочери. Всегда среди них мог оказаться кто-нибудь новенький. А уж окажется ли он женихом, судить с первого взгляда они не спешили. Люсины родители проектировали горношахтное оборудование и была в этом деле на видных ролях. Люся корпулентностью заметно превосходила маму, и в этом смысле явно удалась в отца, Антона Борисовича, очень рослого и крупного мужчину, лицом и пристрастием к курению очень напоминавшего сэра Уинстона Черчилля. Хотя он и не являлся премьер-министром, но все же занимал заметную должность – был заместителем директора института авиационной технологии.

Антон Борисович умел безо всяких усилий со своей стороны производить приятное впечатление даже на незнакомых людей и завоевывать прочные симпатии у знакомых. Почему-то было легко представить, как его полюбила молоденькая Наталья Антоновна, а он – ее, хотя это случилось давно, еще до войны. В 1942 году Антона Борисовича послали в длительную командировку в США для приемки поставляемых в СССР военных самолетов, причем настолько длительную, что туда же разрешили уехать к мужу Наталье Антоновне с четырехлетней Люсей. Это путешествие в Америку запомнилось Наталье Антоновне как эпопея на всю жизнь. Сначала они через всю Россию ехали из Москвы во Владивосток, а там пересели на торговый теплоход, который должен был доставить их кружным путем мимо Камчатки по Берингову морю в порт на западном побережье Америки. Как женщина с единственной дочерью решилась на этот весьма рискованный рейс, было трудно понять. Скорей всего властно звала любовь, не признающая препятствий на своем пути. Тяжелые осенне-зимние шторма были далеко не самыми опасными из них. Случаи, когда японские подлодки втихаря в отместку за поражение на Халхин-Голе, несмотря на мирный договор с СССР, но в соответствии с союзническими обязательствами перед Гитлером, топили советские торговые суда, происходили с пугающей частотой. Несколько ближних к Японии Алеутских островов были захвачены японцами, и оттуда могла исходить угроза атак еще и с воздуха. По словам Натальи Антоновны, морской переход страшно затянулся. Уже заканчивалась на борту пресная вода, когда они все-таки благополучно пришвартовались к причалу в американском порту. Дальше-то все пошло как по маслу. Оказаться после отъезда из истекающей кровью голодной и нищей России в изобильной и мирной Америке было равносильно преображению. Никаким «щучьим веле-

нием» в родной стране нельзя было бы осуществить подобных перемен. В штатах они хорошо и вкусно питались и без труда приобретали себе всевозможные вещи на годы вперед. Это Михаил представлял себе вполне предметно. Мамин коллега по архитектурной мастерской, который еще до войны полтора года прожил в Америке, работал на сооружении советского павильона на Всемирной выставке. Из этой командировки Николай Иванович Гришин привез не только множество всякой всячины для себя и своей семьи, но и для близких знакомых на работе, пусть это были сущие пустяки с американской точки зрения, но только не для советских людей. Это были карандаши и точилки для них, кнопки, верно служившие годами (чего об отечественных никак нельзя было сказать), альбомы для рисования, ластики, а еще рубашки и блузки для десятка посторонних людей! Даже на Баженку Люся приехала в отлично выглядящем кожаном пальто, приобретенным еще во время войны в Америке. Конечно, у самой Люси осталось мало собственных воспоминаний о том времени, хотя, возможно, заокеанская жизнь отразилась на ее облике – высокая, стройная, но не хрупкая, рыжеволосая, как потомок выходцев из Шотландии или Ирландии (в этом она не походила ни на отца, ни на мать) – по крайней мере, Михаилу казалось, что так могло быть на самом деле. Ведь генотипы складываются не только за счет общего происхождения членов племени от немногих его основателей, но и за счет особенностей той местности, той страны, где они обитали, особенно в детстве. Слава Богу, сталинским органам госбезопасности, в своей бдительности подозревающим в измене всех граждан родного государства, посланных им же работать за рубеж, на сей раз не пришлось в голову обвинять Антона Борисовича, что он стал американским шпионом. Поэтому Люсино детство, юность и дальнейшая жизнь не были перечеркнуты жирной клеймющей черной краской – член семьи врага народа – и жила она вместе с обоими родителями. Повзрослев, она сама или с помощью матери узнала, что у Антона Борисовича есть и другая женщина, и Люся даже разговаривала с ней, стремясь предотвратить развод отца с матерью. Развода действительно не произошло, но Михаил не думал, что это было следствием Люсиного вмешательства в интимную сферу отца. Скорее причина была в том, что у Антона Борисовича имелась далеко не одна любовница, а жениться на каждой из них он и не предполагал. Наталья Антоновна явно принадлежала к тому постепенно сокращающемуся кругу женщин, которые знают об изменах мужей, но не ищут выхода ни в разводе с целью начать новую жизнь с другим мужиком, ни в том, чтобы компенсировать понесенный ущерб самым эффективным способом, заведя любовника или любовников самой. А еще Люся узнала, что главной страстью отца стала игра на тотализаторе. Он был завсегдатаем ипподрома и просаживал там большую часть своей зарплаты. Люся не столько с возмущением, сколько с изумлением рассказала Михаилу о своем открытии: матери на семейные нужды он отдавал всего двести рублей в месяц, получая в то же время шестьсот. –«Представляешь – шестьсот!» Это были очень большие деньги в то время. Официальный оклад министра (конечно, это было не все, что он получал деньгами от государства) составлял пятьсот рублей. И в основном эти деньги отца пропадали на скачках и на бегах. Но Антон Борисович заставлял свою дочь удивляться не только по денежным поводам. Она и представить себе не могла, насколько велика была его популярность в самых неожиданных местах. Однажды, когда Люсе предстояла командировка в Ленинград, отец, зная, как трудно там бывает устроиться в гостинице, сказал дочери: если ничего не будет получаться, обратись в «Октябрьскую» гостиницу – и назвал несколько имен, добавив: «Думаю, помогут.» Помощь действительно потребовалась. Но когда Люся нашла даму – одну из названных отцом сотрудниц персонала «Октябрьской», реакция на то, как она представилась, была просто невообразимой. Дама схватилась за телефон и голосом, полным ликования, сообщила двум коллегам: «Марья Семеновна, Екатерина Ивановна, идите скорей ко мне! Знаете, кто к нам приехал? Дочка Антона Борисовича!!!» Примерно тоже самое случилось потом и в Гаграх. На сей раз Люсе немедленно предоставили приют в старейшей, основанной еще самим принцем Ольденбургом и самой фешенебельной гостинице в Старых Гаграх – в «Гагрипше», где получали

афронт куда более именитые и состоятельные люди. Такова была житейская слава ее отца. Можно себе представить, что творилось бы в «Октябрьской» или в «Гагрипше» или в любом другом месте, где знавали Антона Борисовича, если б туда явилась не его дочь, а он сам.

Михаилу нравились оба Люсиных родителя: Наталья Антоновна за душевный склад, за долготерпение и стойкость, в конце концов – за воспитание дочери; Антон Борисович – за мужское обаяние, сильное и не злодейское, потому что даже не лучшие с точки зрения общественной морали страсти, которым он был привержен, не влекли за собой изменений в его первооснове, а первоосновой в нем было добро.

Наталья Антоновна, несомненно, хотела видеть дочь замужем и с детьми – тогда бы она реализовалась бы и как замечательная бабушка, тем более, что Люсе уже исполнилось двадцать восемь и ее близкие подружки – Марина и Ада, кто как, но устроились в жизни на это счет. Про себя Наталья Антоновна признавала, что это лучше, чем ничего – все-таки у них у каждой есть постоянный мужчина и ребенок, хотя в глубине души полагала, что подружки все-таки скурвились, как она однажды высказалась Люсе. А вот у родной ее дочери, такой красивой, удавшейся по всем статьям, почему-то ничего прочного и серьезного не получалось, и это было предметом постоянных расстройств. Люся рассказывала Михаилу, что еще студенткой МВТУ сумасшедше влюбилась в сокурсника, который не ответил ей с тем же пылом, хотя она ему нравилась. Люся страдала по нему достаточно долго, пока наваждение не кончилось. – «Когда? – спросил Михаил. – После того, как ты ему отдалась?» – «Да.» – печально подтвердила Люся, в то же время улыбкой подтверждая правильность его догадки. Ему не раз и не два приходилось сталкиваться с тем, как чья-то любовь без взаимности исцелялась и переставала существовать душевной раной после физического сближения с любимым человеком, который мог позволить себе ответить только таким образом, но не больше, отдавая дань уважения тому лучшему, что одно существо, вольно или невольно, способно вызвать в другом существе, для которого и это могло с полным правом считаться достижением и подтверждением силы его любви. Но студенческая любовь прошла уже давно, а новая не появилась. Михаил и сам думал об этом с некоторым сожалением. Несмотря на то, что Люся как женщина привлекала его сама, ему почему-то не меньше хотелось, чтобы у Люси появилась полноценная семья и без его участия. Это следовало рассматривать как признак того, что поглощающей любви между ним и Люсей не будет, а, значит, и серьезных изменений в образе их жизни в ходе дальнейших отношений за собой не повлечет. Но мысль об этом не действовала ни на Люсю, ни на него холодным душем – пусть не любовь, но ведь глубокая и не пустяшная по своим последствиям симпатия – разве мало по нынешним временам? Люся могла сидеть у него на коленях и отвечать на ласки, рассказывая Михаилу о своих историях, в том числе о любовных, и слушая его откровенные признания по поводу его поисков счастья дома (в прошлом) и ныне – на стороне. Иногда она отпускала ему ироничные замечания, которые совсем не раздражали Михаила – наоборот, казались вносившими ценный вклад в их общий мыслеобмен, и он, признавая ее правоту, называл Люсю: «Ты мой саркастик,» и они целовались как миленькие, и это не был цинизм.

В том, что словесная природа их разговоров соответствовала истинному положению вещей в околосексуальной сфере, они оба убедились после того, как у них в институте состоялось заседание информационного комитета ИСО – они оба были включены в состав советской делегации. Михаил воочию убедился, какое мощнейшее воздействие оказало присутствие Люси на одного из иностранных участников – членов комитета. Это был глава британской службы информации по стандартам мистер Добсон, уверенный в себе рано полыхавший, но довольно молодой человек, несколько свысока поглядывавший на иностранных коллег – видно, в Британии еще не перевелся тот тип людей, чьими усилиями была создана величайшая империя на планете. Но британская империя как таковая уже в основном давно распалась, поэтому подчеркнутая и высокомерная самоуверенность мистера Добсона показалась Михаилу не совсем

адекватным способом подчеркивать роль его страны при новом мировом положении вещей. Однако от самоуверенности не осталось и следа, когда он ощутил на себе наверняка неожиданное влияние со стороны Люси. Будь он французом, его галантность по отношению к ней казалась бы более естественной, но Добсон явно ничего не мог поделать с собой. Единственное, что удавалось ему, это оставаться в рамках представителя своей родины на международном форуме, не то он давно бы на все сто процентов пустился во все тяжкие, дабы завоевать расположение прекрасной русской дамы. На его счастье Люся вполне прилично говорила по-английски. Заметив во время перерыва, что она курит, он стал постоянно угощать ее какими-то невиданными в России дорогими английскими сигаретами. Его явно воодушевило, когда он выяснил, что Люся – мисс, а не миссис, он сразу спросил, как ее зовут, и она сказала на английский манер, что Люси, и тогда он, не теряя скорости, поинтересовался, как ее ласкательное имя звучит по-русски. «Люсенька» – в его устах прозвучало как дивный колокольчик. Немного коверкая, он все-таки добился более сносного произнесения вслух этого прекрасно звучащего имени под Люсиным терпеливым руководством. Восхищение именем, какое он мог выразить вслух, яснее ясного свидетельствовало о том, какими Люсиными достоинствами он хотел бы восхищаться столь же свободно, однако в данной обстановке в силу своего официального статуса был просто не в состоянии. А получилось ли бы у него добиться Люсиного согласия на встречу вне заседания, он не знал. На родине или в британском посольстве его наверняка проинформировали о том, какие жесткие, лучше сказать – жестокие правила общения советских граждан с иностранцами неукоснительно соблюдаются в «этой стране». Под страхом тюремных наказаний они могут говорить только то и только так, как утверждено соответствующим советским начальством. Их обязывают во всех подробностях сообщать о своих разговорах во время общения с иностранными гражданами, если, конечно, они и без того не являются штатными агентами КГБ. Если под ударным воздействием Люси на все его существо он не позабыл до конца о всех полученных им предостережениях, то лишь потому, что боялся своей неосторожностью повредить Люсе, которая в одночасье стала ему очень дорога. Ему уже никак не хотелось уезжать домой без Люси, но как это можно было устроить? Пригласить в ресторан? Но даже такое банальное и на первых порах мало что значащее событие вряд ли не притянет к себе внимание окружающих, а, главное, органов безопасности. Глядишь, Люсе тогда немедленно прикажут перестать с ним общаться или удалят из русской делегации, а без приглашения в ресторан он имел бы возможность видеться и говорить с ней на заседаниях еще два дня. Так что мысль о походе в ресторан лучше было отложить на день окончания сессии. Но даже если бы с советской стороны препятствий не было бы, как он мог бы обеспечить переезд Люси в Англию? Ведь она ему не жена (ах, кстати, он пока еще женат на другой) и не родственница. Кто и на каком основании пустит ее в Лондон из-за железного занавеса против коммунизма? У Люси тогда будут только два пути: либо приехать по его приглашению, под его личные гарантии и ответственность, либо оформиться в качестве члена туристской группы – но там она оставалась бы под постоянным надзором старшего туристской группы, почти наверняка функционера КГБ, а стоило бы это для Люси очень дорого, причем ей еще вполне могли не дать разрешения на выезд советские власти, а на въезд в Англию – британские. Так что по существу оставалась лишь одна возможность – официально оформить для Люси его персональное приглашение, а для этого надо было сначала вернуться домой. Пытаться оформить приглашение сразу здесь, в посольстве, бессмысленно – ему сразу укажут на опасность оказаться во власти соблазнительной советской агентессы и объяснят, что для гарантии британской безопасности им надо сперва убедиться, не стоит ли за приглашаемой КГБ, на что требуется время.

Между тем Люсенька нравилась ему все больше и больше. Ему уже предметно виделось, как он начнет с ней новую жизнь в гармонии, о которой всегда мечтал и которой так и не добился в отношениях со своей женой. В возрасте между тридцатью и сорока он еще не так

стар, чтобы опасаться не удовлетворить русскую красавицу, тем более, что он еще никогда в жизни не испытывал подобного мужского вдохновения при виде женщины, как это случилось с Люсей. Развестись с женой он готов был сразу же, без промедления, но это тоже требовало усилий и времени, а так нелегко было ждать, ждать и ждать! Добсон почему-то не сомневался, что Люсенька согласится выйти за него. У него прочное положение в обществе, удачная карьера до сей поры не ограничивала возможности дальнейшего роста, и в его силах было устроить Люсеньке у себя на родине такую жизнь, какой у неё наверняка не было бы в ее проклятой всем остальным миром родной стране. Они бы могли на выходные путешествовать по Англии, Шотландии и Ирландии, да и по Западной Европе тоже, а в отпуск отправляться в какие угодно экзотические страны и места – в Индию, Индокитай, в Океанию, в Африку и ее кишачие живностью саванны, в Канаду и Штаты, наконец. Захочет посмотреть Австралию – будут ей и кенгуру, а Новую Зеландию – так маори и киви. И везде они будут со страстью отдаваться друг другу, везде их близость будет поднимать их над грешной и скучной Землей.

Михаил про себя соглашался с Добсоном, что Люся не устоит против его страстного и искреннего напора. Да и зачем ей сопротивляться? Что ей терять в СССР? Здесь ее мало что держит. Родителям, конечно, придется несладко. Антона Борисовича наверняка попрут с поста зам. директора, и ему нечего станет тратить на бегах. Наталье Антоновне будет совсем грустно – разве что будет выезжать время от времени в Англию по приглашению дочери, чтобы увидеть ее и, возможно, внучат. А большинство её друзей – евреи, и почти все они намылились эмигрировать в Израиль, на самом же деле – в Соединенные штаты. Люся прямо не спрашивала Михаила, посоветует ли он принять предложение Добсона, если таковое последует, но он понял, что Люся хочет знать.

– Люсенька, если он тебя устраивает, уезжай. Там все-таки более полноценная жизнь, чем у нас. Английский ты знаешь, языкового барьера перед тобой не будет. Боюсь только, английские власти не придут в восторг от того, что подданный ее величества настолько быстро подпал под чары русской дамы, что скорей всего ему подсунули опытную соблазнительницу из штатного состава КГБ. Его-то они точно будут досконально проверять, а тебя – как у них получится. Посмотрим, что из всего этого выйдет. И они посмотрели.

Достаточно скоро домой к Люсе пришел пакет документов из Британского посольства. Люся тут же вызвала к себе Михаила, и они тщательно просмотрели каждую бумагу. Мистер Добсон сдержал слово, данное Люсе. Это было официальное приглашение от его имени посетить его страну в любое удобное для нее время. В посольских комментариях к приглашению Добсона разъяснялось, что оно действительно в течение неограниченного времени (уж раз приглашают, так приглашают). Однако вопрос о ее выезде в Англию из СССР находится в компетенции советских властей.

Поскольку документы пришли по почте, нечего было сомневаться, что в КГБ их уже прочли. – «Что ты думаешь по этому поводу?» – спросила Люся. – «Думаю, в органах решат одобрить твою поездку, если ты согласишься выполнить какое-то определенное задание или вовсе станешь их сотрудницей.» – «Этого мне только не хватало,» – помрачнела Люся. – «А ты как думала? Им ведь дела нет до твоих удовольствий, они привыкли думать только о своих. Для них приятно и полезно заслать туда своего человека, особенно потому, что они вроде как ни причем – ведь это не их инициатива, а Добсона. Но если англичане узнают, что тебя пытались завербовать, их контрразведка наверняка устроит Добсону кучу гадостей – почти столько же или столько же, сколько их устраивает нашим гражданам родное КГБ в аналогичной ситуации. Разве только не посадят, как у нас, но мало ему все равно не покажется.

– Знаешь, ты был прав, – через неделю сказала Михаилу Люся. – Меня вызвали в районное управление к тому же Кухарю, о котором ты мне рассказывал. Все повторилось, разговор шел в том же кабинете под портретом основателя ВЧК. Очень любезно говорилось о заинте-

ресованности органов в вербовке такой фигуры, как Добсон. За это, дескать, орден могут дать не только мне, но и им. За этим, в передаче Люси, произошел следующий диалог.

– «Таким образом, – спрашиваю Кухаря, – вы полагаете, что мне следует принять его предложение?» – «Да,» – говорит. – «Ну, а дальше что?» – продолжаю я. (Кстати, Миш, мне очень помог твой пример, когда ты с опережением высказал его мысли) – «Дальше? Вам поручат выполнение определенного задания.» – «Меня не это интересует, – говорю. – Меня интересует, что дальше будет со мной?» – «С вами?» – удивляется Кухарь. – «А то с кем же еще? – отвечаю. – Вы хотите, чтобы поехала к нему в гости в Англию непонятно в качестве кого? Он, как мне известно, женат. Мне предложения не делал, обещаний жениться на мне не давал. Зачем мне в таком случае ехать? Сама я к нему не стремилась. Быть в чужой стране на его содержании, когда я его почти не знаю – это, согласитесь, не очень прилично для советской женщины. Не думаю, что такое положение может устроить меня.» – «Людмила Антоновна, вы, пожалуйста, не торопитесь с выводами, – поспешил возразить Кухарь. – Вы вполне можете все спокойно и трезво обдумать. После этого мы снова с вами поговорим. До свидания,» – говорит. – «Всего хорошего,» – отвечаю. И ушла.»

Тот разговор Михаила с офицером районного управления КГБ по фамилии Кухарь, о котором упомянула Люся, состоялся месяца за два до ее посещения того же заведения. Однажды в коридоре института его остановила тогдашняя начальница первого отдела Валерия Петровна и вроде как вскользь сообщила: «Миша, с тобой хочет поговорить Кухарь из районного управления КГБ. Это рядом. Особняк в Скарятинском переулке. Зайди к нему.» Приглашение выглядело просто-таки по-домашнему. Валерия Петровна была в прошлые времена «кумой» в женском лагере, но эта служба не испортила ее до конца, и человечности она не растеряла. Почему-то она симпатизировала Михаилу. И именно от нее он впервые узнал, что мило улыбающаяся ему Мария Орлова говорит о нем очень нехорошие вещи директору Беланову. («Так что, Миш, смотри»). Не послушаться Валерии Петровны насчет визита к Кухарю не имело смысла – если тот хочет поговорить, все равно разговор состоится. Михаил без труда нашел особняк, мимо которого не раз проходил. Передняя дверь была заперта, но сбоку на косяке имелась кнопка звонка. Михаил нажал кнопку, но звонка не услышал. В ведомстве не любили, чтобы из принадлежащих ему домов доносились какие-нибудь звуки. Дверь открылась достаточно быстро. На пороге стоял относительно молодой человек в гражданском костюме, на вид не старше тридцати лет. – «Я к товарищу Кухарю,» – пояснил Михаил в ответ на немой вопрос. – «Проходите, – сказал человек, сделав шаг назад и пропуская Михаила вперед себя. – Я Кухарь. Вы, полагаю, Михаил Николаевич Горский?» – «Да, – подтвердил Михаил.» – «Очень приятно,» – удовлетворенно откликнулся Кухарь и открыл перед ним дверь в кабинет. Над столом хозяина кабинета висел внушительного размера портрет Феликса Эдмундовича – бессмертного духовного покровителя всех советских спецслужб, сколько бы их ни было: ЧК, ОГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ, КГБ – и пронизательным взором упирался в глаза людей, оказавшихся в поле зрения органов.

Кухарь начал с того, что посетовал: не все граждане отдают себе отчет в том, что какие-то вещи не следует делать, поскольку это ни в интересах страны, ни в их собственных. Михаил слушал, не перебивая. Увертюра Кухаря пока ни о чем не говорила. Лучше было дать ему без посторонней помощи проявить свое намерение до конца. Внешне и внутренне Михаил был спокоен, даже не спрашивал себя, чем он мог провиниться перед конторой. С секретным делопроизводством у него был полный порядок ввиду полного отсутствия в его отделе секретных работ. Несанкционированных контактов тоже не существовало – до сих пор не возникало надобности даже в санкционированных. Кухарь тем временем продолжал. – «В такой обстановке имеет особое значение позиция всех членов общества, – в этом месте Кухарь слегка замялся, и Михаил неожиданно для себя самого любезно-безразличным тоном продолжил за Кухаря: в деле обеспечения интересов общества и его членов.» – Кухарь слегка опешил,

но быстро просчитав что-то в уме, – подтвердил: «Совершенно верно.» Если это была преюдия к вербовке, лучше было сразу дать знать офицеру госбезопасности, что он понимает, о чем идет речь. Встречное движение ловимых нередко настораживает ловящих в большей степени, чем поведение стремящихся убежать.

Кухарь в самом деле сменил пластинку.

– Вам знакома Валентина Михайловна Смиренина? – спросил он.

– Да. Она работала в моем прежнем отделе.

– Ну, и что вы можете о ней сказать?

– Как о работнике? Как инженер – достаточно слабый, хотя какие-то мелкие поручения способна была выполнять.

– Ну, а как человек?

В ответ Михаил только пожал плечами.

Валя попала в его отдел во время экстренного массового набора кадров, пока институту не прикрыли возможность заполнять свободные вакансии. Для начала он дал ей несложное самостоятельное задание. Когда же пришел срок предъявить начальнику результаты, Валя разыграла спектакль одного актера со слезами, словесным отчаянием – словом, со всем, что полагается по поводу того, что она вчера оставила материалы в троллейбусе и теперь не может их найти. На Михаила ее мастерство актрисы не произвело никакого впечатления. К тому моменту он уже ждал, что Валя будет пускать пузыри, в то время как внешне более образованные гурвицы, лернеры и фиши ухитрились проявить свое бессилие и неспособность даже раньше Вали. Зато он теперь точно знал, кто у него ни что не способен при выполнении своих штатных обязанностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.